

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

OLD BELIEVER

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2024. Т 2. № 2

oldbeliever.ru

Старообрядчество

2024. Т. 2. № 2

ISSN (print) 2949-4001

ISSN (online) 2949-3994

Научный журнал «Старообрядчество» зарегистрирован в Российской Федерации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2023 г., выходит четыре раза в год. Учредитель и издатель — Паламаренко Е.В.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 — 85733 от 14.08.2023 г.

Главный редактор

ПОЗДЕЕВА Ирина Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Церкви исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Редакционный совет

БОЧЕНКОВ Виктор Вячеславович, кандидат филологических наук, заведующий архивом Митрополии Московской и всея Руси, Русская православная старообрядческая церковь, Москва

БУБНОВ Николай Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский отдел рукописей, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

БУРАЕВА Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ВАСИЛЬЕВА Светлана Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры религиоведения и теологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

ДАНИЛКО Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра визуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

КЛЕЙ Юджин, доктор философии, профессор религиоведения в Школе исторических, философских и религиозных исследований, Университет штата Аризона, США

КЕРОВ Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальной и экономической истории России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОСТРОВ Александр Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет

КРАСОВСКИ Аксиния, профессор, заведующая кафедрой русской и славянской филологии Факультета иностранных языков и литературы; президент Румынской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Бухарестский университет, Бухарест, Румыния

МОРРИС Тамара Балдановна, доктор филологических наук, профессор факультета русистики, восточноевропейских и евразийских исследований, Орегонский университет, США

ПРИГАРИН Александр Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет

САКАМОТО Хидэаки, доктор филологических наук, почетный профессор, председатель, Университет Тэнри (Япония); Японское общество исследователей старообрядчества

ТАРАНЕЦ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, руководитель Музея истории и культуры старообрядчества, Украина

Ответственный секретарь

ЛАЗАРЕВА Анна Юрьевна, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Восточный разряд», Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес редакции и издателя

127018, Москва, ул. Складочная, 6, к. 2, оф. 20

E-mail: journal@oldbeliever.ru

Сайт: oldbeliever.ru

Old Believer

2024, vol. 2, no. 2

ISSN (print) 2949-4001
ISSN (online) 2949-3994

Scientific journal "Old Believer" is registered in Russian Federation by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Published since 2023. Quarterly journal. Founder and publisher — Evgenii Palamarenko

Date of registration: 14th August, 2023. Registration certificate ПИ № ФС 77 — 85733

Editor-in-Chief

POZDEEVA Irina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Editorial Council

BOCHENKOV Viktor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Archives of the Metropolis of Moscow and All Rus', Kostroma, Russian Orthodox Old Believer Church, Moscow

BUBNOV Nicolay, Doctor of Historical Science, Leading Researcher of the Research Department of Manuscripts, Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg

BURAEVA Svetlana, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

DANILKO Elena, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Visual Anthropology, The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology

KEROV Valeriy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Economic History of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CLAY Eugene, Ph.D., Associate Professor of Religious Studies in the School of Historical, Philosophical, and Religious Studies, Arizona State University, USA

KOSTROV Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk State University

CRASOVSCI Axinia, Professor, Director of Russian and Slavic Department Faculty of Foreign Languages and Literatures; President of Romanian Association of Teachers of Russian Language and Literature, University of Bucharest, Bucharest, Romania

MORRIS Tamara, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian, East European and Eurasian Studies, University of Oregon, USA

PRIGARIN Alexander, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

SAKAMOTO Hideaki, Doctor of Philology, Honorary Professor, Chairman, Tenri University (Japan); Japanese Society for Old Believers Research

TARANETS Sergey, Doctor of Historical Sciences, Head of the Museum of History and Culture of the Old Believers, Ukraine

VASILYEVA Svetlana, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Buryat State University named after Dorji Banzarov

Executive Secretary

LAZAREVA Anna, Junior Researcher at the Eastern Discharge Research Laboratory, Kazan Federal University

Editorial office and Publisher address

Skladochnaya str., 6, bldg., 2, of. 20, Moscow,
Russian Federation, 127018
E-mail: journal@oldbeliever.ru
Website: oldbeliever.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Исследования

Таранец Сергей Васильевич

Куренёвка — главный духовный центр старообрядцев Белокриницкой иерархии в 1880-е годы5

Кожурин Кирилл Яковлевич

«Вообще же раскол — роковое явление нашей государственности...»
(секретные отчеты гражданских губернаторов о состоянии раскола в
Архангельской губернии в 1850–1860 годы)36

Гувакова Елена Витальевна

Феномен актуальности темы церковного раскола XVII века в комментариях к лекциям И.В. Поздеевой55

Бытко Сергей Станиславович

Проблематика старообрядчества в трудах консервативных публицистов второй половины XIX века74

Маслова Юлия Валерьевна

Письма С.Т. Большакова к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ)90

CONTENTS

Research

Serhii V. Taranets

Kurenyovka — the main spiritual center of the Old Believers of the Belokrinitsa hierarchy in the 1880s5

Kirill Ya. Kozhurin

“In general, the schism is a fatal phenomenon of our statehood...” (secret reports of civil governors on the state of the schism in the Arkhangelsk province in the 50s and 60s of the XIX century)36

Elena V. Guvakova

The Phenomenon of the Relevance of the Theme of the Church Schism of the 17th Century in Comments to Lectures by I.V. Pozdeeva55

Sergey S. Bytko

The problems of the Old Believers in the writings of Conservative publicists of the second half of the 19th century74

Julia V. Maslova

The letters from S.T. Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art)90

доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины

Трёхсвятительская ул., 4, Киев, Украина, 01001
E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Куренёвка — главный духовный центр старообрядцев Белокриницкой иерархии в 1880-е годы

В статье исследуется время возвышения Никольского неокружнического монастыря, располагавшегося в с. Куренёвке Ольгопольского уезда Подольской губернии. На основании широкого круга источников отмечается, что в 1880-е гг. Куренёвский мужской монастырь стал главным духовным центром старообрядцев Белокриницкой церковной иерархии. Умножение значения монастыря тесным образом аффилировано с усилением полемики старообрядцев вокруг знаменитого Окружного послания. Насельники Куренёвских монастырей решительно опровергли этот документ поскольку считали, что высшее руководство старообрядческой Церкви пытается подменить старую православную веру на новую, а посредством обретения примирительного тона, в дальнейшем проводить соглашательскую политику с господствующей в России Церковью. Старцы выступили против принятия Окружного послания и развернули открытую борьбу с его сторонниками. В 1880-е гг. вероисповедные дебаты достигли своего наивысшего подъема, а мужской монастырь стал основным центром сопротивления нововведениям. Местные начётчики не только на теоретическом уровне обосновали свое видение вопроса, но и стали одними из инициаторов учреждения отдельной неокружнической иерархии, существенно повлияли на расширение неокружнического епископата. Монахи проводили значительную миссионерскую работу, регулярно издавали свои сочинения, направленные на отстаивание исконных взглядов старообрядцев. Благодаря активным действиям пустынники имели большое влияние на единоверцев не только Балтской епархии, но и далеко за ее пределами, включая в т. ч. и первопрестольную кафедру в Москве. Впервые в научный оборот вводятся полные имена и биографии многих неокружнических иерархов.

Ключевые слова: Подольская губерния, Куренёвка, Белокриницкая иерархия, Окружное послание, старообрядческие монастыри, духовные центры, неокружники.

...

Для цитирования: Таранец С.В. Куренёвка — главный духовный центр старообрядцев Белокриницкой иерархии в 1880-е годы // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 2. С. 5–35. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0060

6 Serhii V. Taranets

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine

Tryohsvyatitelska Street, 4, Kyiv, Ukraine, 01001
E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Kureniovka — the main spiritual center of the Old Believers of the Belokrinitza hierarchy in the 1880s

The article investigates the time of the rise of the Nikolsky Neokruzchnik monastery, located in the village of Kureniovka, Olgopolsky district, Podolsk province. On the basis of a wide range of sources it is noted that in the 80s of the nineteenth century the Kureniovka monastery became the main spiritual center of the Old Believers of the Belokrinitza church hierarchy of southern and southwestern Russia. The increasing importance of the monastery is strongly associated with the intensification of Old Believers' polemics around the famous District Epistle. The monks of the Kureniovka monasteries strongly refuted this document because of their belief that the supreme leadership of the Old Believer Church was trying to substitute the old Orthodox faith with a new one, and by adopting a conciliatory tone, to further pursue a conciliatory policy with the dominant Church in Russia. The elders opposed the adoption of the District Epistle and engaged in an open confrontation with its supporters. In the 1880s religious debates reached their highest point, and the men's monastery became the main center of resistance to the innovations. Not only did the local monks substantiate their view of the issue on a theoretical level, but they also became one of the initiators of the establishment of a separate neo-denominational hierarchy and significantly influenced the expansion of the neo-denominational episcopate. The monks carried out considerable missionary work, regularly published their works aimed at defending the original views of the Old Believers. Owing to their efforts, the hermits had a great influence on the believers not only in the diocese of Balta, but also far beyond its borders, including, among others, the capitol pulpit in Moscow. For the first time, the full names and biographies of many neokruzhniki bishops are introduced in the scientific literature.

Keywords: Podolsk province, village Kureniovka, Belokrinitzskaya hierarchy, District Epistle, Old Believer monasteries, spiritual centers, neokruzhniki.

...

For citation: Taranets S.V. Kureniovka — the main spiritual center of the Old Believers of the Belokrinitza hierarchy in the 1880s. *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 5–35. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0060

Во второй половине XIX в. Куренёвский Никольский монастырь являлся крупнейшим мужским монастырем в системе Белокриницкой церковной иерархии, имевшим громадное религиозное, духовное и нравственное воздействие на старообрядцев значительной части Российской империи в деле поддержания и распространения старой православной веры. Монастырь вел ощутимую духовно-нравственную работу, учил проявлять милосердие к ближнему и сам много содействовал социальному служению обществу; стал кузницей кадров неокружнических архиереев, рассылал в разные регионы пользующихся авторитетом иноков, обладавших широкими богословскими знаниями и начитанностью, большими личными связями, благодаря чему имел влияние на окружающих его верующих. Неслучайно куренёвские иноки называли себя «лучшими христианами», «строгими хранителями церковных преданий», а сами монастыри «достоянием всего старообрядчества» [ЦГАВО Украины. Ф. Р.-5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 220 об.].

Однако несмотря на очевидно видное место, которое занимала эта обитель в истории и культуре древнего православия, рассмотрение процессов, происходивших в ее стенах, проводилось крайне недостаточно, поэтому данное исследование является одним из важных этапов в деле изучения истории, традиционной культуры и повседневной жизни не только этого монастыря и белокриницкого старообрядчества, но и всего православия в целом. К слову, следует добавить, что нападение куренёвских старцев на Окружное послание оказывало значительное влияние на верующих староверов не только южной и юго-западной России, но и всей Белокриницкой иерархии, в связи с чем Никольский монастырь один за другим выдвигал целый ряд своих миссионеров, прежде всего архиереев, не согласных с примирительным тоном учения окружников.

Объектом исследования являются процессы, происходившие в Куренёвском Никольском старообрядческом мужском монастыре в 1880 г., а его предметом — проблема функционирования этой обители в период своего наивысшего подъема борьбы со знаменитым Окружным посланием, изданным в 1862 г. в Москве, и разделившим Белокриницкую церковную иерархию на два согласия: окружническое и неокружническое. Цель работы состоит в исследовании истории и традиционной культуры Куренёвского мужского монастыря, включая его взаимодействие с окружающим миром, прежде всего с неокружническими общинами Балтской и Бессарабской епархии, единоверцами своего согласия в Москве и некоторых др. регионах. Предусматривается решение нескольких задач, среди которых представление вероисповедных взглядов куренёвских иноков, аффилированных с полемикой вокруг Окружного послания, выявление монашествующих персон, внесших большой вклад в развитие мужского монастыря, изучение движений, происходящих как в согласии московского епископа Иова, так и в согласии нижегородского епископа Иосифа, тесно связанных с Никольским монастырем, изучение взаимодействия куренёвских старцев по вероисповедным вопросам с наиболее активными общинами Балтской епархии, а также за ее пределами, в частности в г. Москве. На основании выявленных источников следует создать до настоящего времени совершенно не изученные биографии неокружнических архиереев и в целом обратить внимание на их внутриконфессиональную деятельность. Для решения поставленных задач применен ряд методов, среди которых метод сплошного вы-

явления архивных и опубликованных источников и соответствующей литературы. Широко реализован историко-критический метод к источникам, в свое время издаваемым господствующей Церковью, акцентируется внимание на достоверности изложенных в них фактов и взглядов авторов публикаций на те или иные алгоритмы исследований официальных представителей исторической науки.

Специальное историческое и внутриконфессиональное изучение развития Куренёвского Никольского мужского монастыря практически не проводилось несмотря на то, что существует значительный пласт источников по данной проблеме. О существовании в Никольском монастыре его собственного архива упоминали и сами иноки в письме к московскому епископу Иову [Письмо из Куренёвского монастыря. 1886. С. 204], но этот большой архив был полностью утрачен в результате разрушения обители в 30-е гг. XX в. [Воспоминания старообрядцев. 2014. Т. 2. С. 333]. Вопреки ярко выраженной конфессиональной ангажированности, большой вклад в публикацию источников сделал профессор Н.И. Субботин, опубликовавший в «Летописях происходящих в расколе событий» заслуживающий на отдельное рассмотрение материал, касающийся истории неокружнического движения, в целом, и мужского монастыря в с. Куренёвке, в частности. Прежде всего следует назвать сочинения бессарабского епископа Тарасия (Москвичёва) [Письмо Тарасия. 1886. С. 27] и балтского епископа Кирилла I (Яблочникова) [Письмо епископа Кирилла. 1889. С. 198, 225; Часть письма епископа. 1889. С. 211], а также известное Послание куренёвских старшин московскому епископу Иову (Борисову) [Письмо из Куреневского монастыря. 1886. № 13. С. 200]. Регулярные публикации о происходящих в среде неокружников событиях издавал еженедельный журнал «Церковный вестник», выходивший в 1875–1915 гг. при Санкт-Петербургской духовной академии. В работе широко используются как архивные, так и опубликованные источники, в частности полученные в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки, Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге, Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины, Центральном государственном историческом архиве в г. Киеве, а также некоторые нарративные источники, полученные в ходе авторских историко-археографических и этнографических экспедиций в с. Куренёвку Винницкой области.

Веками сложившаяся последовательная приверженность древней православной вере санкционировала за Куренёвкой признанный статус главного духовного центра старообрядцев Белокриницкой иерархии на равне с такими широко известными очагами староверия как Выго-Лексинское общежитие, Керженец, Ветка, Стародубье, Иргиз, Рогожское и Преображенское кладбища. Утвердившийся высокий уровень отмечали как сами старообрядцы, так и ученые, представители гражданской местной и высшей духовной и светской власти Российской империи. В 1867 г. подольский губернатор А.Д. Горемыкин писал киевскому генерал-губернатору А.П. Безаку: «Куренёвский монастырь не только имеет большое влияние на раскольников Подольской губернии и близких к ней, но даже имеет еще большее влияние на раскольников московских, казанских и многих других, даже заграничных — как в Турции, в княжествах и в Австрии, — так равно и потому, что вытесненные из этого монастыря раскольники могут вредно повлиять на прочих раскольников, коих капиталы

и производительный труд скроются из Подольской губернии и будут впредь обегать ее» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1867 г.). Д. 11. Л. 109].

На весомом значении монастыря делал акцент и обер-прокурор Святейшего Синода во всеподданнейшем отчете за 1896–1897 гг. К.П. Победоносцев, который со знанием дела отмечал, что из всех существовавших во второй половине XIX в. старообрядческих монастырей, Куренёвский Никольский монастырь по своему духовному влиянию на приверженцев старой православной веры, выделялся из множества других обителей, поскольку обеспечивал Российскую империю архиереями-противоокружниками, рассылал по всему югу и юго-западу страны своих миссионеров для пропаганды идей древней веры и распространения старообрядчества [Всеподданнейший отчет. 1899. С. 130].

Религиозное влияние Куренёвских монастырей являлось важным и на краевом уровне. В частности, Подольская духовная консистория отмечала, что духовная роль Куренёвских монастырей является весьма значительной. Монастырские старцы поддерживали тесные отношения со своими именитыми единоверцами из Москвы и других крупных городов, получали от них внушительные пожертвования, для распространения и утверждения старой православной веры, имели право бесконтрольно распоряжаться полученными средствами [РГИА. Ф. 797. Оп. 51. Отд. II. Ст. 3. Д. 297. Л. 10 об.]. Миссионеры называли Куренёвские монастыри своего рода митрополией регионального старообрядчества [К истории. 1884. С. 402].

Подольские историки В. Лотоцкий и А. Юр писали о мужском монастыре: «В настоящее время Куренёвский монастырь представляет из себя митрополию не только подольских, но и всех малороссийских старообрядцев. К 9-му мая сюда стекается весьма значительное число паломников из самых отдаленных углов Подолии и других губерний юга. Совершается торжественное архиерейское богослужение, обыкновенно Кириллом Балтовским и Петром Бендерским, устраиваются грандиозные крестные ходы и обильные церковные трапезы. Торжество продолжается семь дней, оставляя в умах и сердцах паломников самые глубокие впечатления и воодушевляя их к дальнейшей ревности к «древнему благочестию»» [Лотоцкий, Юр, 1909. С. 6].

В этой связи важны высказывания и самих староверов, в частности видного старообрядческого деятеля своего времени, настоятеля рогожских храмов в Москве, протоиерея Феодора Гусякова. В 1916 г. при посещении Куренёвки он отмечал: «Куренёвские монастыри являлись центральным местом южных старообрядцев. Они в настоящий праздник стекались сюда со всего юга, как в объединяющее их место. Как в былое время для старообрядцев объединяющими их местами служили Стародубье, Иргизские монастыри и друг.; как ныне такими же местами являются Рогожское кладбище в Москве, Черемшанские обители, — так для южных старообрядцев центром, их объединяющим, является настоящее место» [Куренёвский. 1916. № 24. С. 524].

В 1860 г. с. Куренёвка Ольгопольского уезда Подольской губернии становится официальной резиденцией старообрядческого епископа Балтского, а после разделения в недрах самих неокружников и епископа Бессарабского. На балтскую кафедру рукополагается настоятель мужского монастыря Варлаам (Рымарев), который в 1856 г. братией обители избран на должность игумена, сменив на этом месте своего отца Марка. Сан иерарха Варлаам

получил в Москве в 1859 г. 24 февраля 1862 г. он являлся участником Московского собора и, вместе с архиепископом Антонием I (Шутовым), епископами Онуфрием (Парусовым) и Пафнутием (Шикиным), членами Московского духовного совета иереями Петром и Федором и др., подписал составленное И.Г. Кабановым и впоследствии получившее широкий резонанс знаменитое Окружное послание [Зеленков, 1906. Ч. 1. С. 154].

В 1870–189 гг. Куренёвский Никольский монастырь стал главным ядром противокружничества всей Российской империи. В этой старообрядческой обители зародилась идея неокружничества, сформированная вековыми антисинодальными и антимонархическими настроениями приверженцев древнего благочестия. Из стен мужского монастыря вышло около двух десятков архиереев-неокружников, среди которых основатель древлеправославной Церкви старообрядцев Белокриницкой иерархии, не приемлющих Окружного послания, епископ Антоний II Московский, возведенный в сан архиерея на московскую кафедру 24 июля 1864 г. митрополитом Кириллом Белокриницким в буковинском с. Соколинцы [ОР РГБ. Ф. 246. К. 208. Д. 7. Л. 6]. В неокружнические святители выдвинуто целый ряд иноков обители, в т. ч. Тарасий (Москвичёв), Иосиф (Вавилов), Кирилл I (Яблочников), Герасим (Сибирцев), Симеон (Бельченко), Петр (Иванов), Иов (Борисов), Филарет (Иванов), Михаил (Донцов), Филагрий (Козозаев), Савва (Суржигов), Петр (Глазов) и др.

Видную роль в жизни мужского монастыря играли не только епископы, но и священноиноки, архимандриты, игумены, уставщики, соборные старцы, попечители, казначеи, экононы. Среди выдающихся монастырских деятелей следует назвать уставщика Аарона (Волкова), который поступил в монастырь в 1820 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 20. Л. 36]. В 1836 г. игуменом монастыря был инок Геннадий, в то время как хозяйственной частью заведовал эконом Геронтий (в миру Герасим Ефимович Кравцов) [К истории. 1884. № 20–21. С. 405], родившийся в 1798 г. в с. Куренёвке и состоящий в мещанах г. Ольгополя Подольской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1871 г.). Д. 29. Л. 3 об. – 4]. В 1838 г. в число братии монастыря поступил инок Мефодий (в миру Михаил Иванович Соколов), родившийся в 1821 г. в г. Кишинёве [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 30. Л. 14]. В том же году в число братии поступил будущий нижегородский епископ Иосиф (в миру Терентий Вавилович Вавилов), который 1860-е — начале 1870-х гг. заведовал хозяйственной частью обители [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1874 г.). Д. 30. Л. 2 об. – 3]. С декабря 1841 г. по июль 1842 г. игуменом монастыря был инок Гурий (в миру Гавриил Иванович Иванов) [К истории. 1884. № 23. С. 480], родившийся в 1808 г. в Верейском уезде Московской губернии [ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 831. Д. 385. Л. 1 об. – 2]. С 1842 г. обязанности игумена исполнял инок Павел [К истории. 1884. № 20–21. С. 406]. В 1845 г. игуменом монастыря был инок Иринарх, происходивший из румынских некрасовцев. Раньше 1850 г. в монастырь поступил инок Иоиль (в миру Иван Васильевич Готовкин), родившийся в 1822 г. в с. Плоском Тираспольского уезда Херсонской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1870 г.). Д. 35. Л. 5 об. – 6]. В 1851 г. должность игумена занимал инок Иракий [К истории. 1884. № 25. С. 526]. В 1854 г. в число братии поступил инок Варлаам (в миру Василий Емельянович Рымарев), родившийся в 1790 г. в г. Балте Подольской губернии, но являвшийся мещанином г. Хотина Бессарабской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 20. Л. 36]. Как известно, в 1859 г. в г. Москве Варлаам был рукоположен в сан епископа на Бал-

тскую кафедру. В 1854 г. в монастырь поступил еще один выдающийся инок, с 1866 г. епископ Тарасий (в миру Тимофей Андреевич Москвичёв), родившийся в 1832 г. в с. Плоском Тираспольского уезда Херсонской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1870 г.). Д. 35. Л. 4 об. – 5]. В 1865 г. в монастырь поступил инок Моисей (в миру Михаил Васильевич Васильев), родившийся в 1814 г. в с. Затворное Скопинского уезда Рязанской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 30. Л. 15 об. – 16]. К числу видных соборных старцев принадлежал один из монастырских долгожителей инок Симеон (в миру Степан Семенович Костромицкий), родившийся в 1772 г. в г. Бендеры Бессарабской губернии. В Никольском монастыре он проживал с 1843 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1874 г.). Д. 30. Л. 2 об. – 3]. С 1859 г. одним из видных деятелей монастыря становится казначей Филарет (в миру Федор Григорьевич Петров), родившийся в 1779 г. в г. Кишинёве. В 1871 г. он некоторое время исполнял должность игумена монастыря [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1871 г.). Д. 29. Л. 2]. В 1859 г. в число братии поступил кишинёвский мещанин инок Антоний (в миру Авраам Васильевич Гусляков), родившийся в 1815 г. в г. Брацлаве, но являвшийся мещанином г. Вербовца Ушицкого уезда Подольской губернии [ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 831. Д. 385. Л. 185 об. – 186]. С 1863 г. видным деятелем монастыря продолжительное время был его попечитель инок Сирах (в миру Сергей Филиппович Стальнов), родившийся в 1826 г. в Богородском уезде Московской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1874 г.). Д. 30. Л. 2 об. – 3]. В 1872 г. игуменом монастыря был инок Герасим (в миру Григорий Сильвестрович Сибирцев), родившийся в 1805 г. и происходивший из крестьян Аджамской волости Елисаветградского уезда Херсонской губернии [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1872 г.). Д. 27. Л. 2]. В 1873 г. в число обительской братии поступил инок Филарет (в миру Федор Иванович Иванов), родившийся в 1822 г. в Верейском уезде Московской губернии. По всей вероятности, после ухода на покой московского епископа Конона, именно он был возведен в сан епископа на первопрестольную Московскую кафедру. В 1875 г. в число братии поступил будущий балтский епископ Филагрий (в миру Федор Тимофеевич Козозаев), родившийся в 1839 г. в Суражском уезде Черниговской губернии [ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 831. Д. 385. Л. 1 об. – 2]. Продолжительное время лидирующие позиции в монастыре занимал священноинок Симеон (в миру Стефан Миронович Бельченко), родившийся в 1818 г. в Сорокском уезде Бессарабской губернии. Симеон поселился в монастыре в 1874 г., через некоторое время был возведен в сан священноинока и продолжительное время открыто исполнял эти обязанности. Затем Симеон был поставлен в сан епископа на Бессарабскую и Подольскую епархию [Там же. Л. 5 об. – 6]. В 1877 г. в обитель поступил инок Амвросий (в миру Андрей Григорьевич Баланов), родившийся в 1803 г. в г. Гайсин Подольской губернии. В 1879 г. в монастыре осел один из последовательных противников Окружного послания епископ Кирилл I (в миру Клим Иванович Яблочников), родившийся в 1818 г. в с. Грубно Хотинского уезда Бессарабской губернии [Там же]. В том же году в монастырь поступил и будущий неокружнический епископ Новозыбковский инок Михаил (в миру Макар Иванович Донцов), родившийся в 1800 г. в с. Кунича Сорокского уезда Бессарабской губернии [Там же. Л. 4 об. – 5]. В 1881 г. игуменом монастыря избирался инок Антоний [Там же. Л. 1 об. – 2].

В последней четверти XIX в. полемика вокруг Окружного послания значительно усилилась и центром ее проведения стал Никольский мужской монастырь в с. Куренёвке. Мо-

настырские старцы старались привлечь на свою сторону как можно большее число сторонников, поэтому регулярно проводили вероисповедные дебаты, в основном устраиваемые ежегодно к 9 мая на престольный праздник в день святителя Николы Чудотворца. Видное место в вероисповедной полемике занимал куренёвский инок, а затем балтский епископ Кирилл I (Яблочников). Неслучайно хорошо разбиравшегося в происходящих событиях миссионер Н.И. Субботин называл Кирилла одним из самых видных представителей неокружнического движения, «архираскольником» и «особым изувером», «истым раскольником, фанатиком до мозга костей, с самыми дикими понятиями расколоучителей XVII в., пред авторитетом которых беспрекословно преклоняются» [Субботин, 1888. С. 188].

Кирилл I (в миру Клим Иванович Яблочников), родился в 1818 г. с. Грубно Хотинского уезда Бессарабской губернии. В зрелом возрасте поступил в Куренёвский мужской монастырь, где и принял иноческий постриг [ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 831. Д. 385. Л. 89 об. – 90]. Не позже 1880 г. неокружническим епископом Иосифом Нижегородским был рукоположен в архиереи на балтскую кафедру; являлся постоянным участником соборов старообрядческого духовенства и мирян-неокружников в г. Москве. В 1881 г. вступил в конфликт со своим протеже епископом Иосифом, обвиняя его в умышленной задержке рукоположения первопрестольного архиерея на московскую кафедру, а затем и с куренёвскими иноками, за что был удален из Никольского монастыря, однако пастырскую деятельность на этом не приостановил [Там же. Л. 144 об. – 145]. Одумавшись он решил и дальше исполнять святительские обязанности. В 1882 г. по инициативе своего сподвижника коломенского епископа Герасима, в г. Кишинёве был созван специальный собор, на котором рассматривался вопрос о дееспособности епископа Кирилла. Собор не нашел причин к его запрещению и подтвердил право на священнодействие [ОР РГБ. Ф. 246. К. 171. Д. 6. Л. 2]. Согласно решению Московского собора от 27 августа 1882 г. он не только остался на своей кафедре, но и совместно с другими епископами, стал управлять Московской епархией. 11 октября 1884 г. Кирилл возвел в архиереи на московскую кафедру епископа Пафнутия за что был запрещен в священнодействии Иосифом Нижегородским, но с решением последнего не согласился. 25 сентября 1885 г. он вынес уже собственное соборное запрещение на Иосифа, за что был извержен из сана этим епископом. Кирилл во второй раз не подчинился соборному решению Иосифа. Несмотря на внутренние разногласия в среде неокружников, архиерей стал одним из самых видных представителей неокружнического движения и оставил после себя богатое литературное наследие. В его сочинениях учение противокружников выступает не только экспрессивно, но и во всей своей полноте и разнообразии.

Во взглядах Кирилла достаточно хорошо просматриваются воззрения как самих старцев Куренёвского монастыря, так и в целом аффилированных с ними верующих огромной Балтской и всея Бессарабии епархии, которая охватывала значительную территорию Украины и Молдавии, включая Подольскую, Киевскую, Волынскую, Херсонскую губернии, большую часть Бессарабской губернии, некоторые места компактного проживания староверов в Полтавской губернии, в частности находившиеся на правом берегу Днепра общины г. Кременчуга и п. Крюкова.

Епископ Кирилл Балтский проповедовал самое радикальное учение староверов о господствующей Церкви, как он считал, разрушившей догматы древней православной веры, равно как и святоотеческие церковные предания. Архиерей прямо говорил, что под именем Иисуса господствующая в России Церковь верует в иного бога: «Иной, новый Иисус пришел в Церковь изгнал истинного Спасителя Иисуса из Церкви» [Субботин Н.И., 1888. С. 188]. Епископ не без оснований констатировал, что после того, как эта Церковь прокляла свои древние святоотеческие догматы, приняв западные нововведения, она стала гнать не только своих пастырей, но и рубить головы самым активным ее членам, вешать их на виселицах, высылать в Сибирь, зарывать живыми в ямы и такой практикой подобных действий отрелась от своего Спасителя Иисуса, приняла нового латинского Иисуса, а 12 апреля 1872 г. Святейший Синод и вообще утвердил решение о допуске в молитвенное общение без всякого чиноприема католиков, и в то же время называл своих же русских старообрядцев заблудшими отступниками. Кирилл ставил риторический вопрос: как можно после всего этого признавать, что господствующая Церковь верует в единого и истинного со старообрядцами Бога и обвинял клириков этой религиозной организации в признании западного обряда как имеющего право на свое существование на равне с восточным обрядом, призывал не считать Христовой совершаемую в этой Церкви евхаристию, поскольку она осуществляется учителями веры Христовой, а значит слугами антихриста.

В издании Окружного послания Кирилл больше всех обвинял его автора И.Г. Ксеноса, осыпая его многочисленной бранью. Архиерей напоминал, что И.Г. Ксенос готов был идти на компромисс с «никонианами» сразу после присоединения к единоверию, поскольку оно допускало совершение богослужений по старому чину. В этой связи он сравнивал стезю И.Г. Ксеноса с путем Павла Прусского, который сначала принял соглашательскую позицию с господствовавшей Церковью, а затем и сам перешел в единоверие. Для Прусского, резонно отмечал Кирилл, имели значение только наложенные на старообрядцев клятвы собора 1667 г., а вот другие ереси уже не существовали. В своих сочинениях епископ отмечал, что хотя Окружное послание и было уничтожено, но смысл изложенного в нем учения продолжал занимать умы и сердца его сторонников, именно поэтому он видел в издании указанного документа происки антихриста, который не только направил свои силы на возникновение раздора и последовавшего за ним разделения для того, чтобы христиане таким способом посрамили свою веру и Христа [Письмо епископа Кирилла. 1889. С. 225].

Кирилл выражал открытое неудовольствие перешедшими в господствующую Церковь старообрядческими епископами Пафнутием и Онуфрием и И.Г. Ксеносом, причем об авторе Окружного послания он говорил, что тот погиб без всяких христианских исправлений. Кирилл склонялся к мысли, что сочинитель Окружного послания проповедовал иного Бога Иисуса Христа и сравнивал его в киевском митрополитом Петром (Могилой), который внедрил на Украине трехперстное крестное знамение, ввел обливательное крещение, исправил имя «Исус» на «Иисус». Даже старообрядческого митрополита Афанасия Белокриницкого обличал в том, что тот в 1881 г. писал ему, что изданное Окружное послание трудно уничтожить в принципе, поскольку в нем изложены объективные истины, чем вызвал подозрения балтского епископа в сближении с католиками и прочими еретиками. Кирилл призывал не

беспокоится о чужой вере, а лучше позаботится о своей, охраняя ее от всевозможных отступлений [Там же. 1889. С. 198].

В вероисповедной полемике архиерей спрашивал своих оппонентов зачем им нужен был латинский крест, которого старообрядческая Церковь не принимала и уточнял, не признают ли они латинский крест за истинный и можно ли в принципе считать храм увенчанный таким крестом православным? По его обоснованному мнению, именно под двучастным крестом латиняне не раз вторгались в пределы России и их «православнии христиане аки псов отгоняли» и именно поэтому староверы не будут подчиняться латинской вере. Более того, Кирилл осуждал применение во время совершения богослужений латинских опресноков и говорил, что И.Г. Ксенос глумился над истинами древнеправославных христиан, равно как и другие его последователи, среди которых называл и будущего епископа-окружника Арсения (Швецова), обличая его в соглашательской с господствующей Церковью политике.

Кирилл критиковал тех окружников, которые считали безблагодатной деятельность запрещенного белокрыницким митрополитом Кириллом московского епископа Антония II за то, что последний не явился на собор «нечестивцев», принуждавших митрополита Кирилла запретить его в священнослужении. Пытался разоблачить деятельность окружнических архиереев, в т. ч. Антония I (Шутова), Варлаама (Рымарева), Онуфрия (Парусова) и Пафнутия (Овчинникова), вынудивших митрополита Кирилла приехать в Москву, а затем и перейти на их сторону. Виновными в расколе старообрядческой Церкви на окружническое и противокружническое согласие он считал епископов Пафнутия и Онуфрия, которые в 1865 г. сами перешли в господствующее вероисповедание: «Итак окаяннии заложили Церкви разные и сами отскочили от нея аки люты звери» [Там же. 1889. С. 202].

Балтский епископ не без оснований утверждал, что староверами было проведено немало соборов для уничтожения Окружного послания, но после них неокружники спрашивали у окружников: «Уничтожено ли Окружное послание, на что те отвечали, что уничтожено», но только текст самого документа, а изложенные в нем идеи они никогда не намерены искоренять. Значит, продолжал Кирилл: «Можно ли так соборы собирать, только бумагу судить и чернило» [Часть письма епископа Кирилла. 1889. С. 211].

Кирилл обвинял окружников в примирении многочисленных новшеств, в частности во внедрении обряда хождения вокруг престола против солнца, что противоречило древним обычаям старообрядческой Церкви, отмечал, что аналогично им так делала и официальная Церковь и спрашивал окружников, неужели они окончательно с ней согласились. Кирилл напоминал митрополиту Афанасию Белокрыницкому, что за непризнание епископа Антония II Московского, обвиняемого в церковном разделении, Афанасий не желал признавать в архиерейском сане и его самого [Письмо епископа Кирилла. 1889. С. 202]. В целом, балтский епископ призывал остерегаться всяких ересей и раздоров, твердо держать и хранить святую древнеправославную веру.

Вероисповедные дискуссии проходили и в самом Куренёвском мужском монастыре. Обычно они устраивались 9 мая после праздничных богослужений. В частности в 1881 г. в обители как всегда состоялось торжественное богослужение по случаю престольного празд-

ника, которое возглавил епископ Кирилл I (Яблочников) и его ближайший сподвижник епископ Герасим (Сибирцев)¹. Архиереи совершили богослужение в сослужении монастырского священноинока Симеона (Бельченко) и еще 12 священников, причем на праздник прибыли даже те иереи, которые находились под запрещением, в частности о. Деомид из г. Балты и о. Иоанн [ОР РГБ. Ф. 246. К. 185. Д. 1. Л. 305].

После окончания службы прошло очередное собеседование из-за Окружного послания, в котором лично епископ Кирилл участия не принимал. Для вероисповедной дискуссии был приглашен брат окружнического епископа Анатолия Балтского, житомирский купец Т.А. Варваров. Привлечь на свою сторону родственника своего бывшего архиерея для куренёвских старцев было очень важно. Несмотря на то, что открытых собеседований в монастыре проведено не было, старейшины обители при состоявшейся беседе изложили купцу причины разделения и возникшего в старообрядческой Церкви конфликта, указав на основные пункты непринятия ими Окружного послания. Со стороны братии выступали игумен Антоний и священноинок Симеон, которые в своих высказываниях отмечали, что несмотря на все предпринимаемые усилия старообрядцев Окружное послание так и не было уничтожено, да и не могло быть уничтожено в принципе, поскольку находилось под клятвой. Кроме того, отцы также утверждали, что в подведомственном им монастыре не приносилась пятая просфора за российского царя как инославного, равно как и не принималось учение о том, «что всероссийская Церковь верует во единого с нами Бога» [Там же. Л. 306]. Т.А. Варваров пытался утверждать обратное и среди прочего отмечал, что и без Окружного послания он вполне соглашается с тем, что российская Церковь веровала во единого со старообрядцами Бога, равно как и не возражал по поводу приношения пятой просфоры за российского государя, утверждая, что вынимаемая из нее частица может приноситься и за «неверного» царя. В результате проведенного собеседования сторонам не удалось прийти к какому-либо вразумительному соглашению, а состоявшийся разговор только лишней раз продемонстрировал непримиримый тон, существовавший между противоборствующими сторонами и констатировал факт продолжавшихся в старообрядческой среде разногласий [Там же].

В 1880–1890 гг. в к 9 мая в день святителя Николы Чудотворца на престольный праздник в Куренёвский мужской монастырь с разных российских губерний и крупных городов, в т. ч. Санкт-Петербурга, Москвы, Казани [Воспоминания старообрядцев. 2014. Т. 2. С. 330] и даже из-за границы [Куренёвские монастыри. 1911. № 23. С. 562] стекалось множество паломников. Часто старообрядцы ехали целыми семьями. В праздник гости и местные жители непременно шли в монастырский храм на службу, которая в тот день совершалась весьма чинно: стройно пел церковный хор, чеканно делали возгласы диаконы и чтецы, душевно служили архиереи и многочисленное духовенство. Как отмечали очевидцы, во вре-

¹ Герасим (в миру Григорий Сельвестрович Сибирцев), родился в 1805 г., происходил из крестьян Аджамской волости Александровского уезда Херсонской губернии. С 1864 г. проживал в Куренёвском Никольском монастыре. В 1872 г. был настоятелем этого монастыря. Приблизительно в 1880 г. рукоположен в архиереи епископом Иосифом Нижегородским. Сподвижник неокружнического епископа Кирилла I много содействовал его возвращению на балтский престол. В 1884 г. примирился с окружниками за что получил в управление Вятскую епархию, но из-за отсутствия достаточного количества находящейся в ней паствы отказался от управления.

мя богослужений смиренными становились даже самые заядлые проказники. Прибывшие в Куренёвку гости останавливались прямо в монастырях, а те, кто имели родственников или знакомых в селе, где для них отводились специальные построенные для этих нужд помещения, устраивались и там. У монастырских стен устанавливались рели-качели, на которых обычно катались знакомившиеся друг с другом юноши и девушки, везде слышался шум и смех. В целом вокруг обители налаживались личные контакты, проводились деловые встречи купцов, заключались коммерческие сделки [Воспоминания Л.В. Яцюк. 2019. Т. 3. С. 287].

К «Николушке», как обычно называли этот праздник староверы, с окружающих сел, прежде всего из самой Куренёвки, подвозились значительное количество продуктов питания и корма для лошадей, так что от монастыря до самого села на протяжении километра образовывался большой базар, с течением времени преобразовавшийся в настоящую ярмарку, на которой много чего продавалось или совершались необходимые покупки. После праздника гости разъезжались кто-куда, а каждый житель Куренёвки брался за свои обыденные дела [Старообрядческие. 1881. № 51. С. 599].

Тем временем неокружнический епископат численно возрастал и основным поставщиком кандидатов в архиереи продолжал оставаться Куренёвский Никольский монастырь. В 1873 г. предвидя свою близкую кончину очевидно из насельников Куренёвского мужского монастыря епископ Антоний II рукоположил во епископа инока Иосифа на Нижегородскую кафедру. После смерти епископа Антония II в 1876 г. у противоокружников осталось несколько архиереев, среди которых и находившийся без кафедры в Куренёвском Никольском монастыре епископ Тарасий (Москвичёв). Примечательно, что Антоний завещал Иосифу рукоположить на московскую кафедру нового архиерея, но тот предпочел не спешить с выполнением завещания первопрестольного архиерея и стал сам управлять Московской епархией. С целью укрепления неокружнической иерархии из иноков Куренёвского Никольского монастыря приблизительно в 1880 г. Иосиф рукоположил еще двух епископов — Герасима (Сибирцева) на г. Коломну и Кирилла I (Яблочникова) на г. Балту. В то же время на московскую кафедру он не возводил никого, очевидно рассчитывая в дальнейшем занять ее самому, но некоторые московские противоокружники, зная о слабостях Иосифа, захотели иметь его преемником на месте Антония II и указывали своего человека как на достойного кандидата — священноинока Игнатия (Завалова) из с. Зуево Богородского уезда Московской губернии. Однако Иосиф имел другую точку зрения на этот вопрос и не только воспротивился предполагаемому рукоположению, но даже запретил Игнатия в священнослужении. Следует отметить, что в 80-е гг. XIX в. в среде противоокружников существовали серьезные разногласия в борьбе за первенство и главенство владеть первопрестольной кафедрой в Москве, при этом они, разделяясь на два согласия, предающие друг друга проклятиям и не признающие друг за другом права произносить эти проклятия. В этой связи последовало дробление церковной иерархии неокружников [Субботин, 1886. С. 3].

Важные религиозные события происходили и в самом Куренёвском мужском монастыре. В частности, в 1881 г. произошел конфликт между иноками и находящимся в обители епископом Кириллом I Балтским. Причины этого противостояния нам до конца не понятны, однако несомненно одно, что недовольство Кириллом проявилось не сразу, а росло из

года в год и как говориться иноки ждали только удобного случая, чтобы ответить архиерею. Ключевую роль в изгнании епископа из монастыря сыграл твердый характер Кирилла. По одним сведениям, архиерей достаточно строго относился к иночеству и священникам вообще, например, запретил в служении настоятеля неокружнического храма с. Плоского Херсонской губернии о. Софрония за то, что тот при крещении младенца «как ладони помазал обе стопы», однако несмотря на запрещение епископа, община предоставила Софронию право на дальнейшее священнодействие [ОР РГБ. Ф. 246. К. 185. Д. 1. Л. 306]. По другим сведениям, многие из обительских насельников завидовали его быстрому карьерному продвижению и возросшему материальному благосостоянию. Но настоящая причина отказа от архиерейских услуг Кирилла в монастыре состояла в том, что он вступил в конфликт с нижегородским епископом Иосифом, которого последовательно продолжительное время поддерживала куренёвская братия. К епископам Кириллу и Герасиму с жалобой на Иосифа обратился запрещенный в служении и поэтому обиженный священноинок Игнатий (Завалов), и епископы, нарушая церковные правила, разрешили его от запрещения. Именно это событие положило начало большой и продолжительной вражды между Иосифом Нижегородским и Кириллом I Балтским. В источниках миссионеров отмечалось, что однажды рассерженный иноками иерарх, очевидно желая их смутить, сказал: «Если так, то я не епископ!». Услышавшие это насельники тут же подхватили его слова, разнесли весть по обители о самоотречении Кирилла от престола, далее созвали общий собор, на котором последовало его низложение и принято решение донести об этом в Москву [Старообрядческие. 1881. № 49. С. 577].

Одумавшись, Кирилл очевидно пожалел о своих словах, поскольку в 1882 г. в г. Кишинёве, по инициативе его сподвижника коломенского епископа Герасима, был созван специальный собор, на котором рассматривался вопрос о его дееспособности. После обсуждения проблемы собор принял решение, что никаких вин за епископом Кириллом он не видит, равно как и отсутствовал факт его самоотречения от архиерейства. Этот же вопрос был вынесен и на собор, состоявшийся в Москве 27 августа 1882 г. и который то же подтвердил невиновность Кирилла. К тому же этот собор принял решение о праве одновременного управления московским престолом всем четырьмя неокружническим святителям до тех пор, пока на него не изберут отдельного архиерея [ОР РГБ. Ф. 246. К. 171. Д. 6. Л. 2].

Таким образом, в 1882 г. епископы Кирилл и Герасим открыто выступили против епископа Иосифа, считая его руководство московскими делами незаконным. Иосиф де-юре устранился от заведования Московской епархией, но де-факто продолжал управлять этой территорией, чем вызывал еще большее негодование этих архиереев. В конце 1883 г. в г. Балте Подольской губернии епископ Кирилл созвал собор подчиненной ему Балтской епархии на котором официально выдвинул против епископа Иосифа 14 обвинений, в т. ч. указывал на его самовольное управление Московской епархией, умышленную задержку в постановлении в течении восьми лет на ее престол нового епископа, незаконное вторжение в пределы Балтской епархии, враждебное отношение к нему лично, в распространении еретических учений и в конце концов в сожительстве с женщинами. Дошло до того, что Ки-

рилл называл Иосифа предтечей антихриста, предал его анафеме и признал, что последний подлежит отлучению как от святого причастия так и старообрядческой Церкви в целом.

В 1883 г. в Москве состоялся очередной собор противокружников, главной задачей которого стало избрание главы Церкви своего согласия. На собор прибыли все противокружнические архиереи, а именно: Иосиф Нижегородский, Герасим Коломенский, Тарасий Бессарабский, Кирилл Балтский, около 20 священников из Санкт-Петербурга, Зуева, Вохны, Стародубья, Дона, Кавказа, Сибири, а также уполномоченные миряне от многих старообрядческих общин. Наиболее активным на этом соборе оказался петербуржец Л.А. Громов. На вакантную должность первопрестольного архиерея были выдвинуты два кандидата: неуказанного священноинока Куренёвского мужского монастыря и архимандрита с. Зуева Московской губернии Игнатия (Завалова), но обе кандидатуры были отклонены (первого — из-за малограмотности, второго — из-за претензий епископа Иосифа). Кроме того, собор принял решение об образовании духовного совета для управления поточными церковными делами [Противокружнический. 1883. № 1. С. 16].

В 1884 г. сторонники Иосифа Нижегородского настаивали на его присоединении к окружникам, однако архиерей продолжал считать их еретиками и за контакты с ними грозил отлучением от церковного общения [Из раскольнического мира. 1884. № 18. С. 13]. Твердость Иосифа в вероисповедных делах привела к потере его былой поддержки. Почти все неокружнические начётчики сгруппировались вокруг епископа Кирилла. Не заручившись поддержкой в Москве, Иосиф пытался получить ее в регионах, в частности созвал собор в с. Зуеве Богородского уезда, где поставил перед собой задачу коллегиально предать анафеме своих противников [Противокружники. 1884. № 6. С. 16]. Однако неокружнической пастве все это не понравилось и 25 ноября в гуслицком с. Вохня они созвали еще один собор на котором просили своих епископов о прекращении междоусобной вражды. После Вохнянского собора неокружники в большинстве своем начали группироваться вокруг епископа Кирилла [Нынешнее положение. 1884. № 4. С. 15].

В начале сентября 1884 г. в Москве епископ Кирилл Балтский возвел на московский престол нового архиерея. Узнав об этом 10 сентября епископ Иосиф в доме Федорова, расположенном в Девкином переулке, поспешно созывает свой собор, на который прибывает около 200 делегатов, в том числе и 24 священника. Часть его участников склонялась к тому, чтобы пригласить на собор и Кирилла, поскольку считали собрание такого рода при одном епископе недействительным. Несмотря на существующий конфликт, Кирилл все таки прибыл на собор в сопровождении 20 священников и мирян. На соборе он публично обвинял Иосифа в самовольном захвате московского престола, в распространении не соответствовавшим действительности кривотолков о принятии им Окружного послания, о даче разрешения своей пастве записываться в метрические книги, а также об уже традиционном обвинении совместном пребывании с женщинами [Московские раскольники. 1884. С. 15].

В свою очередь Иосиф также поспешил обвинить Кирилла в клевете. Иосиф зачитал 15 пунктов составленной против него Кирилловой грамоты. Выслушав обоюдные обвинения, участники собора «упали на землю» и настаивали на примирении архиереев. Кирилл, тронутый желанием делегатов примирить стороны, был готов просить прощения у Иосифа, но

последнему не понравилось то, что собравшиеся просили примириться обоим епископов. Иосиф хотел, чтобы Кирилл просил прощения только у него. Несмотря на попытки инока Гавриила удержать Иосифа на соборе, тот все-таки покинул его заседание. Таким образом, 10 сентября 1884 г. ни вопрос о возглавлении первопрестольной кафедры, ни вопрос о примирении Иосифа с Кириллом, так и не были решены [Чем кончилось. 1884. № 39. С. 10].

20 сентября 1884 г. на проходившем на Таганке внеочередном соборе бывшие сторонники Иосифа принесли Кириллу свое письменное покаяние. На заседании было принято окончательное решение избрать нового кандидата на московский престол [Каковы архиереи. 1884. № 41. С. 15]. Наиболее подходящей кандидатурой на первопрестольную кафедру оказался сам Кирилл, однако путем голосования кандидатом в епископское достоинство избрали крестьянина Бронницкого уезда Московской губернии Прокопия, который в иночестве получил имя Пафнутий. 6 октября этого же года Кирилл I Балтский рукоположил его в архиереи на Московскую епархию [Обозрение. 1885. № 1. С. 6]. Для прохождения практики архипастырского служения новопоставленный епископ был направлен в Куренёвский монастырь [Московские раскольники. 1884. № 41. С. 15]. Ожидалось, что такой ход должен нанести чувствительный удар по Иосифу, но последний не принял вызов и вступил с Кириллом в открытую борьбу.

Не согласившийся с соборным решением Иосиф 11 октября в Москве созвал свой собор, на который пригласил и Кирилла, который сам не явился, но прислал от себя трех священников. На соборе против Кирилла была принята обвинительная грамота, в которой Иосиф и его сторонники не признавали законность рукоположения епископа на московский престол. Более того Иосиф подверг Кирилла и Пафнутия не только извержению из сана, но и принял решение считать недействительными все ранее произведенные Кириллом хиротонии, равно как и другие таинства. В свою очередь это решение стало причиной того, что Кирилл и Пафнутий отлучили Иосифа от церковного общения [Новый. 1884. № 45. С. 19].

На собрании противоокружников, состоявшемся в Москве 4 ноября 1884 г., действия обоих епископов Кирилла и Иосифа были признаны неправильными. Для предотвращения появления на московском престоле сразу двух епископов участники заседания сочли целесообразным применить все от них зависящие меры к примирению Иосифа с Пафнутием и Кириллом [Последние. 1884. № 48. С. 16]. В то же время из-за постоянных конфликтов, происходящих в неокружнической среде, к окружникам присоединилось два противоокружнических епископа: Герасим Коломенский [Нынешнее. 1884. № 4. С. 15] и Макарий Величковский [Подробности. 1879. № 45. С. 12]. На грани присоединения находился и сам Кирилл, который писал об этом митрополиту Афанасию Белокриницкому, а последний советовал ему обратиться с этим вопросом к архиепископу Савватию [Там же. С. 15]. Чтобы в очередной раз задеть Кирилла I и выйти из сложившейся неблагоприятной ситуации, 16 декабря 1884 г. в Матвеевском мужском монастыре Нижегородской губернии Иосиф поставил на Москву еще одного епископа Иова (Борисова) [Третий. 1885. № 4. С. 84].

Таким образом на довольно длительное время епископ Иов стал главой неокружнической иерархии в Москве. Иов (Борисов) родился в 1836 г. в д. Малые Поляны Лукояновского уезда Нижегородской губернии и то же был иноком Куренёвского Никольского монастыря.

В Москве резиденция Иова находилась на Пустой улице в доме Лашкова. После его изгнания из столицы его представительство переместилось в д. Молоково Богородского уезда Московской губернии, а затем в подмосковную д. Печатники в дом И. Степанова. После обнародования в 1905 г. в России указа о началах веротерпимости Иов снова вернулся в Москву. Известно, что в 1912 г. он переехал в Никольский кафедральный храм, расположенный в Лефортово. Скончался епископ Иов в том же 1912 г. и похоронен д. Молоково.

22 мая 1885 г. в Москве состоялся важный собор противоокружников, в работе которого приняло участие 4 епископа, 57 священников и 2 диакона, а также множество мирян [Раскольнические соборы. 1885. № 20. С. 532]. Иосиф Нижегородский участия в заседаниях собора не принимал и отказался подписывать присланный ему в Нижний Новгород соборный акт. Основным вопросом, который был вынесен на повестку дня, являлось примирение неокружнических иерархов и их взаимодействие с окружниками. Кроме того, рассматривался вопрос о законности извержения из сана балтского епископа Кирилла I за произведенное им рукоположение архиерея в чужой епархии. При изучении данной проблемы члены Московского духовного совета стали упрекать Иосифа в том, что он и сам то же вторгался в чужие епархии, в частности в епархию Тарасия Бессарабского, без согласия с которым рукополагал священников и, таким образом, то же нарушал соответствующие церковные правила за которые должен быть подвержен наказанию [ОР РГБ. Ф. 246. К. 171. Д. 6. Л. 1]. Своим постановлением собор утвердил епископа Иова в должности первопрестольного архиерея и разрешил именоваться ему епископом Московским, Иосифу — епископом Нижегородским, Тарасию — Бессарабским и Калужским, Кириллу — Балтским. Делегаты собора просили прекратить спор между Иовом и Пафнутием и с его согласия перевели последнего на Саратовскую епархию, причем убедили его уклониться от управления московской паствой именно Кирилл и Тарасий. В результате иерархических перестановок Иову удалось сблизиться с Кириллом и отойти от своего протезе епископа Иосифа, который с обидой смотрел на допущенное непостоянство и подверг за это Иова жесткой критике [К кончине. 1912. № 9. С. 216]. Несмотря на видимый успех дела, конфликт интересов между Иосифом и Кириллом разгорался с новой силой. Недовольный решениями собора от 22 мая Иосиф сам обвинил Кирилла в вероотступничестве.

25 сентября 1885 г. в Москве Иов созвал еще один небольшой собор, на который прибыло 16 священников и члены Московского духовного совета (неокружников). На заседании Иосифа Нижегородского подвергли осуждению за рассылаемые им по приходам письма с призывом не признавать Иова епископом Московским. Таким образом наказывая Иосифа, Иов обвинял его в противозаконных действиях и даже в симпатиях к женскому полу [Блудивый. 1885. № 43. С. 724]. Вместо того чтобы покориться этому решению, 12 октября Иосиф собрал свой собор, на котором присутствовал он сам, несколько священников и делегированные от общин миряне. В ходе разбирательства они подвергли извержению из сана двух епископов и трех священников. На этом же соборе Иосиф обвинял Кирилла в рукоположении на чужую область епископа Пафнутия, однако узнавшие об этом сторонники Кирилла отмечали, что тот ставил Пафнутия не по собственному желанию, а по поручению собора и по просьбе верующих, поскольку на Москве по вине Иосифа епископ отсутство-

вал восемь лет [ОР РГБ. Ф. 246. К. 171. Д. 6. Л. 2]. В этой связи, Московский духовный совет принял решение считать Иосифа недействительным епископом и советовал ему примириться с Иовом, равно как и с другими епископами и священниками, в противном случае угрожал извержением из сана [Там же. Л. 5]. В среде расколовшихся на две части неокружников возникла достаточно противоречивая ситуация для урегулирования которой решено созвать общий собор.

30–31 октября 1885 г. в Москве епископы Иов и Кирилл организовали так называемый Великий собор, на котором присутствовали Иов Московский, Кирилл Балтский, Пафнутий Саратовский, Макарий Величковский, более 20 священников и около 100 мирян. Характерно, что на этот собор явился и сам Иосиф Нижегородский, которому были зачитаны его вины, в том числе — нарушение церковного мира, самостоятельное присвоение титула епископа «всех древлеправославных христиан», вторжение в пределы других епископов, рукоположение священников в не принадлежащие ему епархии. В дополнение ко всему Иосиф был уличен даже в блудной жизни. В целом, на этом соборе Иов выступил с острой критикой деятельности Иосифа и предложил извергнуть его из сана. Иосиф не уклонялся от ответов и целый день доказывал свою невиновность, а Иов, в свою очередь, зачитывал церковные правила, по которым он должен был ответить перед старообрядческой Церковью. В этой связи Иосиф не без оснований говорил Иову: «Если я, по твоему разумению, преступник правил и о моих преступлениях ты знал до принятия от меня сана епископского, то зачем же ты принимал от меня рукоположение и во время рукоположения клялся навсегда быть послушным мне? Как клятвopреступник и как получивший сан от недостойного, ты сам являешься незаконным и недостойным епископом» [К кончине. 1912. № 9. С. 216]. Несмотря на достаточно аргументируемые возражения нижегородского архиерея, он все равно был подвергнут наказанию и извергнут из сана. Естественно, что выдвинутые против Иосифа обвинения ему не понравились, в связи с чем он покинул собор [Сведения. 1885. № 48. С. 822]. Следует отметить, что на соборе 30–31 октября сана лишили не только Иосифа, но и запретили в священнодействии подведомственных ему священников, в частности Василия Садовницкого и Кирилла Речицкого. Тем не менее извержение Иосифа не принесло желаемых результатов, он не только не смирился с вердиктом так называемого Великого собора, но и вступил на открытый путь конфронтации.

Известно, что на соборе 30–31 октября 1885 г. лично не присутствовал бессарабский епископ Тарасий и именно поэтому в дальнейшей своей борьбе группа сторонников епископа Иова и группа сторонников епископа Иосифа прилагали всевозможные усилия для привлечения его на свою сторону, поскольку от Тарасия во многом стал зависеть успех противоборства как для одной, так и для другой стороны [Субботин Н.И. 1886. С. 21].

Тарасий предоставил Иову письменные полномочия. Поговаривали, что сделал он это под давлением ближайших своих сторонников и уступил просьбам зувевского архимандрита Игнатия (Завалова). Вместе с Иовом и другими архиереями, Тарасий сначала признал законным извержение епископа Иосифа из сана, однако последний не стал ожидать окончательных результатов и в свою очередь, пользуясь отсутствием Тарасия на соборе, подал ему жалобу на соборное определение от 31 октября. Сложившаяся ситуация несколько на-

сторожила Тарасия и несмотря на то, что ранее передал доверенность епископу Иову действовать на соборе от его имени, он принял жалобу Иосифа и после ее изучения пришел к выводу, что наложенная на Иосифа и единомышленных ему священников кара слишком тяжела, что за последними он не видит значительных преступлений, за которые следовало бы подвергать архиерея столь жестокому наказанию. В целом Тарасий признал, что так называемый Великий собор своими крайними мерами причинил великий вред всей древне-православной Церкви. В этой связи он послал письмо священнику Василию Садовницкому, в котором разрешил его от запрещения и в дальнейшем позволил отправлять богослужения [Там же. С. 10]. Неоднозначные действия бессарабского епископа крайне смутили Иова и его сторонников, которые даже представить себе не могли, что Тарасий мог пойти против постановлений Московского собора, т. е. после того как предоставил свои полномочия Иову [Там же. С. 20].

Тарасий (в миру Тимофей Андреевич Москвичёв), родился в 1832 г. в с. Плоское Тираспольского уезда Херсонской губернии. В 1854 г. в 22-летнем возрасте поступил в Куренёвский Никольский мужской монастырь, где и был пострижен в иночество под именем Тарасий [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1870 г.). Д. 35. Л. 4 об. – 5]. В 1866 г. находящимся в монастыре епископом Софронием Калужским поставлен в архиереи на Уральскую епархию, но де-факто длительное время являлся «безместным» архиереем, продолжая жить в Куренёвском монастыре. Какой-то срок Тарасий находился под запрещением, но в 1882 г. разрешен в священнодействии тем же Иосифом Нижегородским и определен епископом на противокружническую Бессарабскую, Калужскую и Новозыбковскую епархию [Субботин Н.И. 1886. С. 27]. Кроме того, Тарасий окормлял сторонников епископа Иосифа в Балтской епархии. Из-за противоречий с иноками Куренёвского монастыря постоянного места пребывания в обители не имел. Его временные представительства находились то в г. Бендерах Бессарабской губернии, то в п. Добрянке Черниговской губернии. Епископ Тарасий скончался в начале марта 1887 г. на 55 году жизни. Предвидя свою кончину, он передал свои архиерейские принадлежности в Куренёвский монастырь, своему ближайшему сподвижнику и соратнику иноку Феодосию (Кравцову), которого хотел, но не успел, поставить в архиереи на личное место [Там же. 1888. С. 141].

К епископу Тарасию стали доходить слухи, что будто бы именно он стал инициатором распрей и конфликтов в среде старообрядцев-неокружников. Пронеслась молва, что и он, в том числе, принимал участие в извержении из сана нижегородского владыки Иосифа, однако сам Тарасий публично отрекался от подобных кривотолков и считал, что они не имеют под собой реальной почвы. Архиерей выражал желание до конца пребыть в истине и жить по правилам святых отцов [Письмо Тарасия. 1886. С. 27].

Из разговоров также стало известно, что Тарасий будто бы писал Иосифу, что он никакой доверительной грамоты, осуждающей его действия, Иову не давал, но считал, что бумаги за его подписью с приложением личной печати по случаю извержения из сана Иосифа и присланные в Москву к Костину и Николаеву, являются ложными и подделанными. В подлоге документов Тарасий подозревал некоторых членов неокружнической общины г. Бендеры и настоятеля храма в п. Добрянке о. Петра Беянкина, изначально враждебно

относящегося к его персоне и поэтому могущего создать о нем недобросовестные письма [Письмо добрянского. 1886. С. 35].

При расспросах сам Тарасий говорил, что письма были отправлены от Костина, но он на них ничего не отвечал и никаких других бумаг не подписывал, разве что противники от его имени сочинили фальшивки. В этих подложных письмах речь шла о его объявлении того, что он пребывает в единомыслии с четырьмя другими неокружническими иерархами и признает правильными решения соборов от 22 мая и 31 октября 1885 г., подвергающие извержению из сана епископа Иосифа [Письмо к Иову. 1886. С. 28].

В одной фальшивке говорилось о даче доверенности епископу Иову выступить от имени Тарасия. В них Тарасий признавал законными и правильными соборные постановления от 22 мая 1885 г., однако во втором письме к тому же Ф. Николаеву те же самые соборные постановления он называет уже неправильными. В доверенности Тарасий именуется сторонником Иова и единомысленных ему епископов, а в письме к Ф. Николаеву заявляет о себе как сторонник Иосифа. Когда Иову показали письмо с именной печатью Тарасия, то он послал в г. Бендеры уполномоченных к купцу Ф. Юкову (в доме которого нередко останавливался Тарасий), с убедительной просьбой получить точные сведения: действительно ли Тарасий перешел на сторону Иосифа и на самом ли деле он писал Ф. Николаеву.

В г. Бендеры епископ Иов отправил своего специального посланника, зувского архимандрита Игнатия (Завалова), который по возвращению в Москву рассказал то же самое, что было изложено в письмах, т. е. что Тарасий никаких бумаг не издавал и не посылал, что эти документы могли быть сфабрикованы в Бендерах без его ведома, а когда он находился в стародубских слободах, то их составители, воспользовавшись его именной епископской печатью, приложили ее на бумаги. Кроме того, Игнатий доставил в Москву документ, подписанный епископом Тарасием и тремя другими священниками, в котором сообщалось, что он, Тарасий, никаких других писем в защиту Иосифа не писал и продолжает находиться в единомыслии с епископами Иовом, Кириллом, Пафнутием и Макарием. Архимандрит также сообщал, что для большей убедительности врученной ему бумаги, Тарасий желал мол приложить к ней печать, но той на месте не оказалось, а была будто бы утеряна, поэтому епископ дал лишь обещание, а как только будет изготовлена новая, уже заказанная им печать, то он непременно пришлет новую бумагу к Иову с приложением своей печати, чтобы никто из защитников Иосифа не мог усомниться в ее действительности. Как говорится факты фальсификации документов епископа Тарасия были на лицо [Письмо к Иову. 1886. С. 28].

Получив информацию из первых рук, Иов посчитал нужным созвать экстренное собрание приближенных к нему священников для обсуждения этого вопроса. На собрании решили послать к Тарасию того самого архимандрита Игнатия, но уже в стародубские слободы. На Игнатия возложили обязательства убедить колеблющегося епископа, чтобы он, согласно своей ранее данной доверенности, все-таки признал соборные постановления от 31 октября 1885 г. и в целом дальше держался стороны епископа Иова [Субботин, 1886. С. 21].

Иосиф хорошо понимал, что бороться с Иовом, Кириллом, Пафнутием и Макарием ему одному и узкому кругу его приближенных будет не под силу, поэтому начал налаживать

более тесные отношения с Тарасием. Для этого он то же отправил в стародубские слободы своих знакомых, в частности О. Костина и Г. Литерова, которых снабдил большими дарами с целью получения положительного результата. Московские послы смогли доказать Тарасию, что во всех церковных смутах виновны враги Иосифа. Тарасий сначала сомневался, но затем согласился ехать с послами в Москву, где и был принят Иосифом. Таким образом, в 1886 г. епископ Тарасий окончательно перешел на сторону епископа Иосифа.

Тем временем получив известия о низвержении из сана Иосифа, верующие Балтской епархии очень сожалели о епископе и выражали крайнюю озабоченность о случившемся. В разговорах между собой они отмечали, что еще недавно Иосиф был единственным архиереем среди неокружников и считался их надежной опорой, последовательно и успешно боролся с окружниками, а теперь вдруг сам оказался лишенным священства и изверженным из сана. Удивлялись и тому, как недавний ставленник Иосифа, получивший от него сан архиерея — Иов, быстро стал во главе враждебной ему группы и произнес епископу Иосифу извержение из сана. Все это не могло не смущать и самого Тарасия [Там же. 1886. С. 38].

Кривотолки о мнимом примирении епископа Тарасия с епископом Иовом дошли к прибывавшему в Москве иноку Куренёвского монастыря Сираху (Стальному), который поспешил известить об этом свою обитель. Сирах писал, что Тарасий дал Иову доверительную грамоту на осуждение пользовавшегося в монастыре авторитетом нижегородского епископа Иосифа. Это письмо стало причиной того, что в Никольском монастыре в молитвах иноки перестали поминать как самого Тарасия, так и других враждующих друг с другом епископов-неокружников. Более того, 10 января 1886 г. иноки Куренёвского монастыря отправили в Москву послание, в котором в резких формах выражали свое недовольствие постановлениями Московского собора от 31 октября 1885 г.

Старцы осуждали действия московского епископа Иова за «суесловные» и «злокляузные бумаги». Настоятель обители инок Амвросий (Баланов), священноинок Симеон (Бельченко), схимник Сирах (Стальной), схимник Мефодий (Соколов), казначей Герасим (Валайкин) писали:

«Извещаем вам взойти в чувство и вспомни ты всю свою текущую жизнь, был ли ты хотя на малое время в миру с Церковью Христовою и с христианами. Во-первых, в бытность твою у нас в монастыре, какой ты раздор учинил между братии и женского монастыря! А спросить вас из-за чего? Не явно ли, что из алчности твоей. <...> И ныне ясно устне твои льстивые вопиют на тя. О горе, мщение Господне ждет вас, и с подобными тебе. Яко же вопиет кровь праведного Авеля или кровь Захарии, сына Варахиина: тако и на вас вопиет и обличает вас святая Церковь Христова за раздирание ея, каковую раздираете и обругаете своею наглостью. Но жестоко тебе противу рожна пратися, по апостольскому словеси. Вразумися — какими вы данными вооружаетесь на святую Церковь Христову? Вы все обтяжены иерархических дел от своего поставившего вас святителя владыки Иосифа и от граждан, за свою наглость ты от своего святителя запрещен богословно после вашего льстивого соборища. Ваше соборище было 22 мая, а 24 того же мая опротестовано ваше соборище владыкою Иосифом и обществом за незаконное ваше действие, а тебе наложено правильное от всех иерархических дел запрещение. Чем же ты оправдал свое запрещение? А 27 сентября ты обнажен от общества святительской одежды и власти при поставлении на Павлов-

ский Посад священника Сергия: при чем же ты остался? Ты святителем поставлен во епископа, а гражданами избран; они же тебя и разоблачили за незаконное твое действие: при чем же ты остался? От святителя ты запрещен, а от народа ты обнажен святительской одежды и власти: значит, ты остался не причем и никому ты не потребен. Кому же ты служишь и кого ты призываешь? по Златоустову словеси, призываешь отца сатану. Как же ты дерзаешь вязать прочих, а сам ты связан, неразрешимыми узами? Твоему же злу союзник и таков же раздиратель Церкви Христовой Кирилл, подобный тебе, — от своего святительства извержен за незаконное его действие, общества от него отказались, монастыри оба, мужской и женский, не признают его за пастыря, а волка и губителя словесного стада Христова. С кем же вы остались и против кого вы ратуете? Не явно ли, что против Церкви Христовой своею наглостью и лживою лестью? Как же вы дерзнули сказать такую гнилую речь на владыку Иосифа, которой речи и святой апостол Павел устрасился (?), пишет, глаголя: а еже отай деема от них, срамно есть и глаголати. А вам по своей наглости не срамно и не страшно. Или вы более Апостола? Точно, вы всех превзыдоша раздорников своею наглостью. Возрите кияждо на свою совесть и вразумитесь, и разьясните христианам от каких времен владыко Иосиф сделался такой непотребный сосуд? От многих лет, или по принятии от него вами хиротонии? Если же от многих лет таков непотребный сосуд, то и вы непотребные, что от непотребного приняли хиротонию. Смотрите, не подпадите под тую проказу, которою проказою Господь наказал глаголющих неправду на святителя Григория, епископа Акраганского, ноября 23-го. И паки сами ваши льстивые уста вопиют на вас. А если бы владыко Иосиф последовал по вашему строптивому пути, тогда чтобы было? Потребен сосуд был бы? Почему же вы прежде не выказывали таких пакостей? О нечестивая, пребеззаконная глава! Почему же ты на себя не клеветешь, как ты сам у нас в женском скиту жил, или как твой союзник Кирилла жили по месяцу в одной келии со старицами? Да заградятся уста глаголющих неправду. Что же он на вас не клеветает и никакой хулы не наносит на нас, но щадит и милует вас?» [Письмо из Куреневского монастыря. 1886. № 13. С. 200].

Иов обличал Иосифа, что тот действовал не в подчиненных ему епархиях, однако куренёвские иноки считали иначе и отмечали, что именно Иосиф являлся настоящим приемником не только московского старообрядческого престола, но и всей России и что принял он свои полномочия от самой руки владыки Антония II Московского, затем безмятежно и тихо управлял московским престолом восемь лет, не вступая ни в какие конфликты. Куренёвские старцы обвиняли Иова в самоуправстве и неограниченной власти, причем такой, которую имели только римские папы, а также в том, что содержание внутренних конфликтов староверов стало достоянием гласности и было опубликовано в центральных российских газетах и дошло даже до ведома самого царя. Старейшины не без оснований писали Иову: «Оглянитесь и посмотрите, сколько вы рассеяли плевелов в такое малое время. Ты и во всю свою жизнь не соберешь обратно по своей буйной наглости. И что вы наделали? Все ваши раздоры опубликованы в газетах и дошли до услышания самого царя. Не чрез ли ваши раздоры московские алтари раскопали по царскому повелению? Ты же едешь по России — рассеиваешь кляузы, чинишь раздоры, соблазняешь православных христиан своим бесстыдием, действуешь пребеззаконно по своим ли епархиям? Вразумитесь, взойдите в чувство! Что вы делаете? Не подмешайте огня прежде суда Божия; устрасись правосудия Божия: не будьте тьма вместо света» [Там же. С. 203].

Далее негодовавшие старцы отмечали, что и балтский епископ Кирилл I в монастыре был извержен по письмам Иова и что эти бумаги хранились у них в монастырском архиве. Как отмечалось в документах, Кирилл был запрещен в священнодействии за то, что в нарушение церковных правил поставил на Москву епископа Пафнутия:

«Воистину, ослепли вы телесными очима, вкупе же и душевными. Все ваши злокозненные дела обличают вас по вашим же надменным письмам: да обратится сия болезнь на главы ваши. Ты же сам к нам в монастырь писал письмо на Кирилу и приказывал нам в своих письмах: блюдетесь врага Церкви Христовой изверженного Кирилла: а теперича ты обратился яко пес на свою блевотину и пожираешь ю. Как же ты откажешься от своих слов? Они твои слова запечатлены. По каким же правилам со изверженными помириться? И можно ли со изверженными помириться? И какими ты правилами оправдал его за самовольное его отречение от своего епископского сана во святем храме пред всею братиею, без всякого с противной стороны принуждения, а только по своей дерзости? И тако за оным все просим вас впредь не достужайте и никаких льстиво изложенных писем не пишите нам, потому мы до вас никаких дел не имеем и иметь не желаем, за беззаконные ваши раздоры. Вы не так управляете Церковью Христовою, как надлежало бы истинному быть пастырю Христова словесного стада; вы не собираете стада, а останки отгоняете от Церкви Христовой. Таковые не есть пастыри, но волцы и губители: о таковых и Апостол святыи глаголет: от нас изыдоша, но не быша от нас. И прочее. Во таком противном вашем действии мы от вас и никакого лестного оправдания вашего не примем, понеже вы чужды есть Церкви Христовой, от Бога и от народа и не належайте, куда вас не просят и просить не желают» [Там же. С. 204].

Как говорилось уже выше, разобравшись в сути вопроса, Тарасий прислал Иову новый документ, в котором утверждалось, что он действительно отрицает законность соборного извержения Иосифа, равно как и запрещение его священникам. Открытый переход Тарасия на сторону Иосифа крайне озаботил Иова и его сторонников, которые поняли, что своим осенним собором они ничего не достигли и недоумевали, что делать дальше и уже не только с одним Иосифом, но и с неожиданно приобретенным, как отмечал Н.И. Субботин, большую важность Тарасием [Субботин, 1886. С. 21].

В связи с переходом Тарасия на сторону Иосифа, в Москве был созван очередной собор, на котором признавалось недействительным извержение епископа Иосифа и запрещение в священно служении его сторонников-священников. Кроме того, за принятие противозаконных постановлений всех участников Московского собора от 31 октября 1885 г. подвергли отлучению от церковного общения, а управление Московской епархией (до избрания нового архиерея) поручалось тому же епископу Иосифу. Таким образом, в 1885 г. противоокружническая иерархия на продолжительное время официально распалась на два согласия. Во главе одного стояли епископы Кирилл Балтский и Иов Московский, а во главе другого — епископ Иосиф Нижегородский.

Не без оснований Никольский монастырь принял решение о прекращении молитвы за неокружнических архиереев, в т. ч. и за местного епископа Тарасия. На ектениях старцы поминали только духовных отцов. Такая позиция знаменитой обители многих староверов привела в недоумение. Исходя из этого бендерский купец Юков просил епископа Иова, чтобы он приехал в Куренёвский монастырь на летний праздник Николы Чудотворца для

усмирения «мятежных иноков», которые стали не признавать над собой никакой власти и никого из иерархов, учинивших в старообрядческой Церкви смуту, не считая их за архиереев и при богослужении ни за кого из них не молясь Богу. Юков не понимал, что ни епископу Иову, равно как и никому либо другому, было не под силу справиться с как он говорил «крамольными иноками» [Там же. С. 24].

В Куренёвский мужской монастырь на постоянное проживание не приглашали не только епископа Тарасия, но и вообще какого-либо другого архиерея, поскольку из-за случившегося конфликта монастырская братия не желала быть под каким-либо архиерейским управлением. Пребывающим в обитель епископам старцы запретили давать какие-либо пособия, равно как и соответствующую их сану прислугу [Письмо добрянского попа. 1886. С. 36]. Враждебно настроенные к балтскому епископу Кириллу I, а заодно и к бессарабскому епископу Тарасию иноки не признавали их в архиерейском сане еще и потому, что и сам Кирилл враждебно относится к Тарасию, называл его мнимым епископом, и последнему было весьма прискорбно слушать такие порицания в свой адрес, происходящие, как он говорил, «не от любви и не от Бога» [Письмо Юкова, 1886. С. 37].

Постановления собора, состоявшегося в Москве 31 октября 1885 г., взбудоражили многих неокружников. В частности, прихожане старообрядческой общины п. Добрянки Черниговской губернии оказались крайне озабочены сложившейся ситуацией и сожалели об извержении из сана епископа Иосифа и отлучении от Церкви поддержавших его священников. Следует отметить, что Добрянка являлась одним из важных региональных центром неокружнического движения, поскольку именно отсюда местный старообрядческий священник, настоятель Храма в честь Рождества Христова Григорий впервые выступил против И.Г. Ксеноса и его Окружного послания. Неслучайно в посаде часто останавливался епископ Тарасий, где совершал архиерейские богослужения, на которые обычно стекалось много молящегося народа. После служб верующие часто устраивали собрания, где высказывали свои мнения по тем или иным вероисповедным вопросам, касающимся жизни старообрядческой Церкви [Субботин, 1886. С. 23].

Некоторое время положение епископа Иова было весьма затруднительным. Архиерея беспокоили сторонники Иосифа, московские и подмосковные священники, в частности Фома Карякин, Кирилл Речицкий и Василий Нагатинский, которые по-прежнему не признавали соборного решения от 31 октября 1885 г. К тому же они призывали других своих последователей не признавать Иова законным иерархом. В свою очередь Иов обнародовал соборные грамоты об извержении Иосифа и запрещении священника Василия Нагатинского и стал воздействовать на верующих, чтобы они не обращались к ним за исправлением духовных треб. В этой связи с Иовом завязался спор. Последователи епископа Иосифа говорили: «Если Иосиф был не хорош и беззаконен, то зачем же ты от него принимал рукоположение? Он тебе преподал благодать архиерейства, а ты его чернишь и подвергаешь извержению», а сам о. Василий к сказанному добавлял: «Собор извержение на него и отлучение на меня произнес незаконно, и потому его определения не могут быть действительны» [Там же. С. 43]. Таким образом, осуществленные Иовом попытки привлечь на свою сторону значительную часть подмосковных неокружников успеха не имели. Обычные верующие

по-прежнему оставалась в недоумении относительно конфликта между Иовом и Иосифом и не знали, какая из противоборствующих сторон права, и к кому следует пристать.

В то же время Иосиф Нижегородский объезжал разные местности в поисках нового кандидата для рукоположения в епископы с целью основания отдельной от Иова иерархии. Какое-то время, несмотря на предпринятые усилия, он нигде не встречал поддержки своим намерениям и наконец прибыл в Москву для созыва собора из московских и подмосковных священников. На соборе предполагалось дать оценку деятельности епископа Иова и других поддерживающих его неокружнических архиереев, добиться принятия решения о его извержении из сана и обсудить вопрос о рукоположении на Москву нового архиерея. В Москве Иосиф пробыл около трех недель, но созвать собор так не смог и уехал в Матвеевский монастырь Нижегородской губернии. Оставшиеся в столице без поддержки его сторонники пали духом, а некоторые из них даже перешли на сторону Иова. В целом, в начале 1886 г. положение епископа Иосифа среди неокружников резко пошатнулось, тогда как положение Иова, напротив, значительно улучшилось, но такой статус-кво сохранялся недолго [Там же. С. 56].

1 июня 1886 г. в Москве Иосиф и Тарасий стали готовиться к проведению собора для суда над своими противниками. Узнав о происходящем Иов созвал совет, на котором решили послать к епископу Тарасию московского священника Илью для того, чтобы тот прочитал архиерею известные грамоты и объявил, что если Тарасий, вопреки ранее изданным уверениям, и далее будет действовать заодно с Иосифом, то по церковным правилам его тоже подвергнут строгому наказанию. Но как и следовало ожидать Илью сторонники Иосифа не допустили к Тарасию [Субботин, 1886. № 13. С. 199].

8 июня в неокружнической моленной, что в Дурновском переулке, был совершен торжественный молебен по случаю открытия собора под председательством епископа Иосифа. 10 июня состоялось его первое заседание, на котором, кроме указанных архиереев, присутствовало 10 священников и 50 делегатов от общин. Прежде всего Иосиф озвучил написанную от имени Тарасия покаянную грамоту, в которой тот просил прощения за то, что находился в общении с Иовом. В то же время Тарасий сам говорил, что он не давал Иову никакой грамоты, но присутствовавший на соборе архимандрит Игнатий (Завалов) сказал: «Вот у меня есть копия с доверительной грамоты Тарасия!». После этих слов сторонники Иосифа закричали: «На что нам твоя копия! Мы верим владыке, а не вам» [Там же]. Тем временем Игнатий отправился на ул. Пустую, где имел место пребывания епископ Иов, за так называемой «подлинной» грамотой Тарасия. За ним следом пришли и находившиеся в Москве священники из сторонников Иова, среди которых о. Илия из г. Москвы, Матвей из г. Боровска, Иван из с. Орехово, Игнатий из с. Зуево, которым Иов выдал «оригинал» доверительной грамоты Тарасия. Но войти на собор в моленную сторонники Иова уже не смогли, поскольку ее двери оказались закрытыми. Таким образом последователям Иова не удалось проникнуть на собор, чтобы «уличить» Тарасия «в подделке» документов [Там же].

В результате на соборе 19 июня 1886 г. были приняты приемлемые для Иосифа постановления. Признавалось недействительным его извержение из сана на Московском соборе 22 октября 1885 г., равно как и священников Фомы Карякина и Василия Нагатинского.

Более того, за неправильное извержение Иосифа, обидчики сами подвергались отлучению от старообрядческой Церкви. Собор также постановил до избрания на Москву особого архиерея, управление Московской епархией поручить епископу Иосифу. Важно отметить, что именно на этом соборе, в виде обвинительного акта против епископа Иова, было зачитано цитированное выше послание старцев Куренёвского Никольского монастыря, обличавшее поступки Иова, ранее иночествовавшего в этой обители. Как известно тон послания был весьма дерзким, поэтому даже один из присутствовавших на соборе делегатов из сторонников Иосифа был смущен резкостью произнесенного текста и решился было заступиться за Иова, но ему не дали говорить и немедленно удалили из зала. Таким образом, Иосиф, заручившись на соборе поддержкой Тарасия, с новой силой вступил в борьбу со своими недругами [Там же. С. 200].

События завершившегося в Москве 19 июня 1886 г. собора способствовали дальнейшему разделению иерархии неокружников на два согласия: иосифовцев — имевших епископов Иосифа и Тарасия, и иовцев — имевших епископов Иова, Кирилла I, Пафнутия и Макария. Ввиду болезни Тарасия, Иосиф намеревался поставить еще одного архиерея для своих единомышленников, причем исполнить его волю должен был сам Тарасий, но последний, очевидно желая поставить своего кандидата, времени с рукоположением. Предполагалось, что новый архиерей будет поставлен из иноков Куренёвского монастыря на Вятку. В частности, к принятию епископского сана склоняли куренёвского священноинока Симеона (Бельченко), которого Иосиф давно имел на примете и видел в нем своего надежного сторонника [Субботин, 1886. Ч. 2. С. 87].

Однако торжество в согласии последователей епископа Иосифа было недолгим. Архиерей какое-то время находился в Матвеевском монастыре Нижегородской губернии и бездействовал. В связи с его болезнью ситуация в среде иосифовцев резко ухудшилась, что весьма встревожило паству. В это же время тяжело заболел и епископ Тарасий, который скончался в начале марта 1887 г. не успев поставить себе преемника под предлогом, что нужно отыскать «лучшего человека», очевидно делая ставку не на священноинока Симеона, а на своего сподвижника и единомышленника, куренёвского инока Феодосия (Кравцова) [РГИА. Ф 1284. Оп. 218 (1872 г.). Д. 27. Л. 2 об. — 5].

Таким образом, в 80-е гг. XIX в. Куренёвский Никольский монастырь являлся не только крупнейшим мужским монастырем в системе Белокриницкой церковной иерархии, но и приобрел существенное духовное и нравственное влияние на старообрядцев, прежде всего на неокружников, значительной части Российской империи. Монастырь превратился на главного поставщика кандидатов в неокружнические архиереи, а из его стен вышло около 20 иерархов, сыгравших в истории старообрядческой Церкви выдающуюся роль в деле продвижения идей старой православной веры. Начиная с 1860 г. в монастыре находилось представительство епископов Балтских, а затем и Бессарабских, которое охватывало Бессарабскую, Подольскую, Волынскую, Киевскую, Херсонскую и часть Полтавской губернии. На протяжении веков монастырь впитал в себя, а затем стал и распространителем антисинодальных и антимонархических идей приверженцев древнего благочестия, стал основным пунктом противодействия изданному в 1862 г. знаменитому Окружному посланию, занимал

видное место в вероисповедной полемике, а его насельники старались привлечь на свою сторону как можно большее число последователей.

Старцы Никольского монастыря поддерживали тесные отношения со своими единовверцами, прежде всего из г. Москвы, получая от них внушительные пожертвования. В обитель стекалось значительное число паломников из самых отдаленных регионов южной и юго-западной Украины, особенно на проходивший 9 мая ежегодный праздник в честь святителя Христова Николы Чудотворца. В 80-е гг. XIX в. из стен монастыря вышел ряд выдающихся полемистов и активных деятелей неокружнического движения, среди которых балтский епископ Кирилл I (Яблочников), бессарабский епископ Тарасий (Москвичёв), нижегородский епископ Иосиф (Вавилов), коломенский епископ Герасим (Сибирцев), московский епископ Иов (Борисов). Среди письменного наследия этого периода выделяется обличительное послание настоятеля монастыря инока Амвросия (Баланова), священноинока Симеона (Бельченко), схимника Сираха (Стальнова), схимника Мефодия (Соколова) и казначея Герасима (Валайкина) к московскому епископу Иову (Борисову). Своими сочинениями и регулярными беседами куренёвские иноки задавали тон вероисповедной полемике не только на территории Балтской епархии, но и других неокружнических локаций, в частности Московской губернии, влияли на кадровую политику неокружников, на периодичность проведения и повестку дня церковных соборов, создание руководящих органов согласия. На епархиальных и общецерковных соборах монахи подвергали жесткой критике неумелые действия своих архиереев, вызванные продолжительным отсутствием у староверов трехчинной церковной иерархии. Вышедшие из Куренёвки неокружнические епископы, несмотря на самоистребляющие противоречия, демонстрировали обществу старообрядцев живучесть своей иерархии.

Литература

Блудливый и трусливый лжеархиерей // Церковный вестник. 1885. № 43. С. 724.

Воспоминания Л.В. Яцюк о деде С.С. Глазкове // Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей конца XVIII–XX вв. Сборник документов; сост. С.В. Таранец. Киев; Куренёвка, 2019. Т. 3. С. 286–287.

Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. Атаманенко Николай Мелетиевич // Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей XIX — первой половины XX в. Сборник документов; сост. С.В. Таранец. Киев; Куренёвка, 2014. Т. 2. С. 229–331.

Воспоминания старообрядцев и о старообрядцах. Годованый Адам Иванович // Источники по истории Куренёвских старообрядческих монастырей XIX — первой половины XX в. Сборник документов; сост. С.В. Таранец. Киев; Куренёвка, 2014. Т. 2. С. 333–334.

Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по Ведомству православного вероисповедания за 1896–1897 гг. СПб., 1899. С. 126–141.

Зеленков В.П. Материалы для истории и изучения некоторых сторон церковного учения и ритуала: В 2-х ч. Санкт-Петербург, 1906. Ч. 1. 254 с.

Из раскольнического мира // Церковный вестник. 1884. № 18. С. 13.

- К истории Куренёвского старообрядческого монастыря и состоящего при нем женского скита // Подольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1884. № 20–21. С. 402–408.
- К истории Куренёвского старообрядческого монастыря и состоящего при нем женского скита // Подольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1884. № 23. С. 475–482.
- К истории Куренёвского старообрядческого монастыря и состоящего при нем женского скита // Подольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1884. № 25. С. 522–529.
- К кончине епископа Иова // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1912. № 9. С. 215–217.
- Каковы архиереи раскольников-противокружников // Церковный вестник. 1884. № 41. С. 15–16.
- Куренёвские монастыри // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1911. № 23. С. 562–563.
- Куренёвский женский монастырь // Слово Церкви. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1916. № 24. С. 523–526.
- Лотоцкий В., Юр А. Старообрядческие поселения в Подолии // Отдельный отгиск из журнала «Православная Подолия». 1909. С. 1–13.
- Московские раскольники-поповцы — окружники и противокружники // Церковный вестник. 1884. № 41. С. 15.
- Новый московский лжеепископ у противокружников // Церковный вестник. 1884. № 45. С. 19.
- Нынешнее положение лжеиерархии у противокружников // Церковный вестник. 1884. № 4. С. 14–15.
- Обозрение по расколу // Церковный вестник. 1885. № 1. С. 4–7.
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 246. К. 171. Д. 6. Входящие и исходящие документы канцелярии архиепископа Московского и Владимирского Антония (по церковным вопросам в т. ч. «раздоре» между «окружниками» и «неокружниками»). 1866, 1868, 1873, 1875 гг. 20 л.
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 246. К. 185. Д. 1. Письма старообрядцев (священнослужителей и мирян) в канцелярию архиепископа Московского Савватия и в Московский духовный совет. 1882 г.
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 246. К. 208. Д. 7. О церковных раздорах, связанных с постановлением в архиепископы московские Антония II (Гуслицкого) белокриницким митрополитом Кириллом. 1864 г. 82 л.
- Письмо добрянского попа Василия к Юкову // Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 67 с.
- Письмо епископа Кирилла Балтского архиепископу Анастасию Измаильскому от 2 февраля 1887 г. // Летопись происходящих в расколе событий за 1887 г. М., 1889. 270 с.
- Письмо епископа Кирилла Балтского митрополиту Афанасию Белокриницкому // Летопись происходящих в расколе событий за 1887 г. М., 1889. 270 с.
- Письмо из Куренёвского монастыря к Иову Московскому // Братское слово. 1886. № 13. С. 191–204.
- Письмо к Иову бендерского купца Юкова // Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 67 с.
- Письмо Тарасия к московскому купцу Николаеву // Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 67 с.
- Письмо Юкова к Иову Московскому // Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 67 с.
- Подробности о старообрядческом соборе в Москве // Церковный вестник. 1879. № 45. С. 12–13.

Последние сведения о московских окружниках и противокружниках // Церковный вестник. 1884. № 48. С. 16.

Противокружники // Церковный вестник. 1884. № 6. С. 16.

Противокружнический собор // Церковный вестник. 1883. № 1. С. 16–17.

Раскольнические соборы // Церковный вестник. 1885. № 33. С. 532.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218 (1867 г.). Д. 11. По отношению киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, о проживающих в Куренёвском раскольническом монастыре и женском ските. 1867 г. 32 л.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218 (1874 г.). Д. 30. По отношению киевского, подольского и волынского генерал-губернатора с препровождением списка лицам, проживающим в Куринёвском раскольническом монастыре 22 августа 1874 г. — 28 августа 1875 г. 21 л.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218 (1870 г.). Д. 35. По именным спискам лицам, проживающим в Куренёвском раскольническом монастыре. 1870 г. 27 л.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218 (1871 г.). Д. 29. По именным спискам лицам, проживающим в Куренёвском раскольническом монастыре. 1871 г. 19 л.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218 (1872 г.). Д. 27. По отношению киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, с препровождением именных списков лицам, проживающим в Куренёвском раскольническом монастыре за 1872 г. 1872 г. 20 л.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. Д. 20. По отношению обер-прокурора Святейшего синода о раскольнических монастырях: мужском и женском находящихся близ г. Черкасс Киевской губернии и мужеском, под названием «Куренёвка», существующем в лесах Подольской губернии, служащим к утверждению раскола в Херсонской епархии. 1861 г. 17 л.

Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 51. Отд. II. Ст. 3. Д. 297. По отношению министра внутренних дел об отмене воспрещения принимать в раскольнический монастырь близ Куренёвки Ольгопольского уезда Подольской губернии и женский при нём скит новых лиц на постоянное жительство. 21 октября 1881 г. — 7 июля 1883 г. 16 л.

Сведения о московских раскольниках // Церковный вестник. 1885. № 48. С. 822–823.

Старообрядческие мужской монастырь и женский скит в с. Куренёвке Ольгопольского уезда // Подольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1881. № 49. С. 576–579.

Старообрядческие мужской монастырь и женский скит в с. Куренёвке Ольгопольского уезда // Подольские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1881. № 51. С. 599–601.

Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886. Ч. 1. 67 с.

Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886. Ч. 2. 99 с.

Субботин Н.И. Летопись происходящих в расколе событий за 1887 год. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. 274 с.

Третий раскольнический лжеепископ московский // Церковный вестник. 1885. № 4. С. 84.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 2198. Устав епархиального управления синодальной Церкви окружных и районных объединений религиозных общин Подольской губернии и переписка с админотделом губисполкома о централизации монастырей и передаче церковью религиозным общинам. 1923 г. 158 л.

Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 442. Оп. 831. Д. 385. Переписка с подольским губернатором о принятии мер к предотвращению увеличения количества монахов в монастыре с. Куренёвка Ольгопольского уезда Подольской губернии. 18 сентября 1881 г. — 9 января 1886 г. 247 л.

Часть письма епископа Кирилла Балтского архиепископу Анастасию Измаильскому от 9 декабря 1887 г. // *Летопись происходящих в расколе событий за 1886–1889 гг.* М., 1889. 274 с.

Чем кончилось в Москве примирение раскольнических лжеархиереев // *Церковный вестник.* СПб., 1884. № 39. С. 10.

References

Anti-environment. Church Bulletin, 1884, no. 6, pp. 16. (In Russian)

Anti-environmental Council. Church Bulletin, 1883, no. 1, pp. 16–17. (In Russian)

Central State Archive of the Supreme Bodies of Government and Administration of Ukraine. Fund R.-5. Inventory 1. Case 2198. Charter of the diocesan administration of the Synodal Church of district and regional associations of religious communities of the Podolsk province and correspondence with the administrative department of the provincial executive committee on the centralization of monasteries and the transfer of churches to religious communities, 1923, 158 p. (In Russian)

Central State Historical Archive of Ukraine in Kyiv. Fund 442. Inventory 831. Case 385. Correspondence with the Podolsk governor about taking measures to prevent an increase in the number of monks in the monastery. Kurinevka, Olgopol district, Podolsk province. September 18, 1881 — January 9, 1886, 247 p. (In Russian)

Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 246. Cardboard 171. Case 6. Incoming and outgoing documents of the office of Archbishop Anthony of Moscow and Vladimir (on church issues, including “discord” between “circulators” and “non-circulators”). 1866, 1868, 1873, 1875, 20 p. (In Russian)

Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 246. Cardboard 185. Case 1. Letters from Old Believers (clergy and laity) to the office of Archbishop Savvaty of Moscow and to the Moscow Spiritual Council, 1882. (In Russian)

Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 246. Cardboard 208. Case 7. About church discord related to the decree of Anthony II (Guslitsky) as Moscow archbishop by Belokrinitsky Metropolitan Kirill, 1864, 82 p. (In Russian)

Details about the Old Believer Cathedral in Moscow. Church Bulletin. St. Petersburg, 1879, no. 45, pp. 12–13. (In Russian)

From the schismatic world. Church Bulletin, 1884, no. 18, pp. 13. (In Russian)

How the reconciliation of schismatic false bishops ended in Moscow. Church Bulletin. St. Petersburg, 1884, no. 39, pp. 10. (In Russian)

Information about Moscow schismatics. Church Bulletin, 1885, no. 48, pp. 822–823. (In Russian)

Kurenevsky Convent. Word of the Church. Old Believer church and social magazine, 1916, no. 24, pp. 523–526. (In Russian)

Kurenevsky monasteries. Church. Old Believer church and social magazine, 1911, no. 23, pp. 562–563. (In Russian)

Latest information about the Moscow circlers and anti-circumstances. Church Bulletin. St. Petersburg, 1884, no. 48, pp. 16. (In Russian)

Letter from Bishop Kirill of Balta to Archbishop Anastasius of Izmail dated February 2, 1887. Chronicle of events occurring in the schism for 1887. Moscow, 1889, 270 p. (In Russian)

Letter from Bishop Kirill of Balta to Metropolitan Afanasy Belokrinitsky. Chronicle of events occurring in the schism for 1887. Moscow, 1889, 270 p. (In Russian)

Letter from Tarasius to the Moscow merchant Nikolaev. Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1886. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1886, 67 p. (In Russian)

Letter from the Dobryansky priest Vasily to Yukov. Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1886. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1886, 67 p. (In Russian)

Letter from the Kurenevsky Monastery to Job of Moscow. *Brotherly Word*, 1886, no. 13, pp. 191–204. (In Russian)

Letter from Yukov to Job of Moscow. Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1886. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1886, 67 p. (In Russian)

Letter to Job from the Bendery merchant Yukov. Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1886. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1886, 67 p. (In Russian)

Lototsky V., Yur L. Old Believer settlements in Podolia. Separate reprint from the magazine “Orthodox Podolia”, 1909, pp. 1–13. (In Russian)

Memoirs of L.V. Yatsyuk about grandfather S.S. Glazkov. Sources on the history of Kurenevsky Old Believer monasteries of the late 18th — 20th centuries. Collection of documents; comp. S.V. Taranets. Kyiv; Kurenevka, 2019, vol. 3, pp. 286–287. (In Russian)

Memoirs of Old Believers and about Old Believers. Atamanenko Nikolay Meletievich. Sources on the history of Kurenevsky Old Believer monasteries of the 19th — first half of the 20th centuries. Collection of documents; comp. S.V. Taranets. Kyiv; Kurenevka, 2014, vol. 2, pp. 229–331. (In Russian)

Memoirs of Old Believers and about Old Believers. Year-old Adam Ivanovich. Sources on the history of Kurenevsky Old Believer monasteries of the 19th — first half of the 20th centuries. Collection of documents; comp. S.V. Taranets. Kyiv; Kurenevka, 2014, vol. 2, pp. 333–334. (In Russian)

Moscow schismatic priests — okrugniks and anti-okruzhniks. *Church Bulletin*, 1884, no. 41, pp. 15. (In Russian)

Old Believer monastery and women’s monastery in the village. Kurenevka, Olgopol district. Podolsk diocesan bulletins. The part is unofficial, 1881, no. 49, pp. 576–579. (In Russian)

Old Believer monastery and women’s monastery in the village. Kurenevka, Olgopol district. Podolsk diocesan bulletins. The part is unofficial, 1881, no. 51, pp. 599–601. (In Russian)

On the history of the Kurenevsky Old Believer Monastery and the women’s skete attached to it. Podolsk Diocesan Gazette. The part is unofficial, 1884, no. 20–21, pp. 402–408. (In Russian)

On the history of the Kurenevsky Old Believer Monastery and the women’s monastery attached to it. Podolsk Diocesan Gazette. The part is unofficial, 1884, no. 23, pp. 475–482. (In Russian)

On the history of the Kurenevsky Old Believer Monastery and the women’s skete attached to it. Podolsk Diocesan Gazette. The part is unofficial, 1884, no. 25, pp. 522–529. (In Russian)

Part of a letter from Bishop Kirill of Balta to Archbishop Anastasius of Izmail dated December 9, 1887. Chronicle of events occurring in the schism for 1886–1889. Moscow, 1889, 274 p. (In Russian)

Review on schism. *Church Bulletin*. St. Petersburg, 1885, no. 1, pp. 4–7. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218 (1867). Case 11. Regarding the Kyiv, Podolsk and Volyn governor-general, about those living in the Kurenevsky schismatic monastery and women’s monastery, 1867, 32 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218 (1870). Case 35. According to the name lists of persons living in the Kurenevsky schismatic monastery, 1870, 27 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218 (1871). Case 29. According to the name lists of persons living in the Kurenevsky schismatic monastery, 1871, 19 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218 (1872). Case 27. In relation to the Kyiv, Podolsk and Volyn governor-general, with the transmission of lists of names to persons living in the Kurenevsky schismatic monastery for 1872, 1872, 20 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218 (1874). Case 30. In relation to the Kyiv, Podolsk and Volyn governor-general with the transmission of the list to persons living in the Kurinevsky schismatic monastery on August 22, 1874 — August 28, 1875, 21 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218. Case 20. In relation to the Chief Prosecutor of the Holy Synod about schismatic monasteries: male and female located near the city of Cherkassy, Kyiv province, and a men's monastery called "Kurenyovka", existing in the forests of Podolsk province, serving to confirm the schism in the Kherson diocese, 1861, 17 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 797. Inventory 51. Department II. Table 3. Case 297. Regarding the attitude of the Minister of Internal Affairs on the lifting of the ban on accepting new persons for permanent residence into the schismatic monastery near Kurinevka, Olgopolsky district, Podolsk province and the women's monastery attached to it. October 21, 1881 — July 7, 1883, 16 s. (In Russian)

Schism councils. Church Bulletin, 1885, no. 33, pp. 532. (In Russian)

Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1886. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1886. Part 1, 67 p. (In Russian)

Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1886. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1886. Part 2, 99 p. (In Russian)

Subbotin N.I. Chronicle of events occurring in the schism for 1887. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman, 1888, 274 p. (In Russian)

The current position of the false hierarchy among the anti-environments. Church Bulletin. St. Petersburg, 1884, no. 4, pp. 14–15. (In Russian)

The lascivious and cowardly false bishop. Church Bulletin, 1885, no. 43, pp. 724. (In Russian)

The most humble report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev according to the Office of Orthodox Religion for 1896–1897. St. Petersburg, 1899, pp. 126–141. (In Russian)

The new Moscow false bishop among the anti-okruzhniks. Church Bulletin, 1884, no. 45, pp. 19. (In Russian)

The third schismatic false bishop of Moscow. Church Bulletin, 1885, no. 4, pp. 84. (In Russian)

Towards the death of Bishop Job. Church. Old Believer church and social magazine, 1912, no. 9, pp. 215–217. (In Russian)

What are the bishops of the schismatic-anti-circuiters? Church Bulletin. St. Petersburg, 1884, no. 41, pp. 15–16. (In Russian)

Zelenkov V.P. Materials for the history and study of some aspects of church teaching and ritual: In 2 parts. St. Petersburg, 1906. Part 1, 254 p. (In Russian)

кандидат философских наук, доцент, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
E-mail: kozhurin@list.ru

«Вообще же раскол — роковое явление нашей государственности...» (секретные отчеты гражданских губернаторов о состоянии раскола в Архангельской губернии в 1850–1860 годы)

Поморский Север с начала раскола Русской церкви становится вторым после Поволжья очагом старообрядчества — как по времени возникновения, так и по численности приверженцев. Здесь традиционно, в силу ряда объективных факторов, преобладало беспоповское направление древлеправославия. Несмотря на все репрессивные меры, которые правительство продолжало предпринимать в отношении старообрядцев на протяжении XVIII и особенно XIX в., число их и влияние на местное население Русского Севера не уменьшалось, но скорее наоборот: чем сильнее были гонения, тем более укреплялся «раскол». В основу статьи положены два секретных отчета о «современном состоянии раскола в губернии», отправленные архангельскими гражданскими губернаторами Н. И. Арандаренко (1859) и князем С. П. Гагариным (1868) в Министерство внутренних дел. В этих отчетах кроме официальной статистики содержатся многие ценные сведения о старообрядцах той или иной местности, о роде их занятий, об образе жизни, о скитах и моленных, об особенностях вероучения того или иного старообрядческого согласия, об отношении к браку и молению за царя, о взаимоотношениях с прихожанами официальной церкви и с другими старообрядческими общинами, об уровне грамотности, о духовных наставниках, попечителях и наиболее выдающихся деятелях староверия. Также исследуются причины распространенности старообрядчества среди местного населения и предлагаются соответствующие методы борьбы с этим явлением. Оба губернаторских отчета свидетельствуют не только о широком распространении и глубокой укорененности на Русском Севере старообрядчества беспоповских согласий (поморцев, федосеевцев, филипповцев, аароновцев), но и о бытовании среди местных жителей так называемого криптостарообрядчества, а также о высоком авторитете носителей древлеправославной веры и о низком — духовенства господствующей церкви.

Ключевые слова: раскол, религия, старообрядчество, Архангельская губерния, федосеевцы, поморцы, филипповцы, беспоповцы, культура старообрядчества.

...

Для цитирования: Кожурин К.Я. «Вообще же раскол — роковое явление нашей государственности...» (секретные отчеты гражданских губернаторов о состоянии раскола в Архангельской губернии в 1850–1860 годы) // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 2. С. 36–54. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0070

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy of Man, Herzen State Pedagogical University of Russia

48 Moika Emb., Saint-Petersburg, Russia 191186
E-mail: kozhurin@list.ru

“In general, the schism is a fatal phenomenon of our statehood...” (secret reports of civil governors on the state of the schism in the Arkhangelsk province in the 50s and 60s of the XIX century)

Since the beginning of the schism of the Russian Church, the Pomorian North has become the second hearth of the Old Believers after the Volga Region, both in terms of time of origin and in terms of the number of adherents. Traditionally, due to a number of objective factors, the “bespopovtsy” trend of Ancient Orthodoxy prevailed here. Despite all the repressive measures that the government continued to take against the Old Believers throughout the XVIII and especially the XIX centuries, their number and influence on the local population of the Russian North did not decrease, but rather the opposite: the stronger the persecution, the more the “schism” strengthened. The article is based on two secret reports on the “current state of the schism in the province” sent by Arkhangelsk civil governors N. I. Arandarenko (1859) and Prince S. P. Gagarin (1868) to the Ministry of Internal Affairs. In addition to official statistics, these reports contain many valuable information about the Old Believers of a particular area, about their occupation, lifestyle, sketes and worship houses, about the peculiarities of the creed of one or another Old Believer denomination, about the attitude to marriage and prayer for the tsar, about relationships with parishioners of the official church and with others Old Believers’s communities, about spiritual mentors, trustees and the most prominent figures of the Old Believe. The reasons for the prevalence of Old Believers among the local population are also investigated and appropriate methods of combating this phenomenon are proposed. Both governorship reports testify not only to the widespread and deep-rooted Old Believers of the “bespopovtsy” concordances in the Russian North (Pomorians, Fedoseevtsy, Filippovtsy, Aaronovtsy), but also to the existence of the so-called crypto-Old Believers among local residents, as well as the high authority of the bearers of the Ancient Orthodox faith and the low authority of the clergy of the dominant church.

Keywords: schism, religion, Old Believers, Archangelsk province, fedoseevtsy, pomorians, filippovtsy, bespopovtsy, culture of Old Believers.

...

For citation: Kozhurin K.Ya. “In general, the schism is a fatal phenomenon of our statehood...” (secret reports of civil governors on the state of the schism in the Arkhangelsk province in the 50s and 60s of the XIX century). *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 36–54. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0070

Среди документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) и имеющих непосредственное отношение к истории старообрядчества, особый интерес представляют секретные отчеты начальников губерний о «состоянии (или положении) раскола в губернии», составленные по циркулярам Министерства внутренних дел. В них кроме официальной статистики (практически всегда неизбежно неточной) содержатся многие ценные сведения о старообрядцах той или иной местности, о роде их занятий, об их образе жизни, о скитах и молитвенных домах, об особенностях вероучения того или иного старообрядческого согласия, об отношении к браку и молению за царя, о взаимоотношениях с прихожанами официальной церкви и с другими старообрядческими общинами, об уровне грамотности, о наставниках, попечителях и наиболее выдающихся деятелях староверия. Нам уже приходилось делать обзор аналогичных отчетов по Витебской и Псковской губерниям за середину XIX в. [Кожурин, 2023 (a) (b)]. Не меньший интерес представляют материалы по Архангельской губернии.

Поморский Север с начала раскола Русской церкви становится вторым после Поволжья очагом старообрядчества — как по времени возникновения, так и по численности приверженцев этого духовного движения. Традиционно, в силу ряда объективных факторов, здесь преобладало беспоповское направление древлеправославия. В своем фундаментальном труде «История Министерства внутренних дел» чиновник по особым поручениям и правовед Н. В. Варадинов писал, что в середине XIX столетия почти всё население побережья Белого моря и озер Олонецкой губернии придерживалось «раскола», а старообрядческие скиты, часовни и поселения были разбросаны по всему Русскому Северу. По подсчетам Варадинова, только в Вологодской губернии к тайным последователям старой веры принадлежало не менее трети населения! Даже «инородческое» население Севера (зыряне и карелы) в значительной степени придерживались старообрядчества [Варадинов, 1863. С. 296, 538].

В марте 1682 г. в целях борьбы со старообрядчеством на Севере была создана отдельная Холмогорская и Важская епархия. Первым архиепископом Холмогорским и Важским был рукоположен Афанасий (Любимов), по некоторым сведениям, некогда близкий старообрядчеству, но впоследствии ревностно следивший за совершением богослужений по новопечатным книгам и боровшийся со старообрядцами во вверенной ему епархии. Как пишет Семен Денисов в «Винограде российском», этому «лютейшему защитнику Никоновых новшеств» было «радостно и весело» устраивать чудовищные пытки старообрядцев, «мучити благочестивыя мужи, их же множество имая, горькими и лютыми казнями жития сего лишаше» [Денисов. Л. 114 об.]. Сам «кроворадостный епарх» писал в своем «Увете духовном»: «Безумных же раскольников никоими словами не возможно есть увещати, точию воловым остном (острая палка, которой погоняют волов, рогатина. — К. К.) наказати их подобает» [Афанасий. Л. 84 об.].

На 1683 г. приходится волнения среди стрельцов Архангельского гарнизона, придерживавшихся старой веры. Волнения прекратились после того, как были схвачены и отправлены под стражей в Холмогоры главные проповедники старой веры — Ивашко Устюг и Мишка Золотичанин. После издания знаменитых «12 статей» в правление царевны Софьи и

патриаршество Иоакима (1685) и начавшихся после их выхода гонений на старообрядцев многие русские люди вынуждены были бежать на Север. Большая часть старообрядческих скитов вокруг Архангельска возникла именно тогда, причем преимущественно они располагались именно в Архангельском уезде.

Так, на территории Архангельского уезда еще в 1719 г. иноком-поморцем Феодоритом был основан Ануфриевский скит, в 1720 г. иноком Игнатием — Игнатьевский скит. В 20-х годах XVIII века выходцами из нижегородских керженских скитов инокинями Ефимьей и Павлой и выходцами из Игнатьевского скита старцем Иоаникием и инокинями Иринею и Дорофеей был основан Сёмженский скит. На территории уезда также располагались Березовый и Половый скиты (основаны в 1794 г. крестьянами-филипповцами А. Дудиным и Н. Плотниковым), Сумозерский скит (основан не позднее 1793 г. филипповцами), Малолахотский и Большеллахотский скиты (поморского согласия), Слободский скит (основан в 1779 г. федосеевцами), Малокородский скит (основан в 1786 г. архангельским купцом-федосеевцем А. Ароновым), Большекородский скит (основан в 1776 г. петербургским купцом-федосеевцем Стройным), Ижмозерский скит (поморского согласия, с конца XVIII в.), Белозерский скит (поморского согласия), Амбурский скит (филипповского согласия), Савинский скит (поморского согласия), также Пертозерский и Залайский скиты, Толдозерская пустыня, Заводская пустыня, Пустыня Юра, Пустыня Задняя и ряд других.

В Холмогорском уезде Архангельской губернии находился Гремяшный скит поморского согласия, Чернозерский скит федосеевского согласия, Сухозерский скит ааронова согласия. В Мезенском уезде существовали Великопоженский и Цилемский скиты поморского согласия; в Кемском уезде — на выгонной земле на реке Мягреге скит, Топозерский скит (филипповского согласия), Говин скит (филипповского согласия), Батькова пустыня (филипповского согласия), Кивиканда пустыня, Левисская пустыня, Пертозерская пустыня (филипповского согласия), Удская пустыня, пустыня Верховье, Выгостровская пустыня, пустынь Сумостров, пустынь Кондостров, пустынь Контроостровская, пустынь при озере Рыбном, пустынь Чолма Губа, пустынь Нильма-Губа, пустыня при озере Вороньем; в Кольском уезде — Иваньков скит, Сергенаволодский скит, Великоостровский скит, Поповый скит; в Онежском уезде — Пелозерский скит.

Несмотря на все репрессивные меры, которые правительство продолжало предпринимать в отношении старообрядцев на протяжении XVIII и особенно XIX вв., число их и влияние на местное население Русского Севера не уменьшалось, но скорее наоборот: чем сильнее были гонения, тем более укреплялся «раскол».

Из официальных секретных отчетов, содержащих ценную информацию о старообрядчестве Архангельской губернии, на сегодняшний день нам удалось обнаружить только два: 1) отчет архангельского гражданского губернатора Н. И. Арандаренко «О состоянии раскола в Архангельской губернии», который он отправил 24 октября 1859 г. в Министерство внутренних дел, и 2) отчет архангельского гражданского губернатора князя С. П. Гагарина «О современном состоянии раскола в губернии», отправленный в МВД 9 ноября 1868 г.

Оба отчета составлены в царствование императора Александра II, оба носят в целом «противораскольнический» характер, однако если в первом в ряде его высказываний еще

вполне ощутима нетерпимая атмосфера недавних николаевских гонений на староверие, то во втором уже виден более широкий взгляд на феномен раскола, свойственный времени Великих реформ. Теперь остановимся на обоих отчетах подробнее.

Представленный в Министерство внутренних дел отчет губернатора Н. И. Арандаренко занимает почти 100 листов (л. 7 — 102 об.). Большую его часть занимает составленная в виде таблицы «Записка о взаимном разстоянии городов и селений, в которых проживают раскольники, и об отношении этих местностей к судоходным рекам и другим путям торговых и прочих сообщений, с показанием сколько в каждом городе и селении раскольников» (л. 20–71). Также к отчету приложены «Ведомость о раскольнических скитах, существующих в Архангельской Губернии» с указанием проживающих в них (л. 72–99) и «Ведомость о упраздненных скитах в Архангельской Губернии» (л. 100 — 102 об.). К отчету также прилагалась карта с показанием городов и селений, в которых проживают «раскольники», однако в деле этой карты нет. Возможно, она оказалась в составе другого дела и даже находится в другом фонде Российского государственного исторического архива.

Любопытно, что Николай Иванович Арандаренко (1795–1867) был не только крупным чиновником, архангельским гражданским губернатором, тайным советником, но также и дворянским историком, статистиком, этнографом и краеведом. Он оставил после себя весьма ценный труд «Записки о Полтавской губернии» в трех частях (Полтава, 1848–1852) с дополнением атласа карт и видов. Этот труд содержал редкие сведения по истории Полтавщины с древнейших времен: по истории административно-территориального устройства, государственных учреждений XVII–XVIII вв., развития сельского хозяйства, промышленности, ремесел, торговли и т. д. Это увлечение историей и этнографией, по-видимому, тоже сыграло свою роль при составлении отчета о состоянии «раскола» в Архангельской губернии.

После изложения предыстории о сборе сведений о старообрядцах Н. И. Арандаренко сообщал, что «раскольники здешние все записаны в ревизския сказки, исключая неподлежащих переписи». По своему социальному положению они распределялись следующим образом:

в купечестве.....	15;
в мещанстве.....	235;
крестьян государственных...	4245;
крестьян удельных.....	1307;
лоцманов.....	6;
из потомков мореходцев бывшей секретной в г. Холмогорах комиссии.....	1;
обер-офицерская вдова.....	1;
отставных солдат.....	7;
и солдатских вдов и дочерей.....	30 [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 8–8 об.].

Постоянно на местах своего жительства проживали до 5200 человек старообрядцев. Остальные отлучались: а) для промыслов — на море, по рекам, озерам и лесам, в пределах губернии, б) для заработков в Санкт-Петербург, Архангельск, Вологодскую губернию и в места Финляндии и в) для продажи своих продуктов и своза тяжестей в Архангельск, на ярмарки в г. Пинегу и в уезды Яренский Вологодской и Повенецкий Олонецкой губерний. Долговре-

менные отлучки бывали в основном для заработков в Санкт-Петербург, где отлучающиеся определялись и работали в артелях. Число старообрядцев, отлучавшихся в Санкт-Петербург, доходило до 30 человек, причем в столице они могли проживать от трех до двадцати лет. Более всего было отлучавшихся на морские промыслы, ежегодно в марте и апреле, откуда они возвращались в сентябре, а другие даже в октябре. На время отлучки старообрядцы снабжались видами, а без видов отлучались только в близкие места.

Старообрядцы из других мест в Архангельскую губернию заезжали для сбыта продуктов из губерний Вологодской и Олонецкой. Также губернатор отмечал, что в 1856 г. в Онежском уезде в Кушерецких лесах находились «шесть человек раскольников», из которых трое были выходцами из Олонецкой, двое — из Новгородской и один из Московской губернии, пришедшие с намерением поселиться в тех лесах (подробнее об этом деле мы писали в наших статьях: [Кожурин, 2021; Кожурин, 2023 (с)]).

Что касается новых скитов и других «раскольнических сборищ», то в губернии за последние годы таковых открыто не было, кроме уже упоминавшегося выше скита в Кушерецких лесах Онежского уезда. Там, вместе со старообрядцами, приехавшими из других губерний, было также обнаружено пять человек крестьянского сословия из ближних деревень. Захваченные староверы, после следствия и суда над ними, были отосланы по принадлежности, а кельи в лесу, где они были найдены, уничтожены. Также в 1856 г. было отдано распоряжение об уничтожении в том же Онежском уезде, близ границы Олонецкой губернии, построенной в давнее время старообрядческой Филимоновской часовни «в отвращение сборищ в ней раскольников». Произошло это в 1859 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 211. Д. 126].

Относительно образа жизни архангельских староверов губернатор писал, что они по своим занятиям не отличаются от прочих жителей, однако при этом не ходят в официальную церковь, молитвы совершают в домах и если живут в одном доме с православными, то молятся в особой комнате или в углу и только перед своими иконами. В тех же скитах, где есть моленные, собираются для молитв в моленные. Едят также порознь от православных и из своих особых сосудов, чуждаются православных, особенно священников. «...В нравственном отношении раскольники порицаются за блудную жизнь, недружелюбие и сварливость; некоторые из раскольников употребляют невоздержно хмельные напитки; важные преступления между раскольниками обнаруживаются редко» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 10 об. — 11].

Среди староверов Архангельской губернии была достаточно широко распространена грамотность, что не раз отмечалось и в других российских губерниях. Исключение составляли только староверы Пинежского уезда, где, по замечанию губернатора, «грамотных раскольников мало, и они умеют только читать книги церковной печати, писать же почти совсем не умеют. Грамоте раскольники учились у местных раскольников, и ныне обучаются тоже у раскольников, но некоторые отдают детей своих в сельские училища, а в г. Кеми — в Уездное Училище» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 11 — 11 об.].

Круг чтения местных старообрядцев составляли почти исключительно книги церковной печати: Часословы, Псалтыри, Жития святых, каноники, цветники, или собрания поучений, уставы о службе, молитвах и другие книги духовного содержания. Нередко

встречались рукописи, писанные уставом «по-церковному», тоже духовного содержания и относившиеся до споров о вере и обрядах. Книги и рукописи у них были старые, первые — большею частью Супрасльской типографии. Старообрядцы Кемского и Онежского уездов получали книги через существовавший в Повенецком уезде Даниловский скит (знаменитое Выговское общежительство).

Несмотря на разгром этого главного духовного центра старообрядчества на Русском Севере, пришедшийся на 1854–1856 гг., ему было суждено пережить краткий период возрождения в конце 1850-х — 1860-е гг. Выговское общежительство продолжало оказывать сильнейшее духовное и культурное влияние на жителей Поморья.

Большинство старообрядцев Архангельской губернии составляли беспоповцы, «отвергающие священноначалие и таинства Св. Церкви и утверждающие, что истинная Церковь, со времен Патриарха Никона, ушла в пустыню, а на место ее стала Церковь новая, неистинная, в которой царствует антихрист и сама есть верная добыча его и других влечет за собою в погибель» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 11 об. — 12].

При этом местные беспоповцы были разделены на несколько толков: даниловский, или поморяне, федосеевский, филипповский и аароновский. Даниловцы, судя по сведениям, доставленным губернатору, отличались тем, что почитали восьмиконечный крест без титлы (ИНЦ), в жизни были менее других строги, молились за царя, а не за императора, брака у них нет.

Федосеевцы поклонялись кресту с титлой, принимали иногда брак от священников, но «новоженов» наказывали епитимией. По своему образу жизни архангельские федосеевцы были строже даниловцев. Есть и пить с другими, покупать пищу на рынке по их понятиям значило скверниться. Для очищения скверны от этого нужна епитимия.

Филипповцы кресту поклонялись без титлы, чужим иконам не кланялись, брака у них не было, а кто прежде состоял в браке, тех разводили. В жизни они, особенно старики и старухи, были строже всех других староверов.

Аароновцы принимали браки, которые совершались самими старообрядцами. Среди них не допускалось поклонение никаким другим иконам, кроме своих. Бегунов и «скитальщиков» в Архангельской губернии открыто не было. Зато в Поморском крае среди приверженцев даниловского толка встречались «лжеиноки и лжеинокини, которые пострижены от таких же раскольников, называемых ими старцами и старицами, преимущественно из Олонецкой губернии» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 12 об. — 13].

Характеризуя старообрядческое вероучение, губернатор отмечал следующие его особенности: «Раскольническое учение, по духу своему противно Евангельскому учению; здешние раскольники большею частью не имеют понятия о своем учении, уверены только, что они следуют старой, истинной вере, которую полагают в нехождении в Православную Церковь, в непринятии ее таинств и служителей, отчуждении от Православных (не есть, не пить с ними, не молиться пред иконами Православных) и в совершении молитв пред своими, старыми или литыми из меди иконами и по старым молитвенникам и уставам.

Между раскольниками есть толки о том, что скоро будет второе пришествие Господа Иисуса Христа, которое, по их книгам, должно быть в восьмой тысяче лет от сотворения

мира. Но эти толки, не заметно, чтобы производили особенное действие или волнение между ними.

По словам раскольников, вера их — старая истинная, и они надеются получить чрез эту веру спасение» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 13 — 13 об.].

Староверы ряда уездов Архангельской губернии поддерживали духовные связи со своими единоверцами из соседних губерний. В частности, староверы Шенкурского уезда общались со староверами Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, а уездов Онежского и Кемского — со староверами Повенецкого уезда Олонецкой губернии.

Очень странно, что архангельский губернатор не называет никого из местных наставников и духовных лидеров поименно: по-видимому, собранных через чиновников сведений было для этого явно недостаточно. «Наставников раскольнических, которые были бы известны, и не скрывали своего звания, — нет. Но из местных раскольников грамотные или посмышленнее и побойчее на словах, успевшие между ними заслужить доверие, делают другим наставления, впрочем всегда скрытно. Между раскольниками наставления, как заметно, очень недостаточны; многие из них не знают: к какой секте и толку они принадлежат; на пример сказывают, что они староверы той секты, что в таком-то ските, а какая там секта, сказать не знают» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 14].

Наиболее влиятельные среди старообрядцев — это грамотные, показывающие себя набожными и усердными к Богу, а также зажиточные люди. Руководителей раскола «по фанатизму» в губернии замечено не было, так же как не было замечено старообрядцев, которые действовали бы из личных видов корысти или честолюбия. «Хотя и есть между раскольниками, — замечает губернатор, — называемые у них старцы или старицы, которые из платы служат панихиды по усопшим и совершают поминовения и другия требы, но корыстолюбие их не есть исключительная причина побуждения к принятию ими на себя этих обязанностей; побуждением к сему служит и то, что они призываются на дело святое, богоугодное» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 17 об.]. Впрочем, из опасения преследований староверческое учение в основном распространяется скрытно. Также скрытно совершаются у староверов требы и поминовения. Эту скрытность старообрядческие наставники внушали другим старообрядцам, отчего все они вообще недоверчивы.

Причины распространенности старообрядчества во вверенной ему губернии Н. И. Арандаренко видел в целом комплексе причин. В частности, в том, что

«раскол гнездится в тех местах, где жители издавна не имеют понятия об истинах Евангельского учения и значении установлений Церковных, а Православные храмы или находятся в отдаленности, или не посещаются заработами или понерядению. Посему при холодности к Церкви Православной, выказываемая раскольниками набожность производит уважение к их вере; во многих местах в простом народе, даже укоренилось мнение, что раскольники держатся старой веры, старых обрядов и обычаев, а толки, которые разсеяны раскольниками на счет Православной Церкви, что проповедуемая в оной Священниками вера есть новая, что книги в нашей Церкви, самое служение и обряды, при Никоне Патриархе переменены, поселяют в простодушных, при оказываемой набожности раскольниками, недоверчивость к Церкви Православной; к чему способствует и то, что Церковь учит слагать персты для крестнаго знаменья, не так, как принято изстари, в большей части здешней губернии, простым народом, который в этом согласуется с рас-

кольниками, при сих предрасполагающих к расколу средствах, примеры родителей и родственников, также людей зажиточных и успевших снискать в обществе уважение, и иногда убеждения, делаемая родителями детям — держаться старой веры, т. е. раскола, делают между простым народом, не сведущим в деле веры и холодным к Церкви Православной, то, что раскол, переходя из рода в род и утверждая за собою присвоенное название старой веры, приобретает этим уважение и держится невежеству как истинное учение или истинная вера, чрез которую раскольники верят получить вечное спасение. Кроме сего раскол поддерживается тем, что богатые раскольники, особенно в Кемском уезде (в котором раскольников более всех уездов и богатые — преимущественно раскольники), делают единомышленникам своим вспомоществования в нуждах, а бедным из числа православных отказывают с пренебрежением» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 14 об. — 16].

Вместе с тем губернатор подчеркивает и отрицательные стороны жизни местного старообрядчества: «Слабая сторона у раскольников, чрез которую теряют в себе уважение, и поселяют в других отвращение к их вере, есть блудная жизнь, которую дозволяет их учение, называя эту преступную любовь, мужей и жен, братскую любовь. Раскольники и их вера также много теряют в мнении жителей тем, что молодые из раскольников стали позволять себе курить табак, который, по понятиям народа о старой вере, почитается нечистым и скверным. Строгое соблюдение раскольниками правил их учения — не есть с православными вместе, а из особых сосудов, которые они путешествуя носят с собою, и поклоняться только старым или своим иконам, — для многих жителей кажется странным или смешным, и иногда поражает между раскольниками и православными раздоры» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 16 об. — 17].

Далее губернатор перечислял последствия предпринимавшихся ранее мер «духовно-нравственного действия на раскольников», среди которых важнейшими были: «а) ежегодное присоединение из раскола в Православие от 20 до 60-ти человек; б) присоединение в 1857 году к единоверию состоявших в расколе 265 крестьян Устьцилемской волости Мезенского уезда; и в) объявленное в 1854 году желание 239 раскольников Кемского уезда присоединиться к единоверию и иметь Единоверческую Церковь» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 17 — 18 об.].

Поскольку «раскол», по мнению губернатора, держался преимущественно «невежеством народа», то он выражал надежду на то, что обучение «детей раскольнических» и вообще крестьянских в сельских училищах, их сближение с учителями и священниками, «вразумления» последними в истинах и сущности евангельского учения, привлечение простого народа к хождению в официальную церковь благолепием храмов, внешним благочинием, порядком и благоговейным служением, бескорыстием, трезвой и честной жизнью священников — всё это будет служить ослаблению «раскола», и, «поселив в народе уважение и почтение к Церкви и Священникам Православным, тем самым уменьшат действие раскола и переход лжеучения от родителей к детям» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. Л. 19]. Для этого губернатор, опираясь на мнение епархиального начальства, предлагал увеличить число приходских церквей и священников, а также количество училищ в селениях.

Второй из обнаруженных нами в Российском государственном историческом архиве губернаторских отчетов был отправлен в МВД 19 декабря 1868 г. другим архангельским

«Вообще же раскол — роковое явление нашей государственности...» (секретные отчеты гражданских губернаторов о состоянии раскола в Архангельской губернии в 1850–1860 годы)

гражданским губернатором — князем Сергеем Павловичем Гагариным (1818–1870). Отчет был составлен в ответ на «совершенно секретное предписание» министра внутренних дел А. Е. Тимашева от 30 октября 1868 г. за № 584¹.

Личность нового архангельского губернатора также весьма любопытна. В течение 1852–1859 гг. он занимал должность вице-губернатора в Пензенской губернии. В июле 1864 г. он был произведен в действительные статские советники и уже в следующем году командирован в Нижний Новгород для сбора статистических сведений о ходе торговли на Нижегородской ярмарке в июне 1865 г. С 5 августа 1866 г. его назначили «исправляющим должность Архангельского губернатора». При его губернаторстве был разработан план колонизации Мурманского берега Кольского полуострова («Мурмана»), утвержденный императором Александром II 22 ноября 1868 г. На посту архангельского гражданского губернатора князь С. П. Гагарин много занимался решением транспортных проблем губернии. Он, в частности, организовал регулярное морское сообщение между Мурманом и Норвегией, привлекал на Север ученых, использовал также научные знания политических ссыльных. Одним из первых он заговорил о необходимости введения высшего морского образования в Российской империи, и многое им было сделано в этом направлении (в частности, открыт мореходный класс в Сумском Посаде). В 1867 г. князь Гагарин был избран первым почетным гражданином Архангельска, однако впоследствии, из-за ухудшившегося состояния здоровья, был по его собственной просьбе переведен на должность гражданского губернатора в Саратов и скончался в этой должности.

Как писал князь С. П. Гагарин министру внутренних дел, сведения о состоянии раскола в Архангельской губернии он собрал «секретным путем и без малейшей огласки». Губернаторский отчет занимает в деле 17 листов. Министр внутренних дел посчитал нужным переслать для ознакомления донесение архангельского губернатора обер-прокурору Синода графу Д. А. Толстому².

Свой отчет губернатор начинает, как всегда, со статистики, указывая при этом на несоответствие данных, получаемых из различных источников: «число последователей раскола, в различных его разветвлениях, было показываемо за последние годы в Архангельской губернии весьма разнообразно» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 2]. Так, если, по сведениям местного епархиального начальства, в 1865 г. числилось старообрядцев в губернии всего 3831 человек и в последующие годы, по тем же самым сведениям, число их не возросло, в том же самом 1865 г., по полицейским сведениям, их было 14 421, а по данным, добытым переписью, произведенной в том же самом году по распоряжению местного Статистического комитета, число их достигало 22 531! Последняя цифра, как более приближающаяся, по

1 Министерским циркуляром, в частности, предписывалось собрать следующие данные: 1) о настоящем положении «раскольнических» толков в губернии, причем губернаторам ставилось на вид, чтобы они, руководствуясь более или менее достоверными фактами, указали на постепенное движение «раскола» в губернии (т. е. растет он или ослабевает) и какие причины, по их мнению, служат усилению или же ослаблению «джеучений» в народе; 2) о важнейших «коноводах раскола», характере их деятельности и степени влияния как на «раскольнические» общества, так и на православных.

2 Несмотря на всю секретность переписки по делам «раскола», записка князя С. П. Гагарина оказалась каким-то образом в распоряжении русского революционера-народника, публициста, этнографа и исследователя истории раскола Русской православной церкви А. С. Пругавина, который опубликовал в начале XX в. извлечения из нее в своей книге [Пругавин, 1904. С. 65–79].

мнению губернатора, к действительной, была вписана им в ведомости, представленные при всеподданнейшем отчете за 1867 г.

«Из сего видно, — продолжает губернатор, — до какой слабой степени администрация обладает надежными средствами к разрешению важного вопроса о численности лиц, уклоняющихся от единения с господствующею церковью. Всего менее средствами этими обладает сама церковь, органы которой по непосредственному отношению к делам религиозных убеждений прихожан, должны были бы стать всего ближе к разрешению вопроса и сведения об уклоняющихся доставлять наиболее точныя. Но как оказывается им всего менее известно действительное религиозное состояние их прихожан, и в сведениях доставляемых ими своему начальству, число раскольников постоянно уменьшается, другими словами — постоянно зачисляются ими в число преданных сынов церкви такие лица, которые даже заведомо для полиции порвали с нею связь» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 2 об. — 3].

Причины, по которым в списках духовного ведомства число старообрядцев всегда показывается меньше действительного, по мнению архангельского губернатора, повсеместно в России одни и те же: достаточно однажды в течение нескольких лет быть внесенным в приходские исповедные записи, чтоб не попасть в списки «раскольников», при этом само внесение в исповедные записи делается за деньги и еще не доказывает принадлежности лица к господствующей церкви.

Вместе с тем столь же мало можно доверять и полицейским сведениям, несмотря на то что полиция не может иметь какого-либо материального побуждения утаивать число лиц, не состоящих в общении с господствующею церковью. Это происходит оттого, что многие из старообрядцев все еще боятся «обнаружить принадлежность свою к расколу» перед полицией. Именно по этой причине исчисление старообрядцев, произведенное в 1865 г. не через полицию, а Статистическим комитетом, дало и большее число старообрядцев в губернии, хотя, конечно, многие «тайные последователи раскола» остались за пределами статистической переписи.

«Таким образом очевидно, — подытоживает губернатор, — что на основании существующих числовых данных не возможно делать какие бы то ни было выводы об усилении или ослаблении раскола в губернии. Если судить только по цифрам ежегодных отчетов, то раскол в губернии должен бы был представляться постепенно возрастающим в последнее десятилетие, так как показываемое в них число раскольников постепенно растет, но это обстоятельство доказывает не усиление раскола в действительности, а свидетельствует о том лишь, что сведения собраны тщательнее» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 3 об. — 4].

Тем самым, по мнению губернатора, не числовые данные должны служить основанием при решении вопроса об усилении или ослаблении «раскола» в крае, но материалы иного рода. К последним прежде всего относятся дела о «сворачивании в раскол» и о присоединении из «раскола» в православие. Первого рода дел не было в Архангельской губернии с 1851 г., когда стало известно о переходе в старую веру 199 удельных крестьян Шенкурского уезда. Но равным образом не было за последнее время и случаев присоединения старообрядцев к официальной церкви. На основании этого можно было бы сделать вывод о том, что старообрядчество в губернии не находится ни в процессе роста, ни в процессе спада. Однако такой вывод

«нет возможности представлять как вполне неоспоримый, потому во первых, что оснований для него недостаточно, так как до сведения администрации могли и не доходить многие случаи движения религиозной мысли в народной массе, ускользающей в этом деле от полицейского наблюдения, а во вторых потому, что... условия благоприятствующие усилению раскола, далеко нельзя признать изменившимися» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 4 об.].

Данные об усилении или ослаблении старообрядчества в крае могли бы доставить также наблюдения за числом прихожан, посещающих литургию в воскресные и праздничные дни, если бы такие наблюдения производились в течение более или менее продолжительного срока. Но подобные наблюдения не велись. Достоверно известно только, что некоторые из сельских церквей (в особенности в Кемском уезде) прихожанами почти не посещались.

Далее губернатор отмечает еще одну характерную особенность церковной жизни северорусских крестьян, на которую неоднократно обращали внимание исследователи. «Не подлежит также сомнению, что в среде крестьян происходит тайно переход в раскол, в виде одиноких явлений, не вызывающих особенных последствий. К таким случаям относится преимущественно отпадение от Православной церкви людей престарелых, — явление весьма замечательное и заслуживающее особого внимания, не столько впрочем по отношению к отдельным случаям, сколько по отношению к общему их значению в порядке религиозной жизни нашего народа...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 5 — 5 об.].

Отчего же это происходило? Почему многие прихожане господствующей церкви, «приходя в старость, близясь к гробу» переходили в старообрядчество? Губернатор объяснял это явление следующим образом:

«Прискорбные факты эти весьма понятны. Потребность сильной веры возбуждается особенно в преклонных летах; принадлежность к Православной церкви, отношения к Православному духовенству не дали твердых пунктов опоры человеку, который по неразвитости не в силах разрешить своих сомнений. Он не идет за ответом к священнику, котораго не уважает и от котораго далек был во всю свою жизнь, — и бросается в руки перваго наставника-раскольника. Там он находит успокоение; там говорят с ним его языком» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 14 об. — 15].

Князь С. П. Гагарин выделял четыре главных центра старообрядчества в Архангельской губернии: город Кемь (для Поморья и Кемского уезда), селение Усть-Цильма (для Печорского края), окрестности города Холмогор (для уездов Холмогорского, Пинежского и Архангельского) и, наконец, Придвинская часть Шенкурского уезда. При этом все четыре центра не существовали в совершенной изоляции. Так, старообрядцы Кемского уезда поддерживали тесные отношения со своими единоверцами из Олонецкой губернии и Петербурга, старообрядцы Печорского края — с Пермской губернией, шенкурские старообрядцы имели близкие связи со своими единомышленниками из соседнего Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. И все эти центры были тесно связаны с Москвой:

«главный центр безпоповщины, Московское Преображенское кладбище, служит для всех раскольников Архангельской губернии как бы митрополией, из которой они получают и внушения и материальную поддержку» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 6].

По числу сторонников старообрядчества уезды Архангельской губернии шли в следующем порядке: 1) Кемский (половина населения котораго «явно придерживается раскола»),

затем 2) Пинежский (до 1900 человек по статистической переписи), 3) Мезенский (до 1400), 4) Шенкурский (более 1200), 5) Архангельский (до 1100), 6) Онежский (до 400) и 7) Холмогорский (до 300).

Достаточно сложным был вопрос о распределении архангельских старообрядцев по толкам. Казалось бы, более точные сведения должны были бы находиться в распоряжении Духовной консистории, получавшей донесения от миссионеров, непосредственно контактировавших со старообрядцами и проводивших с ними прения, однако сведения консистории по большей части ограничивались заметками: «к какому толку не известно».

В силу этого в данном вопросе приходилось довольствоваться сведениями отрывочными и порою сомнительными. Единственное, что можно было утверждать с уверенностью, так это то, что все старообрядцы Архангельской губернии принадлежали к различным ответвлениям беспоповства.

«Попытка введения между ними единоверия в Кеми и Печоре... неимела ни малейшего успеха и официально числящиеся единоверцами остаются в действительности непоколебимо верными беспоповщинскому расколу» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 6 об. — 7].

Из беспоповских согласий в Архангельской губернии были представлены: «Поморщина или Даниловщина», «Федосеевщина», «Филипповщина», «Аароновщина», «Ануфриевщина». Русские старообрядцы Кемского уезда принадлежали к поморскому согласию (или «даниловщине»). Относительно же инородческого населения того же уезда — а именно карелов — определить было сложно, к какому конкретному согласию они принадлежали:

«сами они того не знают, отличаясь от других раскольников, довольно твердых в познании и исполнении правил своего учения, полным индифферентизмом в вопросах веры. Вообще раскол в среде Корельского населения составляет явление чрезвычайно любопытное, требующее специального исследования, которое несомненно приведет к тому важному практическому заключению, что нельзя оставлять целый народ без поучения в делах веры на понятном ему языке, не доводя его до состояния религиозной заурядности» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 7 — 7 об.].

Большинство жителей Придвинской части Шенкурского уезда тайно или явно принадлежали к федосеевскому согласию. Главным центром аароновщины в губернии считались окрестности города Холмогоры, но это согласие было распространено и в других местах (так же как и филипповское согласие и ануфриевщина).

То, что происходило внутри различных старообрядческих согласий («движение религиозной мысли»), крайне редко доходило до сведения местной администрации. Одним из таких исключительных случаев губернатор считал события 1850 г., когда губернскому начальству стало известно о значительном числе «сверженных в раскол» в Шенкурском уезде. Было учреждено следствие, в результате которого открылось, что между сольвычегодскими и шенкурскими староверами (между их влиятельными наставниками) происходили «самые оживленные сношения, целью которых было разрешение некоторых спорных пунктов, разъединяющих различные согласия».

Наиболее влиятельным наставникам удалось даже в 1848 г. созвать собор в деревне Осиевской (Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда), на который съехалось до 100

человек сольвычегодских и шенкурских староверов. Но вместо ожидаемого объединения федосеевцев и филипповцев собор этот привел их только к большему разъединению. Произошло разделение между самими федосеевцами, и в их среде образовалось новое ответвление, которое по имени главного учителя стало называться «Никулинским согласием».

Рассуждая о причине появления новых согласий в старообрядчестве, губернатор отмечал:

«Образование новых согласий, в среде безпоповщинских учений, есть явление обыкновенное, необходимо сопровождающее самое существование безпоповщины, как отступления от единства с церковью, отступления открывающего доступ всевозможным личным и произвольным толкованиям. Каждый влиятельный и ловкий наставник может найти толпу приверженцев на какомнибудь ничтожном пункте, отступить от других собратий и положить таким образом начало новому согласию и даже новому толку. Таким путем безпоповщина распалась на бесчисленное множество толков и в среде их на бесчисленное множество согласий. В большей части случаев администрация может замечать такое движение тогда только, когда каким-либо проявлением фанатизма оно обнаруживает стремления враждебныя обществу, государству или церкви» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 8 об. — 9].

С 1850 г. подобных случаев в Архангельской губернии более не происходило, по крайней мере, даже если и появлялись какие-то новые старообрядческие толки, неизвестные администрации, то они не представляли собой что-либо более опасное, чем существовавшие ранее.

По поводу последователей так называемых особо вредных сект (скопцов, шалопутов, хлыстов, прыгунков и странников) губернатор отзывался, что среди местного населения Архангельской губернии их нет, хотя время от времени до администрации частным путем доходили сведения о появлении странников в Кемском и Шенкурском уездах. В первый они заходили из соседней Олонецкой губернии, в последний — из губернии Вологодской. Все попытки полиции разыскать их оканчивались неудачей. Возможно, временным прибежищем для «беглецов» служили кемские леса и находившиеся среди них пустынные скиты, куда полиция лишь изредка имела возможность наведываться. Но даже если последователи «вредных сект» и заходят иногда в пределы губернии, то никакого влияния на местное население они не оказывают.

Также губернатор упоминает о визитах в Шенкурский уезд двух «беглых вологодских попов»: Родимова и Костылева. Сами себя они называли странниками, перекрещивали старообрядцев и совершали разного рода духовные требы.

«Но принадлежали ли эти беглые к особенно вредной секте, или же называли себя странниками только по скитальческому образу своей жизни, Архангельской администрации неизвестно» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 11].

Общей чертой, объединявшей все местные старообрядческие согласия, по мнению губернатора, было отрицание господствующей церкви, которая в их понятии не признавалась истинной Христовой церковью и хранилищем Божественной благодати, но считалась учреждением антихриста, уже пришедшего в мир со времени никоновской порчи священных и богослужебных книг, хранилищем лжи, греха и скверны.

«В массе раскольников это отрицание господствующей церкви низводится в сущности к отрицанию церковной иерархии; все Православное священство является в их глазах слугами антихриста» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 9 — 9 об.].

Что касается собственно догматических разногласий с учением господствующей церкви, то у «благоразумнейших безпоповцев», по мнению губернатора, их не было. Главными разъединяющими пунктами оставались лишь «отрицание иерархии» и «своеобразное толкование некоторых принадлежностей обрядовой стороны богослужения». Архангельские безпоповцы не отрицали таинств принципиально. Они лишь не хотели принимать их из рук новообрядческих священников. Также они не представляли собой угрозы государству («пока не одуряет их фанатизм»). Совершая при исполнении своих религиозных обрядов молитву за царя (у одних «Благоверного», у других — «Державного»), они охотно подчинялись всем правительственным установлениям и ни в своем образе жизни, ни в гражданских понятиях не обнаруживали «элементов противогосударственных».

Случаев сопротивления старообрядцев гражданским властям в Архангельской губернии не было, а проявления «фанатизма» составляли исключение: «он обнаруживался преимущественно в тех случаях, когда почему либо преследуемый раскольник доводим был до возможности придти и утвердить других в убеждении, что терпит за веру». Вместе с тем старообрядцы, которых отдавали на увещания духовенства, как свидетельствуют дела Духовной консистории, никогда не присоединялись к официальной церкви. Притеснительные меры по отношению к старообрядцам вели только к усилению «раскола», «возбуждая его приверженцев к усиленному отпору и придавая тем из них, которые в таких случаях проникались духом фанатического упорства, характер страдальцев за веру, всегда действующий влиятельно на народные массы» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 11 об.].

Среди лиц, пользовавшихся среди архангельских староверов наибольшим влиянием, С. П. Гагарин называет следующих: крестьяне Шенкурского уезда Кургоминской волости в Топецком приходе Алексей Некрасов и Степан Засухин и в Борецком приходе крестьянин Алексей Кузнецов; крестьяне Холмогорского уезда в Ухтоостровском приходе Григорий Батраков и Иван Шургин и в Быстрокурском приходе Михаил Сорванов, Петр и Савва Стафиевы; крестьяне Пинежского уезда Ярушевской волости в Верхольском селении Иван Бурачкин и Иван Ставров; крестьяне Юрольской волости в Заозерской деревне Иван Небретов и Василий Шалыгин и той же волости в Чушевской деревне Фадеев.

«Влияние этих лиц на их единомышленников, — отмечал губернатор, — укрепляется за ними их умом, даром слова, безукоризненными нравами, строгим образом жизни, наконец познанием правил веры, по учению толка и значительною начитанностью. Пользуясь материальными выгодами своего положения, они в свою очередь во всех нуждах поддерживают своих единомышленников. В тех обществах, где есть влиятельные и богатые раскольники, подати большею частью уплачиваются исправно. Что касается отношения этих лиц к Православному, то о вредном влиянии их на православных сведений нет и случаев совращения за последние годы до сведения администрации не доходило» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 12].

После этого архангельский губернатор переходит к выяснению истинных причин распространенности в губернии и вообще в стране старообрядчества. «Вообще же раскол

— роковое явление в нашей государственной жизни вызывается и поддерживается отношениями нашего духовенства к народу». То есть основную причину распространности старообрядчества губернатор видел прежде всего в состоянии духовенства господствующей церкви.

«Духовенство наше не образовано, грубо, не обеспечено, — писал он, — и в тоже самое время и происхождением своим и образом жизни резко выделяется от народа, не оказывая на него ни малейшего влияния. По сложившейся рутине, все обязанности священника замыкаются в тесный формализм: он механически отслужит обедню, заутреню, молебен, панихиду, также механически исполнит требу, возьмет из рук в руки деньги и за тем все обязанности пастырского служения кончены. Поучений, устной проповеди, наставлений в делах веры, разъяснения первых начальных истин Богопочитания наш народ не слышит от Православного духовенства. Ни в эту вовсе сторону, ни к поучению народа обращена деятельность духовенства: оно не умеет даже говорить языком понятным для народа, и вследствие сего народ остается без познания веры. Трудно вообразить себе, какая грубая, неясная понятия об основных предметах богопочитания коренится в массе народа. Знакомясь с ним, недоумеваешь, как мог этот народ восемь сот лет пребыть в христианстве и не принять первых христианских понятий» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 12–13].

Далее С. П. Гагарин приводит достаточно обширную выдержку из «Отчета о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», составленном П. И. Мельниковым для министра внутренних дел Д. Г. Бибикова в 1854 г. (он ошибочно приписывает авторство отчета нижегородскому губернатору):

«Может ли народ смотреть с уважением на духовенство, может ли не увлекаться в раскол, когда то и слышно, как один поп, исповедуя умирающего, украл у него из под подушки деньги, как другого народ вытащил из непотребного дома, как третий окрестил собаку, как четвертого, во время пасхального богослужения, дьякон вытащил за волосы из царских дверей? Может ли народ уважать попов, которые не выходят из кабака, пишут кляузныя просьбы, дерутся крестом, бранятся скверными словами в олгаре? Может ли народ уважать духовенство, когда повсюду в среде его видим святохульство, небрежность к служению, безчиние при совершении таинственных обрядов? Может ли народ уважать духовенство, когда видит, что правда совсем исчезла в них, а потворство Консистерий, руководимых не регламентами, а кумовством и взятками, истребляет в них и последние остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками в исповедныя росписи и метрические книги, взятки собираемые священниками с раскольников, превращение олтарей в оброчные статьи и т. п. то вопрос о том, может ли народ уважать духовенство и может ли за тем не уклоняться в раскол, — решится сам собою» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 13 об. — 14].

Архангельский губернатор пишет, что изображенное выше зло верно и в отношении вверенной ему губернии. Более того, он приводит еще ряд вопиющих примеров из жизни местного священства: как один священник, напившись, бегал по городу почти голый; другой — в «раскольниковом городе» по праздникам валялся с крестом в овраге; третий — был известен всем прихожанам своей безобразно-распутной жизнью.. Все эти печальные факты свидетельствуют о том, что духовенство (в особенности же сельское) ни своими нрава-

ми, ни образованием, ни образом жизни не в состоянии вызвать уважение к себе в народе и иметь на него благоприятное влияние.

И как следствие — усиление позиций старообрядчества. «Крепкий, упорный и непреклонный раскол наш есть неизбежное последствие такого положения дел. Когда вопрос о делах веры предоставлен самому себе, тогда народ вынужден искать руководителей. Так возник раскол, так держится он и долго будет держаться, потому что реформа в нравах и образе жизни духовенства не может совершиться скоро» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 15 об.].

Тем не менее С. П. Гагарин выступает против жестокого преследования старообрядцев со стороны государства и церкви, поскольку старообрядчество не имеет ни фанатического, ни политического характера.

«В интересах самой церкви напротив надобно желать, чтобы всякия отношения духовенства к раскольникам были прекращены, чтобы раскольники не были обязаны с своими службами (крещение, венчание, похороны) обращаться к приходским священникам и за различныя льготы откупаться от них деньгами, — чтобы со стороны духовных властей прекратились всякия наступательныя действия против раскольников, в роде например обязательной миссионерской проповеди, которая в Архангельской губернии по крайней мере не только не произвела ни одного случая обращения, но ни раза не вызвала колебания, но при всем том правительство не вправе относиться к расколу равнодушно, потому что он утверждает значительную часть народа в корпоративном настроении, враждебном церкви, недружелюбном к остальной части народа и вредно влияющем на экономический быт православных» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 — 1868 г. Д. 412. Л. 15 — 15 об.].

Разумная система, которой надлежало бы придерживаться в действиях против «раскола», по мнению архангельского губернатора, должна преследовать две главные цели: 1) лучшее религиозное воспитание народа, поскольку именно в отсутствии основных религиозных понятий в народе, в его грубом невежестве относительно предметов веры коренится главная сила «раскола», состоит та «тучная почва», на которой «раскол» пустил и расширяет свои корни; 2) реформа в правах и образе жизни духовенства, так как низкий уровень его нравственности и образования составляет главное условие, благоприятствующее развитию и существованию «раскола».

Первая цель — религиозное воспитание народа — должна идти не через школу, а через саму жизнь, и прежде всего через церковь. От механического исправления обязанностей духовенство должно обратиться к живой проповеди, и по воскресным и праздничным дням церковь после литургии должна превращаться в место простых, «не мудрствующих» катехизических бесед священника с прихожанами о предметах веры.

Вторая цель — реформа в нравах и образе жизни духовенства — немыслима до тех пор, пока оно будет составлять особую касту, формирующуюся из самой себя. Духовенство должно пополняться людьми по призванию, получившими первоначальное образование не в замкнутых духовных училищах, а в заведениях общеобразовательных. Тогда исчезнет та резкая черта, которая так сильно обособляет духовенство от народа, и тогда народ в своих священниках увидит истинных наставников и учителей, а не «продающих и торгующих мытарей».

Не меньшее значение, по мысли губернатора, имел и вопрос о материальном обеспечении духовенства. До тех пор, пока священник не получит материальной «обстановки», соответствующей его сану и положению и совершенно независимой в каждом частном случае от прихожан, не появятся условия, при которых благоразумному священнику возможно будет внушать уважение к себе.

Далее губернатор предлагал конкретные пути к достижению этих целей: наделение сельских причтов землей, назначение причту жалованья, таксация треб, вытеснение из среды духовенства безнадзорности, назначение в приходы, где преобладает инородческое население, священников, знающих языки. Все эти меры должны были способствовать ослаблению влияния старообрядчества на жителей архангельского Севера.

Подводя итоги, можно утверждать, что оба губернаторских отчета, содержащие в себе весьма ценные сведения о жизни архангельских старообрядцев, свидетельствуют не только о широком распространении и глубокой укорененности на Русском Севере старообрядчества беспоповских согласий (поморцев, федосеевцев, филипповцев, аароновцев), но и о бытовании среди местных жителей так называемого криптостарообрядчества³, а также о высоком авторитете носителей древлеправославной веры и о низком — духовенства господствующей церкви.

Литература

Белобородова И.Н. Старообрядчество Архангельской губернии: состав, численность, расселение (середина XIX — начало XX в.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 52–67.

Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел / Сост. Н.В. Варадинов. Кн. VIII. История распоряжений по расколу. СПб., 1863 [2], VI, IV. 656 с.

Денисов С. Виноград российский. М., 1906. 135 л.

Кожурин К. Я. Новонайденные документы для истории старообрядчества села Кушереки Онежского уезда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 2. С. 85–91.

Кожурин К.Я. (а) Быт и нравы староверов Витебской губернии в середине XIX в. (по материалам секретных данных, собранных надворным советником В. С. Несторовым) // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 1. С. 20–34.

Кожурин К.Я. (б) Псковское староверие в середине XIX века в свете официальных источников (по материалам РГИА) // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 2. С. 32–48.

Кожурин К.Я. (с) Старообрядческие духовные центры Онежского уезда в XIX в.: новые материалы // Кунсткамера. 2023. 4 (22). С. 122–132.

3 Криптостарообрядцами, или (в официальной терминологии) «тайными раскольниками», «придерживающимися раскола», можно считать тех, кто, по разъяснению Архангельского миссионерского комитета от 1893 г., «придерживаются всех заблуждений раскола, но окончательно, по-видимому, не прервали общения с церковью (через перекрещивание), приверженность же свою к расколу обнаруживают тем, что много лет не исполняют христианского долга, не ходят никогда к богослужениям православной церкви, не прикладываются ко святому кресту и иконам церковным, живут в домашнем быту по примеру раскольников (особые чашки) и в разговорах о вере высказывают сомнение и недоверие к православию, а в расколе находят все истинным и душеспасительным» (цит. по: [Белобородова, 1999. С. 56]).

Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904. 281 с.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 459. По Высочайшему повелению о приведении в известность современного положения раскола в Архангельской губернии. Тут же карта или план Архангельской губернии раскольничьих поселений.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 211. Д. 126. По представлению начальника Олонецкой губернии об уничтожении существующих в Повенецком и Онежском уездах четырех раскольнических часовень: Кладбищенской, Петропавловской, Лаврентьевской и Филимоновской.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 218. 1868 г. Д. 412. По представлению Архангельского Губернатора о современном состоянии раскола в губернии.

Увет духовный. М.: Печатный двор, 1682. 274 л.

References

Beloborodova I.N. The Old Believers of the Arkhangelsk province: composition, number, settlement (mid-XIX — early XX centuries). Ural collection. History. Culture. Religion. Issue 3. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State University, 1999, pp. 52–67. (In Russian)

Denisov S. Vinograd rosiiskii [Russian grapes]. Moscow, 1906, 135 p. (In Russian)

Kozhurin K.Ya. Newly found documents on the history of the Old Believers in Kushereka village of Onega Uyezd. Proceedings of Petrozavodsk State University, 2021, vol. 43, no. 2, pp. 85–91. (In Russian)

Kozhurin K.Ya. The life and customs of the Old Believers of Vitebsk province in the middle of the XIX century (according to the materials of secret data collected by the court adviser V.S. Nestorov). Old Believer, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 20–34. (In Russian)

Kozhurin K. Ya. Pskov Old Believers in the middle of the XIX century in the light of official sources (based on the materials of the Russian State Historical Archive). Old Believer, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 32–48. (In Russian)

Kozhurin K.Ya. Old Believers' Spiritual Centers of Onega District in the 19th Century: New Materials. Kunstkamera, 2023, 4 (22), pp. 122–132. (In Russian)

Prugavin A.S. Old Believers in the second half of the XIX century. Essays from the modern history of the schism. Moscow, 1904, 281 p. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 208. File 459. By the Supreme Command to inform the current situation of the split in the Arkhangelsk province. There is also a map or plan of the Arkhangelsk province of schismatic settlements. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 211. File 126. On the proposal of the head of the Olonets province on the destruction of four schismatic chapels existing in the Povenetsky and Onega counties: Cemetery, Petropavlovsk, Lavrentievskaya and Filimonovskaya. (In Russian)

Russian State Historical Archive. Fund 1284. Inventory 218 — 1868. File 412. According to the presentation of the Arkhangelsk Governor on the current state of the split in the province. (In Russian)

Uvet dukhovnyi [The Spiritual Admonition]. Moscow, Print Yard, 1682, 274 p. (In Russian)

Varadinov N.V. History of the Ministry of Internal Affairs. N.V. Comp. Varadinov, Book VIII. The history of the split orders. St. Petersburg, 1863. [2], VI, IV, 656 p. (In Russian)

Феномен актуальности темы церковного раскола XVII века в комментариях к лекциям И.В. Поздеевой

Исследование посвящено анализу отзывов о цикле Интернет-лекций, посвященных истории церковного раскола XVII в., которые прочитала профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова И.В. Поздеева. Они вызвали значительный интерес как у представителей старообрядческих сообществ, так и далеких от этой темы обывателей. Поразительно значительное количество просмотров этих лекций людьми всех возрастов, проживающих в регионах страны и за ее пределами. А возникающие дискуссии и интереснейшие комментарии с резко диаметрально противоположными оценками происходящего, свидетельствуют об актуальности этой темы.

Ключевые слова: Поздеева И.В., Музей русской иконы, раскол Русской церкви, патриарх Никон, протопоп Аввакум, Русская православная старообрядческая церковь, староверие, перстосложение, ведическое православие.

...

Для цитирования: Гувакова Е.В. Феномен актуальности темы церковного раскола XVII века в комментариях к лекциям И.В. Поздеевой // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 2. С. 55–73. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0080

Head of the Excursion Department, Museum of Russian Icons

109240, Moscow, Goncharnaya str., 3, building 1

E-mail: guvakova@mail.ru

The Phenomenon of the Relevance of the Theme of the Church Schism of the 17th Century in Comments to Lectures by I.V. Pozdeeva

The study is devoted to the analysis of reviews of a series of online lectures due to the history of the Church schism of the 17th century, which given by Professor of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University I.V. Pozdeeva. They aroused considerable interest among both representatives of the Old Believer communities and people who were far from this theme. There is an astoundingly significant number of views of these lectures by people of all ages living in the regions of the country and beyond. And the discussions that arise and the most interesting comments with sharply diametrically opposed assessments of what is happening indicate the relevance of this topic.

Keywords: professor Irina V. Pozdeeva, Museum of Russian Icon, church schism, Patriarch Nikon, archpriest Abbacum, Russian Orthodox Old Believer's Church, Old Belief tradition, cross-formation, Vedic Orthodoxy.

...

For citation: Guvakova E.V. The Phenomenon of the Relevance of the Theme of the Church Schism of the 17th Century in Comments to Lectures by I.V. Pozdeeva. *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 55–73. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0080

Введение

В 2021 г. в Музее русской иконы (далее — Музей) с успехом прошла выставка, приуроченная к 400-летию со дня рождения духовного лидера старообрядчества «Аз Аввакум протопоп тако верую», получившая широкое освещение в прессе [Музейные палаты]. Сенсацией стало соединение в рамках одной экспозиции трех «Пустозерских сборников» — рукописных текстов «Жития протопопа Аввакума, им самим написанное», созданных «огнепальным» протопопом и его сподвижниками за 14 лет заполярной ссылки. В трех залах Музея были представлены ключевые исторические источники, такие как «Житие патриарха Никона, сочиненное Иваном Шушериным» из Государственного исторического музея, вериги и янтарные четки патриарха из музея Нового Иерусалима, уникальные карты того времени и многие другие раритеты. Так, Третьяковская галерея впервые после реставрации предоставила Страстную чин из церкви Григория Неокесарийского на Полянке.

Более 180 экспонатов, предоставленных федеральными и региональными музеями, в том числе Московского Кремля, Государственного Исторического музея, музеев Серпухова, Александровской слободы, собрания ЦАК Троице-Сергиевой лавры, а также частными коллекционерами, полноценно раскрыли контекст эпохи через самые разнообразные памятники материальной культуры. Коллективом Музея был подготовлен Каталог выставки [Аз Аввакум протопоп тако верую...] и проведена конференция, по результатам которой вышел специальный выпуск журнала «Российский журнал истории Церкви» за 2022 г. [например, Гувакова, 2022; Поздеева, 2022].

Для ее непримиримыми церковными спорами, приведшими к необратимому расколу Церкви, в рамках выставки был записан цикл из шести лекций, который прочитала заслуженный профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник кафедры истории Церкви Ирина Васильевна Поздеева. В 2021 г. руководство Музея русской иконы обратилось к ней с просьбой прочитать максимально краткие лекции о причинах и последствиях раскола Русской православной церкви, который представлен на сайте Музея. Данное исследование посвящено обзору комментариев многотысячной интернет-аудитории.

В лекциях профессор кратко описала эпоху «бунташного» века во всей полноте — как время возрождения национальной государственности и обновления церковной жизни, уделив место роли личности в Церкви, и, несомненно, ее лекции, рассчитанные на непрофессиональное сообщество, достигли своей цели. Выставка завершилась летом 2021 г., больше трех лет назад, а ожесточенные споры противников и сторонников старой веры (а теперь еще и только что узнавших об этом конфликте наших современников) активно продолжают в комментариях до сих пор. Покажем, что доступность и увлекательность подачи сложного материала привлекли самых разных людей, не только активно комментирующих факты, но зачастую делящихся опытом своих предков, так или иначе связанных с расколом.

К концу 2024 г. курс просмотрело 262 тыс. человек, и лекции, записанные в 2021 г., набирают все большее количество просмотров, см. табл. 1. Статистика просмотров демонстрирует, что с каждым месяцем курс просматривают несколько сотен новых зрителей, и

это далеко не только подписчики канала Музея русской иконы, составляющие аудиторию 12 500 человек. Отметим, что все лекции были перепощены на других ресурсах — VK, ОК, Rutube, что не учитывается в данной работе.

Таблица № 1
Сравнение количества просмотров и комментариев к лекциям И.В. Поздеевой

№	Название лекции, продолжительность	Количество просмотров, тыс. чел.	
		Август 2024 года	Ноябрь 2024 года
1	Суть и причины раскола Русской церкви, 23 мин.	76 170/78 711	317/344
2	Патриарх Никон и протопоп Аввакум, 30 мин.	32 478/34 152	123/128
3	Судьбы противников реформ, 12 мин.	16 039/16 600	32/65
4	Старообрядцы, не приемлющие священства. Беспоповцы, 36 мин.	82 700/84 599	294/345
5	История старообрядцев, приемлющих священство. Поповцы, 55 мин.	27 576/28 412	125/140
6	Значение старообрядчества для русской культуры, 18 мин.	13 277/14 039	62/63

Источник: составлено автором

Сведения 16.11.2024 показали значительное увеличение просмотров, ясно, что каждый месяц каждую из лекций слушают не менее 500 человек, что свидетельствует об интересе общества к этой сложной теме, остающейся актуальной. Учитывая сложности просмотра каналов Youtube, возникшие в последние месяцы, можно предположить, что зрителей могло быть много больше.

Данное исследование посвящено обзору комментариев к лекциям И.В. Поздеевой, представленных на сайте Музея русской иконы. Методология исследования заключается в изучении противоречивых откликов анонимной и крайне мозаичной аудитории, ярко представляющей срез общественного мнения. Из значительного массива данных выборка сделана только из двух: рассмотрены отзывы на первую лекцию, раскрывающую сложную тему причин раскола, и четвертую, набравшую наибольшее количество просмотров и очень противоречивых откликов. В работе использовался описательно-сравнительный, но не критический метод, в т. ч. касающийся ошибочных исторических фактов, транслируемых слушателями в комментариях. Авторские правки касались только грамматических, орфографических и пунктуационных неточностей, кроме того, в ряде случаев длинные тексты комментариев представлены фрагментарно.

Разнообразные, зачастую диаметрально противоположные мнения зрителей были разбиты на три условные группы, представленные ниже. Поскольку отклики выражаются не только «лайками», но крайне эмоциональными комментариями сотен людей, передающих их душевное состояние, которое может быть восторженным или негодующим, конечно, публикуемые примеры не могут передать накал страстей, вызванных лекциями И.В. Поздеевой. Естественно, за пределами исследования остались мнения некоторых людей, позволяющих себе неуважительное отношение к историческим деятелям, лектору или другим пользователям.

Выборка отзывов зрителей на первую лекцию «Суть и причины раскола»

Реакция слушателей	Количество отзывов	Характеристика отзывов	Примеры
Положительные	42	Благодарность, безусловное согласие с содержанием и характером изложения. Полная поддержка	@elmirafedotova53 : «Бесценные лекции!! Благодарю за труд». @user-rd3pp2jv4b : «Очень интересно вас слушать. Вы доносите историю через сердце. Спасибо вам!»
Нейтральные	254	Несомненная заинтересованность при отсутствии оценочных высказываний. Пользователями выражается отношение к произошедшим событиям безоценочно к транслируемой информации, часто к ключевым деталям: перстосложению, количеству поклонов, etc. Обсуждаются ключевые участники раскола, ставятся вопросы, высказываются предположения, комментарии, дополнения. Нередко удивление.	@Alonso_Kinn : «Вот вам Третий Рим, а в итоге РАСКОЛОЛИ Русь по Вер!» @olgan6691 : «Короче, это были разборки среди своих. Аввакум и Никон были вместе, разошлись, т. к. Алексей Михайлович выбрал одного из них, а не другого. А русский народ, как обычно, оказался жертвой чужих разборок». @nicolaidorsin7288 : «А вы бы из-за появления трёхперстия и изменения направления крестного хода сожгли бы себя в избе, как это делали «раскольники»? Сомневаюсь».
Отрицательные	22	Острая, порой гневная критика, категорическое несогласие с изложением, безусловное требование иной концепции событий XVII века.	@user-mz1dn9ru5y : «Взгляд на раскол с колокольни РПЦ». @user-zi7xc2rx7t : «Раскольниками являются никониане. Никон искажил Символ веры. Было исключено исповедание истинности Святого Духа и тем самым исповедание Троицы». @toliki4487 : «Суть — очернить одних, отбелить других!»

Источник: составлено автором

В целом приблизительно такие же соотношения комментариев наблюдаются и в других лекциях. Отметим, что основная часть условно нейтральных комментариев в основном передает эмоционально окрашенное отношение людей, не вовлеченных судьбами своих предков лично в эти события, но глубоко переживающих их, например [@ВероникаВасильева-г8ч](#) пишет: «Я не понимаю, зачем Алексею Михайловичу все это понадобилось. Чего не жилось спокойно?».

Более того, в нейтральных отзывах можно видеть скорее положительную оценку. Например, [@user-hx9cu1wt3m](#): «Каждый русский человек должен осознать себя русским, должен гордиться тем, что ему выпало великое счастье принадлежать к Великому Русскому народу!» Так и скорее негативную — [@user-bu9jqbub4i](#): «Вот и смотрите, сколько любви и человеколюбия в адептах религии света и любви христианстве и в христианах!» И очень горькие выводы — [@user-hebhr4uw1t](#): «Божечки, бедная Россия. Смутные времена почти не заканчиваются». Естественно, среди тысяч отзывов есть порой диаметрально противоположные мнения, выборочно приведенные ниже.

Таблица № 3
Выборка отзывов на четвертую лекцию
«История старообрядцев, не приемлющих священство»

Реакция слушателей	Количество отзывов	Характеристика отзывов	Примеры
Положительные	37	Благодарность, безусловная поддержка, часто продолжающаяся рассказом о своей семье	<p>@ТамараШулакова-эзй: «Великолепно, высоконаучно и по-человечески взволнованно! Огромное спасибо, высококочтимая Ирина Васильевна!»</p> <p>@ЛарисаСлипачук: «Очень актуально, сейчас происходит следующий виток раскола православной христианской церкви. Огромная Вам благодарность!»</p> <p>@ИринаИрина-изхбид: «Я староверка, вся моя родня по материнской линии староверы. Это истинная вера и все староверы своим образом жизни доказывают это».</p>
Нейтральные	259		<p>@АлексаАндр-вбэя: «Когда слушаешь эту правду о гонениях на православных, поневоле задумываешься о легитимности официальных предстоятелей...»</p> <p>@cincinat18: «От гонений староверы не бежали — гонения учат Христу, но бежали Антихриста, уловляющего душу. Если и осталась прямая передача апостольского рукоположения, то только где-то в глубинах Сибири и Севера у староверов. Как вы всё правильно сказали!»</p> <p>@irinaromanova3629: «Сколько горя в итоге принесла любая религия, так огромная война не может принести столько горя и смертей, как любая религия».</p>
Отрицательные	49		<p>@НиколайРусин-фоч: «Лекция весьма неполно отражает причины раскола: основным «заказчиком» реформы был как раз царь Алексей Михайлович и стоящая за ним элита, если бы Никон был основным зачинщиком реформы, то после его низложения вся эта «реформа» была бы свёрнута, но она только углублялась, причём не только при Петре, но и при его преемниках...»</p> <p>@nataliadeev3587: «Какое печальное повествование... неграмотные люди, запуганные властью, искренне верящие в пришествие сатаны и спасающие свои души по мере их сил, умения».</p> <p>@kazimirovaja4609: «Как же так, гнали их, гнали, так гнали, что как были они олигархами (бойрыня Морозова), так и остались миллионщиками Морозовыми, Рябушинскими и пр. Очень смешная история».</p>

Источник: составлено автором

Рассмотрим самые интересные из них, начав с огромного количества благодарностей лектору за четкое представление исторических фактов эпохи «бунташного» XVII в., подробное рассмотрение причин церковного раскола, пояснение сложных событий того времени, приведших к необратимым изменениям. Вот ряд теплых слов, а зачатую восторженных отзывов. [@saul78oldrite:](#) «Спасибо Вам огромное! Во Славу Божью! Благослови Вас Господь!», [@user-кп9vр6hп5q:](#) «Спасибо огромное, что делитесь своими знаниями», [@eduedu6340:](#) «Огромное спасибо за этот цикл», [@user-кx3nt9bn9с:](#) «Передайте Ирине Васильевне огромное спасибо за просвещение и назидание!», [@Serg443:](#) «С благодарностью и большим уважением за очень интересный материал о немаловажном пласте русской культуры!», [@user-рj4ст6пj5w:](#) «Просто потрясающе!!! Дай Бог Вам здоровья! Вот действительно русский интеллигент — Ирина Васильевна!!! Как много мы потеряли и как хорошо, что есть такие учёные, которые по крупичкам собирали такое богатство! Низкий поклон!!!», @

user-qu3oz2hh1u: «Спасибо, дорогая, вы действительно дочь и патриотка своей страны и нию когда не будете заискивать с западом, как, например, Никон, Горбачев, Ельцин... это беда...», @user-yu9yc8he5f: «Вроде бы и факты все известные, но как великолепно подано! Такое надо в школах показывать», @user-tg4pz8cg3c: «Замечательный цикл лекций об истинно русской православной вере и истинных русских людях; прослушала на одном дыхании», @user-lv8ge5tw3k: «Очень интересно и доступно», @nataliadeev3587: «Спаси Вас Христос, Ирина Васильевна, за прекрасный рассказ и уважительный тон по отношению к старообрядцам!», @user-lh7nd9ue7n: «Потрясающие лекции. Огромное спасибо», @taniatatian2254: «Надо больше таких лекций. Божьей помощи Вам», @user-kn9vp6hn5q: «Ирина Васильевна, какая Вы потрясающе красивая женщина. Не нагляжусь и не наслушаюсь Вас», @vetka.museum: «Привет и благодарность Ирине Васильевне и Музею русской иконы из той самой Ветки!».

Многие слушатели высоко оценивают силу духа старообрядцев. @user-vv7qe3lq5q: «Какой удивительный строй старообрядцы! Жизни долгой и процветания настоящим русским людям! Это люди из стали и золота!», @alexandervoronov6659: «Судьба России», @user-te1rv4od7i: «Храни Господь создателей этой передачи! Замечательнейшие, понятные лекции с прекрасным русским языком! Спасибо Вам всем!» и мн. др.

Не приводя все отзывы, дополним текст выборочными цитатами благодарных людей: «потрясающий рассказчик, сердечная благодарность», «Низкий Вам поклон; спасибо Вам огромное за Вашу работу», «Ваш труд многоважный», «восхищаюсь Вашими знаниями», «слушаю на одном дыхании... Бесценные лекции!! Благодарю за труд! Потрясающе!», «Не оторваться от прослушивания, низкий поклон, сердечное спасибо, слушается на одном дыхании» etc. Критично настроенных слушателей явное меньшинство, их точки зрения могут не совпадать, и порой их категоричные авторы бывают неубедительны в своей непримиримости. Например, @kolyakohtov полагает: «Неправильная трактовка всего), а позднее и книгопечатание». Негативные отзывы могут быть безосновательными, например @user-zf3xv7bf2x: «Не раскрыли причины изменений в богослужении, одно многословие».

В отрицательных отзывах преобладают мнения представителей старообрядцев, болезненно переживающих любые положительные отзывы об официальной Церкви. @user-zk9hs4lx7t: «Лекция весьма неполно отражает причины раскола: основным «заказчиком» реформы был как раз царь Алексей Михайлович и стоящая за ним элита, если бы Никон был основным зачинщиком реформы, то после его низложения вся эта «реформа» была бы свёрнута, но она только углублялась, причем не только при Петре, но и при его преемниках...».

Можно предположить конспирологические версии. Например, @Свободаслова-б5ъ: «Уважаемая Поздеева, вы не раскрыли тему, очень упрощенно и неверно понимаете причины, которые на самом деле были непосредственно связаны с польско-украинским засильем, стремлением изменить, насадить в противовес греко-русско-украинскую олатыненную ветвь православия. Суть здесь сугубо политическая, и эти изменения несли не только формальный характер, а подменяли таинства и обряды, несущие глубокий духовно-мистический смысл и значение. Реформа по сути внедрялась не только патриархом Никоном, но и севшим на престол первым царём Михаилом Романовым, вступившими в стовор с

польско-украинской аристократией и принявшими в управление поработенной страной множество из их среды».

А @daniill.6919 упрекает лектора в поверхности: «Очень много моментов в лекции опущено. Важных моментов. Много имён не сказано. Возродил проповедь не Никон, а Иван Нейронов, о котором в первой лекции не было сказано ни слова, как не было сказано ни слова о литургических изменениях Никона и о третьем изменении Символа Веры. Данный цикл лекций описывает общие положения, но очень поверхностен. Простите».

Приведем пример слушателя, упрекающего Поздееву в ангажированности и предвзятости. @user-zf3xv7bf2x пишет: «Скажите, как происходила правка богослужения, кто там был и кто правил, ведь исказили сам процесс за много десятилетий, исказили все, это не прихоть Патриарха. Даете информацию совсем не в объективном ракурсе, скажу: вредоносная информация, Вы, возможно, проплачены».

Однозначный вывод делает @user-ws4no2zd8i: «Синодальный пропагандист». Есть даже прямые обвинения в отступничестве — @_putnic_7842: «Вот и часть истории очередного отступления от апостольского учения церкви-отступницы... Не любите Вы Аввакума! Мелко прозвучал Ваш рассказ о нем, если бы сейчас были у нас такие люди, как Аввакум и его последователи, разве такой была бы наша страна? Перечитайте еще раз его житие! Неужели сердце не подсказывает?».

Трактовки ревнителей старой веры однозначны — @prosto-husky: «Верен не учению Аввакума, а верен Иисусу Христу!» @VadimMyVideos уверен в правильности выбора: «А вы не задумывались о том, почему староверы вопреки жесточайшим гонениям выживают? Не потому ли, что сам Всевышний благоволил к ним, поддерживает их и даёт им такие способности к выживанию, живучесть и таланты во всех сферах жизни».

Горький вывод делает @user-wq9wkb1o2r: «И мы являемся восприимчивыми того прау вославия, которое до нас дошло благодаря Алексею Михайловичу и Никону. А древлеправославная вера наша до сих пор в загоне. Отсюда масса бед на нашей земле».

Оставим в стороне возмущенные отклики представителей старообрядческого сообщества «Никон — раскольник, братоубийца, сегодняшняя Церковь — это подмена, в ней нет благодати» и утверждения, что «староверы истинные христиане, без примеси политической ереси», но отметим, что у всех людей огромное уважение вызывает духовный выбор протопопа Аввакума. Причем даже люди, далекие от конфессиональных споров, прослушав лекции, полагают: @artemystklc: «Аввакум был личностью, я не старообрядец, но его уважаю, ибо он шел до конца, и это русский богатырь от веры».

Несомненно, что по резким и порой непримиримым суждениям можно выделить представителей старообрядческой среды. Эмпирические результаты показали, что отзывы старообрядцев грамотны, нередко полны праведного гнева и обиды, но именно представители этих сообществ являются наиболее компетентной частью аудитории. Несмотря на неоднозначные оценки, которые даются представителями старообрядческих общин, ясно, что они высоко оценили профессиональную оценку событий XVII–XX вв. И.В. Поздеевой. И поскольку эта тема остается болезненной и все еще нерешенной, люди остро реагируют

на нее. Самый большой резонанс вызвала четвертая лекция, где оказалось больше всего негативных замечаний.

В комментариях можно видеть просьбы людей, которые хотели бы больше узнать о своих корнях. Так, @user-ok9lk6ml1l написала: «Ирина Васильевна, огромное спасибо Вам из Пошехонский земли, это центр старообрядчества Ярославщины, расскажите про нас, когда у вас будет время». Или обращение @user-pe2spbg18p: «...мои предки бежали в Сибирь, но сейчас это Казахстан, Восточно-Шемонаинский район, фамилия Богатыревы, у них была там заимка. Буду благодарна людям, кто даст информацию». @YanAlisa спрашивает: «Ирина Васильевна, по легендам моей семьи, наши прадеды были старообрядцами. В свидетельстве о рождении моей бабушки ее мама записана Первакова Евдокия, небрачная. Говорит ли это о том, что предки были беспоповского толка, не признающие безбрачие. Образ жизни у них был трезвый, строгий, многодетный. Или это банально родившаяся вне брака?»

Рассмотрим отзывы согласно выделенным темам более детально, приведя споры о синонимичности «староверия» и «старообрядчества», оценки ключевых фигур, неожиданные аналогии с современными событиями и пр.

Многие слушатели из старообрядческой среды делятся своими взглядами. @user-uq5xu1fr3i: «Доброго здоровья вам, какая умница, четко, сжато, доходчиво о причинах этой трагедии русского народа. Я старообрядка из семьи старообрядцев, проживаю в Красноярске, помогаю в храме, дежурю в будние дни. Очень надоела беспросветная неграмотность людей, вот это и есть результат раскола — мое мнение. Ходит крылатая фраза: не было бы 17 века — не было бы 17 года. Мое мнение, что старообрядцы единственные хранители веры и православия. Я никоим образом не хочу оскорбить людей никонианской церкви, там очень много верующих и достойных людей, но так неприятно слушать, когда священник новой церкви вещает в Сети про старообрядцев: да они дураки, сами себя жгли и распинали из упрямства ну и т. д. Нет, это действительно трагедия: сколько крови пролито, хорошо, хоть сейчас как-то удалось договориться и идти параллельным путем. Добра и мира вам всем, простите, Христа ради, если кого обидела».

@ya1muay: «...более того, унию патриарх Константинопольский заключил с папой, тем самым ему сдался и принял католицизм в какой-то мере. Спустя сто лет с лишком Никон переделал православие под униатство, ведь всё же брал у греков. Тётушка-лектор сознательно многое умалчивает, представляя вторую сторону первобытными людьми».

@scprmr: «Это не «в России разошлись». Это в Константинополе провели реформу обрядов в 13 веке. А в России остались с теми обрядами, какие пришли на Русь в 10 веке при Крещении. В Киеве в 14 веке перешли на новые обряды вслед за Константинополем».

@user-fg1bo3lyzf: «...как раз русское православие в 16–17 веках было ближе к изначально византийской традиции, нежели греки и украинцы. И одно дело — провести ревизию богослужебных книг и исправить в них ошибки и описки, накопившиеся естественным образом при многократных переписываниях от одного экземпляра к другому, но совсем другое дело — извратить и переиначить некоторые догматические моменты как обрядового свойства, так и богослужебного».

Представители старообрядческих сообществ держатся однозначного мнения — @ua1mya1: «Раскол был попущен Богом. В этом есть какой-то смысл. Византия перешла на троеперстие без потрясений и канула в Лету. То же самое было бы и у нас. И кто бы тогда выполнял Задачу Удержания? Подробнее об этом можно почитать на сайте «Древлеправославие — это и есть православие».

Ряд критиков апеллирует к другим исследователям. @Roman_Rusk: «Ключевая подмена в понятиях — не русская Церковь утратила апостольскую преемственность, а греческая, не в русской были расхождения с древним двоеперстием (дошедшим до нас от апостолов), а в греческой. По этому поводу есть замечательная книга А. Крамера, где всё от и до, со ссылками на архивы, древние иконы, воспоминания, памятники архитектуры, показано и доказано», @user-sb2qr3df51: «Пыжиков нашел различия между староверами и старообрядцами. Это разное».

Очень болезненной оказалась тема о синонимичности терминов «староверие» и «старообрядчество». Не только в научной среде эти термины давно считаются однозначными, но и на сайте Русской православной старообрядческой церкви указано, что «термины “старовер” и “старообрядец” обозначают одно и то же понятие» [В чём различие понятий «старообрядчество» и «староверие»?]. Однако ученым не раз приходилось сталкиваться с тем, что нередко «староверы» понимаются как хранители веры, а «старообрядцы» — последователи обряда. Например, @user-kn4hg3sf4b яростно доказывает: «В русском языке нет синонимов, каждое слово имело свой смысл! Не могут быть синонимами староОБРЯДЧЕСТВО и староВЕРИЕ! Обряд и вера — это настолько разные слова... Христианская церковь, византийский вариант, который огнем и мечом насаждали на Руси, — это прежде всего ОБРЯДОВАЯ церковь. А чтоб наш народ как можно дальше отвести от родной (народной) культуры, от знания и понимания смыслов слов русского языка, и придумали так называемые синонимы те же «великие знатоки» русской истории и русского языка — немцы в 18 в. (Миллер, Шлёцер и др.), а в 20 в. — этимологический словарь Русского языка, написанный в гитлеровской Германии немцем Фасмером!» @МаксимМаксим-ж5зл: «Староверы — это люди, исповедующие древнюю, дохристианскую веру наших предков. Старообрядцами называют сторонников христианства дониконовской реформы, суть которой была в приведении всех сторон этой версии христианства к греко-католическому образцу. До Никона на Руси было распространено несторианство и немного арианство церкви Андрея Первозванного. Официальная наука стремится убрать любые упоминания этих ветвей христианства на Руси».

Или мнения — @ВладимирФилин-ые: «Староверы и старообрядцы — это антонимы, раскол был между старообрядцами и новообрядцами, вот так правильно. Не трогайте староверов, это всё до крещения», @user-qu3oz2hh1u: «Староверов Екатерина велела называть старообрядцами, хотя они так себя не называли. Я поморка, и там были староверы».

Но более интересным является понятие о некоем ведическом православии, видимо, современном смешении с язычеством. Это мнение выражено пользователем @tatyana5447: «Староверы и старообрядцы — это разные понятия. Вы старообрядцы. А староверы [носители] ведической веры — люди-волхвы. Их уже давно нет». Отметим, что многие слушатели при вступлении в дискуссии обращаются к трудам историков А.В. Крамера [2011], А.В. Пы-

жикова [2018], а также сатирика М.Н. Задорнова, В. Пантелеева [2024] «Четвероевангелие атеиста», и, видимо, в последних двух содержатся отсылки к ведическим истокам.

@user-ob5rs6xtz1: «Заявление Поздеевой о том, что понятие СТАРОВЕРЫ и СТАРООБРЯДЦЫ есть синонимы, прямо указывает на то, что Поздеева не владеет темой русского церковного раскола и не разобралась в принципиальном отличии между «ВЕДИЧЕСКИМ ПРАВОСЛАВИЕМ», с одной стороны, и «ХРИСТИАНСКИМ ПРАВОСЛАВИЕМ», с другой стороны».

Термин «ведическое православие» возникает несколько раз, видимо представляя разновидности современного неоязычества. Не останавливаясь на этой теме подробно, отметим, что во всех лекциях есть комментарии, отрицающие христианские традиции, где в поисках истины обращаются к якобы исконной вере в предков — богу Роду и природе Дажбогу, например @timhasu4323: «Всё есть бог. И это Природа, суть живое. Она в самом тебе, когда жив в моменте», что свидетельствует о духовных поисках наших современников, не находящих ответов в существующих Церквях.

Люди, далекие от религии и истории, порой делают неожиданные выводы. Например, в откликах можно увидеть предположения конспирологов — @elenagulina2423: «Проект ИИ-СУС (Искусственный Интеллект Система Управления Славянами). Не диверсия, а всё по плану». Оставим без комментариев подобные изыскания.

Многokrратно обсуждается вопрос перстосложения, которое нередко рассматривается в неожиданном ракурсе. Например, @user-fr6gq6kl7b сообщает: «Три перста или два перста — это очень серьезный вопрос. Это энергии. Поинтересуйтесь о мудрах». Увлечение точными учениями @user-hs9ne9dr9o позволило рассмотреть перстосложение в определенном ракурсе: «Два перста крестного знамения, пересечения чакр (энергоцентров и локальных компьютеров управления) двумя пальцами нейтрализовало заряд к условному нулю. Это приводило к состоянию для молитвы, при котором достигалась возможность доступа в миры горние. Три перста — это активация, вкуче с мудрой куберы (эгрегора) активация в определенном направлении». Оставим без комментариев духовные поиски людей, легко смешивающих принципиальные понятия разных культур и позиционируя себя знатоками.

Обратим внимание на оценку деятельности ключевых деятелей раскола. Так, личность патриарха Никона вызвала наибольший интерес, можно видеть его горячих почитателей, например @olegefimov1307: «Святейший Патриарх Никон — один из самых величайших, воистину великих Патриархов Руси, Святейший Никон! Моли Бога о нас!», так и резко осуждающих его деятельность. Например, по мнению @Alex-mt8kz, «Причины раскола: упрямство... патриарха-мордвина жестокого и недалёкого». Заступников предстоятеля Русской церкви много меньше, чем его идеологического противника, но их слова полны обиды за предстоятеля Русской церкви — @user-dv4pm1jvbn: «Сколько лжи на Патриарха Никона! Сейчас есть новые исторические исследования деятельности этого человека. Это «столп благочестия» и «второй в терпении Иов».

Но независимо от конфессиональной принадлежности негативных оценок деятельности патриарха много больше. Так, можно прочесть @user-qu3oz2hh1u: «Если Никон так жестоко поступал, значит, чуял, что неправ, и надо было уничтожить истину, а как искоренить:

только убить, чтобы не мешали, а он жаждал власти», @user-wq9wk6l02r: «Когда духовного лидера начинает привлекать административно-материальная деятельность более духовной, он теряет духовное зерно», @vicktorham9726: «Гордыня. И пошло и поехало. 20, 30, 40 версий старообрядчества». Ему вторит @user-j1hnbpy2r: «Никон карьерист, книги переписывались с еще большими ошибками, а главная идея Аввакума в том, что, называя Иисуса Христа неправильно, нарушается смысл Символа веры». @user-bm4gk5qg2j: «...Никон ввел греческую форму вероисповедания, а следом жесточайшее преследование староверов, которые бежали во все концы света — Урал, Сибирь, Бразилия, Аргентина и т. д. Малахов на ТВ провел сеанс встречи приехавших старообрядцев в Россию. Вот даже через 400 лет жизни на чужбине старообрядцы сохранили в чистоте русскую речь и любовь к России, а современные православные предают Родину и бегут в это безумие жить».

@cincinat18: «От гонений староверы не бежали — гонения учат Христу, но бежали от Антихриста, уловляющего душу. Если и осталась прямая передача апостольского рукоположения, то только где-то в глубинах Сибири и Севера у староверов. Как вы всё правильно сказали!».

Есть и прямые обвинения — @nataliadeev3587: «Самолюбие Никона, его честолюбие и невероятно развитая любовь к МИРСКИМ побрякушкам совершенно несоразмерны о с его саном, Господи, Помилуй!...На холоде и железном полу — молодец!!! И продавать водку полуведрами — это, конечно, улучшение положения народа. Какой отвратительный человек, с явными психическими отклонениями, неужели никто этого не слышит?! Ой...».

Порой можно прочесть остроумные реплики, например @user-wd5tw9nd2i: «Только не Никон, а Никфон, ибо зело борзо деньги любил, анЧихрист!».

По-своему трактует конфликт единоведец с ником @AvvakumPetrov, обращаясь с вое просом к представителям старопоморцев: «...молюсь по дониконовски, раздор древлеправославных и новообрядных православных считаю кознями бесовскими, а к поморцам есть один вопрос — неужто Иисус Христос неправду св. ап Петру сказал (от Матфея святое благовествование)... или, может, была когда-либо Апостольская церковь без епископов, пресвитеров и диаконов, ну, может, апостолы ошибались, епископов поставляя вместо наставников, может, лишние какие Таинства в Церкви были?...Недосмотрел Господь, и ад одолел Его и часть таинств Церкви задолго до Апокалипсиса отверг???...Или, может, Никон с царём Алексеем смогли Христово обетование ни во что обратить???».

Один из пользователей, называвших себя неофитом, @user-qb678g полагает, что «...протест возник на несоборное решение патриарха Никона на важнейшие моменты обряда. Этим волюнтаристским решением были вскрыты очаги церковно-гражданских обществ, и против них началась борьба. Итогом этого явилась постепенная гибель Русского мира» (отзыв сокращен).

@MarevnaMara: «Битва двух сектантов... Ужасающая... сколько людей погибло... в этой битве». @user-if3lu3fb7g: «Надо говорить не о сталинских репрессиях и его жестокостях, а о никоновских репрессиях и жестокостях. С тех пор русский народ и разделился на патриотов и предателей. Измену на Руси посеял Никон».

@user-js7fd1lh9u: «Значит, не свои были, Дух у них был разный. Если нога будет воевать с рукой, все тело разрушится. А ведь было тело одно. Тело Христово». Или @Ljusihko777sochi: «Боголюбцы были не кружком, а сектой, с которой боролись ещё в Византии»; @user-ii3ks9uz5c: «Обрядовое — это разновидность ереси и сектантства».

Некоторые по-своему отстаивают неизбежность церковных реформ — @user-fr2pf4sm9v: «Раскол — Промыслительная необходимость — отделение зерна от плевел. Иначе Россия — Третий Рим — не смогла бы выполнять Задачу Удержания. Никонианские номинации не в состоянии выполнять Задачу Удержания, так как они являются еретическими. В еретических богослужениях невозможно удерживать полученную в храмах благодать, необходимую для выполнения этой Задачи. Кроме еретического перстосложения и пр. был искажен Символ веры. Было исключено прилагательное «истинного» как характеристика Бога Святого Духа. Тем самым была исключена и Троица, т. е. Бог. Согласно Правил всех семи Вселенских Соборов, никониане лишились апостольской преемственности, т. е. стали сектантами».

В отзывах практически ко всем лекциям можно встретить споры, где люди пытаются понять причины раскола, например, @zz67500r считает: «Причина понятна — безграмотность русского народа. Патриарх Никон захотел привести русские церковные книги в порядок в соответствии с их греческими оригиналами, а народ подумал, что он веру меняет. Ну и началось».

@user-rt1uj7wk6t: «Непонятно, почему выстоявшая Русская православная церковь должна была подстраиваться под павшие византийскую, украинскую, греческую и прочие церкви. И второе, Русская старообрядческая церковь продемонстрировала и демонстрирует такую силу духа, какой не было и нет ни у одной православной церкви, так, может быть, причина гонений на нее именно в этом?».

Немало категоричных суждений. Так, @user-np1mj5um4n пишет: «Тупоконечники, остроконечники. Дикость звериная, какая разница, двумя или тремя пальцами манипулировать, ходить с востока на запад или наоборот... Дикость, средневековые и идиотизм, вызванные неграмотностью и тупостью индивидуумов того времени».

Актуальность обсуждаемой темы подтверждается сравнением с событиями недавнего прошлого. Так, по мнению @user-zf4sz5ni5w, «...раскол был первой «перестройкой». То есть по результатам раскола греко-украинские попы набирали невероятную доселе власть, у патриарха власть стала равная царю. Активы отжимались у тех, кто не готов предать веру предков. А те, кто был готов предать веру отцов, становились очень зависимы от власти и противопоставляли себя народу. Не просто же так старообрядцы называют никониан «денежной верой», а потому что они ради денег готовы были всю страну в крови утопить и жечь целыми деревнями. Всё это ну очень похоже на то, что сделали в перестройку: русские, вы неправильно веровали в коммунизм, теперь мы вас за это накажем, отберём всё, что вы понастроили, и отдадим вас в лапы чубайсов, этнических банд и олигархов. А вы должны платить и каяться! Обряды в расколе всего лишь предлог для ограбления и навязывания ложного чувства вины. Это нынешние РПЦ нам очень старательно навязывают идею, что было всё вокруг обрядовости».

@user-xv9ig5tf3x: «Цель раскола была привнесена извне, то есть был некий замысел — осуществить разделение общества на классы враждующих меж собой, что в свою очередь вызвало расселение людей старой веры на Урал и в Сибирь. Те, кто не принимал новую веру, были гонения, об этом описано в упоминании переселенцев, сейчас то же самое происходит».

Люди, пережившие «лихие 90-е», сравнивают реформы недавнего прошлого с прошедшими событиями 250-летней давности. @user-fr2rf4sm9v: «Реформа 17 в. оч. похожа на перестройку Горбачева: с грязной водой накопившихся недостатков выплеснули и ребенка. Вместо бережной перестройки дома с сохранением ценных, уникальных вещей прошлись грейдером и по социальным достижениям социализма, продавшись западным «партнерам». То же и с расколом: грейдером по вере предков, изменив Символ веры, оскорбляя религиозные чувства народа и так же подстраиваясь под западные (тогда новогреческие и малороссийско-прокатолические) духовные стандарты. А результат? Перестройка ныне признана преступной. Поместным Собором РПЦ 1972 г. старый обряд — равночестным и равноспасительным. Теперь в РПЦ можно креститься хоть тремя, хоть двумя перстами... приехали!».

Встречаются неожиданные версии о причинах раскола. Так, @user-hg8jz4gs7u полагает, что «шла охота на старцев. Которым было по 100 с лишним лет. А почему? Потому что они знали много, как людей лечить. Были против царской водки и питейных заведений, потому что продавали некачественный алкоголь. Государство пополняло казну. Это как перестройка в СССР и ГКЧП».

Некоторые негодуют: «Для меня это шок! Как нельзя венчаться? И как два человека раскололи всё русское общество. А ведь староверы правы. Они впервые создали зачатки коммунизма, где главный — это трудовой человек. Сколько много староверы пережили и переживают. Про монастырь, который так жестоко убили, это просто не вмещается в голове! Церковь до сих пор не примирилась. А как же нам быть, потомкам? Поэтому и атеизм возник в нашей стране. Весь этот раскол подложил бомбу в наше общество».

Горькие выводы о традициях русской истории делает @aimraimr250: «В Москве хоть Далай-ламу посади, Москва кровушки жаждет. Патриарх Иоаким, от лица архиереев, просил царя использовать для преследования старообрядцев гражданские суды, по мнению патриарха, законодательные установления всё ещё были недостаточно суровы, следовало ввести казнь за старый обряд, что и было сделано в 1685 год...».

Более того, в оценке людей XVII в. неожиданно появляются современные термины «иноагент», которыми пытаются наградить участников противоборствующих сторон. @user-fg6qk7op4v: «Очень интересно. Но все же интересно, почему же такое гонение было? За что же? Неужели новые реформы нужно было внедрять огнём и мечом. Никон был инагентом, похоже. Киево-могилянская академия — это же католики практически. Староверы и сейчас на своём стоят». А @user-ty1ug4dh7t считает, что «Стефан Вонифатьев — звучит как иностранный агент...».

@user-St-Peter: «Благодарю Вас за очень интересную лекцию, всё актуально в наше время, что к нам возвращается сейчас». Нередко участники примеряют конфликт XVII века к сегодняшнему дню. @kubicheskayamama: «Многие из нынешних верующих, кто осуждает

старообрядцев, мол, гордые, нетерпимые, обрядоверы и т. д., смоделируйте. ...Вдруг в один воскресный день в конце службы в храме Христа Спасителя Патриарх Кирилл говорит: «Теперь, дорогие братья и сестры, мы крестимся одним пальцем. И еще правильно глаголить не Иисус, а Иешуа. И кланяться теперь вообще не надо, только голову приклоняйте, и все. А кто не хочет — к Таинствам не допустим, извергнем, проклянем». И? Вы прямо вот скажете: «Ок, так точно, будем переучиваться»? Это нам кажется отсюда — обряды не обряды, грамотные не грамотные, а когда представишь себя на месте тогдашних раскольников, и понимаешь, что ты бы тоже не согласился...».

И конечно, печаль и горечь о несовершенстве мира. @user-tr9gh7cm6j: «Спасибо огромное! Слушается на одном дыхании. Но где тут Бог? Где милосердие? Где простить ближнего и увидеть бревно в своем глазу? Амбиции, ненависть и политика, политика, политика. Нас, русских людей, осталась горстка по сравнению с другими народами, а все продолжаем бесконечную многовековую войну между собой».

Некоторые слушатели обобщают, как, например, @LeoN15021988: «Любимая тактика дьявола — это разделяй и властвуй. Сначала он сделал раскол от Православной Церкви на поповцев и беспоповцев, а позже и этих начал дробить на мелкие расколы, что те уже и сами не понимали, что делают, чем дальше, тем больше впадали в ересь». А другие делают неожиданные заключения, как @user-uq7jl4oe5w: «Похоже, они были правы насчёт антихриста, завоевавшего власть».

Есть и альтернативные мнения атеистов. @barsboldrinchen5298: «Старообрядцы — те же протестанты на западе, не терпевшие корыстолюбия, обмана и желания властвовать, утвердившихся в христианстве (включая православие). Попы — те же людишки, все пороки людей у них еще более усилились из-за особого их „священного“ положения. Ни в одной религии ее вождь и создатель не упоминал о церкви, иерархии, жадных попах, избравших религию профессией, бездельников и фанатиков, сжигавших передовых людей и уничтожавших прогрессивные идеи. Понятно, что слепое верование допускает и способствует рождению самого безобразного, что было в недавнем прошлом».

Особо отметим личные истории слушателей, многие люди захотели поделиться семейными историями и с гордостью написали о своих старообрядческих корнях, с теплотой и благодарностью вспоминая своих предков. Судя по откликам, лекции были прослушаны потомками староверов из Латвии и Казахстана, Самары, Нижнего Новгорода и других российских и не только регионов, в частности Латвии и Южной Америки. Приведем несколько примеров.

Например, @Serguei_Rusa сообщил: «В нашем Успенском храме Русской православной церкви за рубежом в Венесуэле матушка Елена Тихоновна была из старообрядческой семьи. Родители её были из амурских казаков. А родилась она около 30-го года уже в Маньчжурии на Китайской восточной железной дороге и жила в г. Харбине. Имела медицинское образование. В начале 50-х выехала из Китая в Венесуэлу. Прекраснейший была человек! Ей были свойственны наследственная сдержанность и чуть большая, чем обычно, категоричность в суждениях. Она была очень церковно грамотным человеком, имела музыкальное образование и в храме служила регентом. Одно время преподавала в воскресной школе. И

вообще, за свою жизнь много поработала во Славу Божию. Хвала Господу нашему Иисусу Христу!».

@LarisaPro-uk2to: «С интересом прослушала лекцию. О старообрядчестве я узнала, прочитав работу моего двоюродного деда Мельникова Феодора Евфимовича. У меня сохранились его фотографии. Из Интернета узнала о его жизни и борьбе против безбожия в послереволюционной России. С интересом прочитала его книгу «Яко с нами Бог». Я горжусь своим дедом за ту огромную и опасную деятельность, которую он проводил среди народа».

@user-jk3xe5vwzt сообщает: «У нас мамочка была этой Веры, но мы, дети, не очень интересовались религией, было такое время, сейчас хотелось бы вернуть то время и быть с этой Верой. Спасибо вам огромное за разъяснения старообрядчества, нашей Православной Веры, где в настоящем времени православная христианская вера не соответствует своим канонам».

Таня из Самарской области, @user-ht1kn6ws2p, написала: «Очень интересно слушать! Я заинтересовалась старообрядчеством! Мои предки по маме староверы, это я от мамы слышала! Смотрю о староверах и удивляюсь, как много во мне от староверов, меня никто не учил, это гены! Надо бы было раньше узнавать, пока родные были живы, а меня потянуло теперь! Мне мама раньше говорила: ты как бабка-староверка, в поведении у меня с детства было много чего! Я пожилая, жизнь меня привела к Богу, молюсь, хожу в Церковь, у нас она только Православная! Буду интересоваться еще Старой верой! Мама моя, когда была жива, говорила иногда — Старая вера вернее! Слушаю и понимаю — и правда! Бог-то все равно слышит и помогает, если Душа чиста!».

@user-si7nt7cv5m: «И мои родные по папе были староверы — беспоповцы поморского толка. Жили в Крестецком р-не Новгородской обл. дер. Ёлково. Меня тоже крестила бабушка моя Параскева со своей двоюродной сестрой Анной Мироновой (Нюша Исаковская). Бабушка моя была добрейшим, скромнейшим и любящим людей человеком».

@Nina9912: «Моя бабка-сибирианка — староверка, каких детей воспитала! Одна, потому что мой дед Архип в первой же Отечественной войны был убит. Дети выросли трудолюбивые, честные, добросердечные, учились хорошо, выросли знающие, специалисты, замечательные работники и рабочие. И все верующие, хотя жили и работали в СССР».

@user-qu3oz2hh1u: «Я сама с Карелии и живу на реке Выг, рядом Соловки, и я нутром чувствовала, что я старообрядчица, и теперь живу в Крыму и рада вас услышать. Сердце не подвело. Слава Иисусу!».

@liubovmokrousova1917: «Я из семьи староверов с Урала, поселок Староуткинск. Пома ню, как молились в моленной комнате у тети, к которой я приезжала погостить летом. Бороды, прически «под горшок», поддевки, подушечки для поклонов, четки... Библия, домовина под гроб из цельного бревна во дворе...».

@user-vk2gt5tb5n: «Мои предки старообрядцы — беспоповцы поморского согласия. Жили между Выгозером и берегом Белого моря. В начале 19 века ушли в глушь — в Вятскую губернию на реку Арлеть (потом Удмуртия при советской власти стала). Обосновали деревню Мокрушино. У каждого были скотные дворы, две мельницы в деревне. Жили зажиточно. В 1930-м там родился мой папа. Когда началась коллективизация, большинство из деревни

сбежали в Сибирь. Деревню поджигали, потом загнали в колхоз. И 1957 году она перестала существовать. Народ там жил очень трудолюбивый. Все были статные, высокого роста. Взять моего деда, папу и его сестру (она 174 была). А также моя учительница по англ. из той же деревни Мокрушино — высокая, статная, и всегда толстые льняные косы вокруг головы. Очень благодарна краеведу Увинского района Удмуртии А. Пудову, издавшему книгу об исчезнувших деревнях и их истории».

@user-ug9hq9dr8p: «Мне семьдесят, я дочь староверов. С детских лет не воспринимала религию, но тоже православную церковь считаю не нашей, обхожу ее стороной, Все равно горжусь своими родителями, что не предали свою веру. Папа тоже считал Никона Антихристом».

@user-md2wk8mi7i: «Мне 80 лет. С пяти лет повезло встретить СТАРООБРЯДЦЕВ, живших рядом. Восхищалась ЧИСТОТОЙ И НЕКОЛЕБИМОСТЬЮ ИХ ВЕРЫ!!! Помню старинного письма иконы — да, ОЧЕНЬ строгие ЛИКИ... НО — как же честно и чисто ОНИ жили!!!! Их образ жизни, их поведение и отношение к нам... доброжелательность и сдержанность — были просто ПРИМЕРОМ нам в то тяжёлое время 40–50-х годов. Не миссионерствовали, ничего не навязывали никому — ВРЕМЯ БЫЛО ТЯЖЕЛОЕ, НО Я никогда не видела в них ни проявлений злобы, уныния, жадности — и тянуло общаться с ними, но тогда это было невозможно почти. Это был город БОРОВСК... окружённый густыми лесами и холмами Среднерусской возвышенности... Как они работали, как учились!!!! — это было Образцом Жизни людской всем нам! Их Трудолюбие и Терпение невзгод жизни тех лет — оставило в моей Душе неизгладимую светлую Память... заставило найти ценную информацию... житие АВВАКУМА И ЕГО МУЧЕНИЧЕСТВО И ТВЕРДУЮ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ... и мученичество боярыни МОРОЗОВОЙ с ЕЁ сестрой-монахиней в яме... И огромный КРЕСТ стоит на холме над рекой Протвой (притоком Оки) — столько СВЕТА осталось в ДУШЕ от Образца Правильной ПРАВОСЛАВНОЙ жизни... МНОГАЯ И БЛАГАЯ ЛЕТА Русскому городу БОРОВСКУ!!!!».

Ряд слушателей, не имея старообрядческих корней, сочувственно относится к староверам, например @user-ik8rz3tt2j: «Очень правильно, что можно знать о прошлом. Не знаю, как я отнесена к старообрядчеству, внутренне мне они кажутся родными и сильными. Хочется их защищать и искать помощи в своих поступках. В нашей жизни не хватает опор, уверенности в понимании событий. Когда видишь подлость, не хочется ее видеть, пытаешься оправдать, а это беда для жизни».

А некоторые люди, впервые столкнувшись с темой раскола, испытали шок и потрясение. @user-es8si9rf1e: «Как Всё запутано. Как же нам быть, кому верить?» Или @user-fg6qk7op4v: «Неужели свои уничтожали своих???? Может, это были чужие?»

Интересно, что, хотя между участниками отсутствует непосредственная связь, нередко наблюдается групповой характер общения, когда пользователи вступают между собой в дискуссии, а порой и конфликты, которые пытаются погасить другие слушатели. Например в теме «Старообрядцы, не приемлющие священства» пользователь @nataliadeev3587 обращается к провокатору: «И ведь так уверенно несёт откровенную чушь, что заслушаешься... и большими буквами, да с восклицаниями... Вы тролль, вероятно, уж слишком бестрепетно

провоцируете междусобойчик... Ребята, не давайтесь им в снедь — это мертворожденные, пусть себе они живут в своих болотах».

Завершая исследование, подчеркнем, что в большинстве случаев ничего не зная о возрасте, социальном статусе, профессии, конфессиональной принадлежности, месте проживания слушателей, тем не менее можно говорить о небывалом интересе русских людей, проживающих в разных регионах России и за ее пределами, к церковной жизни прошлого и настоящего. Актуальность темы подтверждается и тем, что события XVII в. нередко экстраполируются и на текущую ситуацию.

Очевидно, что практически все современники до сих пор воспринимают раскол как трагедию, так, @uaimya1 пишет: «250 лет гонений на старообрядцев раскололи всё русское общество к началу 20 века». И, оставив за пределами исследования оскорбительные отклики типа «религия — бред и пережитки прошлого», отметим интерес людей всех возрастов, представителей разных конфессиональных направлений к циклу И.В. Поздеевой, активно обсуждаемый уже три года, волнующий выходцев из старообрядческих семей, представителей официальной Церкви и атеистов.

Раскол, потрясший до основания все слои русского общества, став одной из самых трагических страниц отечественной истории XVII в., до сих пор вызывает горячие споры и диаметрально противоположные оценки. Описанный Поздеевой конфликт, завершившийся трагедией, на многие годы определил путь развития отечественной истории, не оставил равнодушным ни одного слушателя.

Подводя итоги, заключим, что научный материал продемонстрировал актуальность темы церковного раскола XVII века и остается одним из «проклятых русских вопросов». Подчеркнем, что, не являясь исчерпывающим анализом, изучение откликов лекций по истории XVII века периода раскола невольно отражает внимание общества к жизненно важным выборам духовной, политической, общественной жизни, причем далеко не только того времени.

И завершим пожеланиями слушателей.

@svetakurpianova4491: «Пожалуйста, продолжайте. Возможно, Ваши лекции смогут соавершить чудо объединения РУССКОГО НАРОДА».

@user-kh5od3ri5e: «Уважаемая Ирина Васильевна, огромное спасибо за этот замечательный курс лекций. Жаль, что он закончен. Пожалуйста, продолжайте! Вы такое великое дело делаете! Какая у вас удивительно интересная жизнь».

@marinabal4965: «Спасибо Вам большое, Ирина Васильевна. Просим по возможности продолжения/расширения этого интереснейшего курса. Действительно, как на машине времени, перенеслись в глубь нашей истории и культуры. Очень захватывающе!»

@user-ht9sm6rt3h: «Огромная благодарность Ирине Васильевне и Музею русской иконы за этот цикл лекций! Пожалуйста, продолжайте! Так важно знать наши корни! Расскажите, пожалуйста, еще об уникальных памятниках русского духа и о судьбах людей, которые к этому причастны, об общинах и согласиях. Об уникальном пении и тех звуковых записях, которые Вы сделали в своих полевых исследованиях! Можно ли их услышать? Низкий поклон за Ваш труд!»

Литература

Аз Аввакум протопоп тако верую. К 400-летию со дня рождения духовного лидера старообрядчества. Музей русской иконы; Серпуховский историко-художественный музей. М. 2021.

В чём различие понятий «старообрядчество» и «староверие»? URL: <https://rpsc.ru/question/v-chjom-razlichie-ponjatij-starobrdchestvo-i-staroverie/> (дата обращения: 01.09.2024).

Гувакова Е.В. Старообрядческие иконы “Образ соборной и апостольской Церкви” // Российский журнал истории Церкви. 2022. Т. 3. № 51. С. 56–75.

Крамер, А. В. Раскол русской Церкви в середине XVII века. СПб.: Алетейя. 2011.

Музейные палаты. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f3waSH2zNGY> (дата обращения: 01.09.2024).

Пантелеев В.Л. Четвероевангелие атеиста. Екатеринбург: Издательские решения, 2024.

Поздеева И.В. Русское старообрядчество: традиции и новации // Российский журнал истории Церкви. 2022. Т. 3. № 51. Р. 47–55.

Пыжиков А.В. Грани русского раскола: тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М.: Концептуал, 2018.

References

Guvakova E.V. Old Believers' icons “Image of the Catholic and Apostolic Church”. Russian Journal of Church History, 2022, vol. ;3, no. 1S, pp. 56–75. (In Russian)

I Avvakum, Archpriest, believe in this. On the 400th anniversary of the birth of the spiritual leader of the Old Believers. Museum of the Russian Icon; Serpukhov Historical and Art Museum. Moscow, 2021. (In Russian)

Kramer, A. V. The schism of the Russian Church in the middle of the 17th century. St. Petersburg: Aleteia, 2011. (In Russian)

Museum Chambers. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f3waSH2zNGY> (date of access: 01.09.2024). (In Russian)

Panteleev V. L. The Four Gospels of an Atheist. Yekaterinburg: Publishing Solutions, 2024. (In Russian)

Pozdeeva I.V. Russian Old Believers: traditions and innovations. Russian Journal of Church History, 2022, vol.; 3, no. 1S, pp. 47–55. (In Russian)

Pyzhikov A. V. Facets of the Russian schism: the secret role of the Old Believers from the 17th century to the year 17. Moscow: Conceptual, 2018. (In Russian)

What is the difference between the concepts of “Old Believers” and “Old Belief”? URL: <https://rpsc.ru/question/v-chjom-razlichie-ponjatij-starobrdchestvo-i-staroverie/> (date of access: 01.09.2024). (In Russian)

Проблематика старообрядчества в трудах консервативных публицистов второй половины XIX века

В статье исследуется отражение старообрядчества в публицистических сочинениях крупных консервативных мыслителей второй половины XIX в.: К.Н. Леонтьева, Т.И. Филиппова, П.С. Усова, Л.А. Тихомирова, В.И. Даля, М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева. Устанавливаются факторы, повлиявшие на складывание образа староверов в творчестве мыслителей: их круг чтения, должностные обязанности, заграничные командировки, а также личные контакты с представителями старообрядческого сообщества и видными этнографами. Предпринятое исследование показывает, что большинство консервативных философов той эпохи было склонно симпатизировать старообрядцам, рассматривая их как потенциальных союзников и даже опору действующего правительства в борьбе с приверженцами революционно-нигилистических идей. Само старообрядчество в мировоззрении публицистов воспринималось как неоднозначное, но полезное социальное явление, выступавшее хранителем архаичных традиций православия и культурного наследия византийской цивилизации. Удалось установить, что консервативные авторы, в своём большинстве, выступали принципиальными противниками репрессивной политики по отношению к староверию, настаивая на необходимости отмены клятв Большого Московского собора 1666–1667 гг., прекращения полицейского произвола в отношении старообрядческих общин, а также легализации старообрядческих браков и культовых сооружений.

Ключевые слова: старообрядчество, церковный раскол, староверы, консерватизм, православие, К.Н. Леонтьев, Т.И. Филиппов, П.С. Усов, Л.А. Тихомиров, В.И. Даль, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев.

...

Для цитирования: Бытко С.С. Проблематика старообрядчества в трудах консервативных публицистов второй половины XIX века // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 2. С. 74–89. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0090

The problems of the Old Believers in the writings of Conservative publicists of the second half of the 19th century

The article examines the reflection of the Old Believers in the journalistic writings of major conservative thinkers of the second half of the 19th century: K.N. Leontiev, T.I. Filippov, P.S. Usov, L.A. Tikhomirov, V.I. Dal, M.N. Katkov and K.P. Pobedonostsev. The factors that influenced the formation of the image of Old Believers in the works of thinkers are established: their reading circle, official duties, business trips abroad, as well as personal contacts with representatives of the Old Believers community and prominent ethnographers. The conducted research shows that the majority of conservative philosophers of that era were inclined to sympathize with the Old Believers, considering them as potential allies and even a pillar of the current government in the fight against adherents of revolutionary nihilistic ideas. In the worldview of publicists, the Old Believers themselves were perceived as an ambiguous but useful social phenomenon that served as the guardian of the archaic traditions of Orthodoxy and the cultural heritage of the Byzantine civilization. It was established that the conservative authors, for the most part, were principled opponents of the repressive policy towards the Old Faith, insisting on the need to repeal the oaths of the Great Moscow Cathedral of 1666–1667, end police brutality against Old Believer communities, as well as the legalization of Old Believer marriages and religious buildings.

Keywords: Old Believers, church schism, Old Belief, conservatism, Orthodoxy, K.N. Leontiev, T.I. Filippov, P.S. Usov, L.A. Tikhomirov, V.I. Dal, M.N. Katkov, K.P. Pobedonostsev.

...

For citation: Bytko S.S. The problems of the Old Believers in the writings of Conservative publicists of the second half of the 19th century. *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 74–89. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0090

Многогранная творческая жизнь К.Н. Леонтьева ранее не единожды становилась предметом досконального изучения специалистами в области литературы, богословия, философии и отечественной истории [Столярова, 2018. С. 279]. Пройдя тернистый путь нравственных исканий, в 1860-е гг. писатель отказывается от идей атеизма и либерализма, которым весьма симпатизировал в юности, и встаёт на путь защиты консервативных христианских ценностей. Обширный корпус сочинений, оставленный этим выдающимся мыслителем позволяет составить развёрнутую картину культурных, социальных и политических преобразований, происходивших в пореформенной России 1870–1880 гг. Однако донныне малоизученным оставался вопрос о восприятии Леонтьевым одной из ключевых дискуссионных проблем эпохи Александра II — места староверия в прошлом и настоящем России.

Примечательно, что начало службы Леонтьева в Министерстве иностранных дел пришёлся на 1863 г., отметившийся особым интересом российского престола к староверам в связи с попытками демократического подполья склонить последних к революционной борьбе. Ввиду этого мыслитель был вынужден узнавать староверие из разных источников — как сторонник консервативных взглядов он знакомился с этнографически ориентированными трудами П.И. Мельникова-Печерского, как чиновник читал работы революционного журналиста В.И. Кельсиева [Леонтьев, 2001. Т. 3. С. 710; 2003. Т. 6. Кн. I. С. 508].

В своих художественных произведениях писатель почти не затрагивал проблематику церковного раскола. Как правило, староверы в его сочинениях представляли лишь героями-функциями, набором очевидных стереотипов: богачи, ругатели табака, объекты для колкостей [Леонтьев, 2000. Т. 2. С. 30–31; 2003. Т. 6. Кн. I. С. 230]. Однако совершенно иной и гораздо более глубокий взгляд на «старолюбцев» открывается в цикле воспоминаний Леонтьева и множестве его публицистических очерков. Исследование письменного наследия К.Н. Леонтьева обнаруживает особую расположенность писателя к староверам. В отличие от Т.И. Филиппова, оправдывавшего старообрядчество посредством богословских аргументов, тяготение Леонтьева к «поклонникам благолепной обрядности» базировалось большей частью на эмоциональной симпатии. Будучи дипломатом на Балканах, Леонтьев имел возможность не единожды встречаться с русскоязычным населением этого региона — липованами и некрасовцами [Рябушинский, 1994. С. 68, 70].

Считая «раскол» заблуждением, происходившим из фанатизма и гордости его первых теоретиков, Леонтьев всё же видел в нём «великий тормоз», удерживавший Россию от разрушительных революционных потрясений. Именно ментальность староверов мыслитель противопоставлял развернувшейся в 1860 гг. пропаганде нигилистической мысли. К ревностной полемике церковных публицистов с «представителями старой России» писатель относится весьма скептически. Более того, Леонтьев утверждал, что пропаганда конструктивных идей в высших слоях общества была бы несравненно полезнее, нежели антираскольническая проповедь среди инаковерцев. Последнее мыслитель объяснял наличием в «древлеправославии» независимого религиозного чувства, свободного от разлагающих западных новшеств и духа буржуазности. Так, Константин Николаевич был убежден, что казаки ввиду своего «старообрядческого отчуждения» понимают его несравненно лучше, нежели

многие петербургские консерваторы [Леонтьев, 2000. Т. 2. С. 156; 2003. Т. 6. Кн. I. С. 337–338, 510, 524; 2007. Т. 8. Кн. I. С. 61].

Как чиновник К.Н. Леонтьев видел в староверии религиозное движение, чуждое политическому авантюризму [Кожурин, 2014. С. 282], что представляется достаточно справедливым применительно к 1860–1880 гг. Заметим, что в начале следующего столетия политическая активность старообрядчества заметно вырастает, а его представители принимают участие как в Революции 1905–1907 гг. (выказав солидарность правящему императору), так и в потрясениях 1917 г. (уже на стороне Временного правительства) [Селезнёв, 2005. С. 83, 88]. Подобно многим другим консерваторам эпохи Александра II, высоко ценившим преданность староверов российскому престолу в ходе польских событий 1863 г., Леонтьев настаивал на необходимости сближения правительства с «ревнителями древлего благочествия». Этому, по мнению писателя, должно было способствовать чувство церковно-государственной симфонии, присущее староверам и вынесенное ими из византийской культурной традиции [Товбин, 2006].

Рассматривая староверов как исконных представителей великорусской природы, а также чувствуя в них силу, признаваемую другими группами русского простонародья, Леонтьев был уверен в способности «поборников старины» возглавить народное движение в поддержку царской власти. Нередко публицист описывал свои беседы со старообрядцами, в которых последние выражали крайнюю антипатию в отношении идей республиканизма и нечаевщины. По словам мыслителя, «раскольщики» не признают за собой права на политический бунт и строго покорны властям [Леонтьев, 2003. Т. 6. Кн. I. С. 464; 2005. Т. 7. Кн. I. С. 124, 325, 328]. Как верно заметил И.И. Верняев, Леонтьеву представлялось, что в староверах он нашёл потенциальную опору существующего государственного строя, поборников монархического имперского начала, союзников в борьбе с либерализмом и индивидуализмом, «истинных Великороссов», качества которых могут послужить на благо России [Верняев, 2018. С. 103–104].

В одном из своих сочинений К.Н. Леонтьев передаёт содержание весьма занятного диалога, состоявшегося между ним и некрасовским атаманом И.С. Гончаровым. В ходе разговора Леонтьев сообщил ему о намерениях некоего агитатора Каминского организовать бунт среди придунайских «ревнителей старины». На известие об этом Гончаров отреагировал лишь улыбкой и заверениями в том, что ныне его единоверцев подобным образом уже не поднять: «Это поляки глупости одни затевают» [Леонтьев, 2003. Т. 6. Кн. I. С. 489–490]. Следует полагать, что причиной непоколебимой убеждённости Леонтьева в «политической безопасности» старообрядчества могло стать то, что писатель имел непосредственное общение именно с балканскими староверами, весьма симпатизировавшими институту государственной власти (ввиду лояльного отношения к ним османских чиновников).

Показательно, что старообрядчеству в контексте нарастающей революционной угрозы Леонтьев противопоставлял русские мистические секты (главным образом — скопческую), последователи которых, по его мнению, сохранили ярко выраженный протестный энтузиазм, обладали высокой степенью общественной опасности, а также были потенциально способны принять участие в массовых антиправительственных выступлениях. Следует

полагать, что данная концепция почти наверняка сложились у Леонтьева под влиянием творчества другого крупного консервативного мыслителя той эпохи — П.И. Мельникова-Печерского. Сформулировав оппозицию старообрядчество-сектанство и представив её читающей публике на рубеже 1870–1880-х гг., Мельников оказал значительное влияние как на философов охранительного толка, так и многих революционных мыслителей следующих десятилетий. Именно популяризация идеи об отсутствии у старообрядцев и российских властей непреодолимых политических противоречий стала одной из ключевых причин разочарования революционеров в сотрудничестве со староверами и дальнейшего сближения заговорщиков с сектантской средой [Бытко, 2024. С. 215].

Значительное внимание феномену староверия в своих трудах уделял государственный чиновник и богослов Т.И. Филиппов. В своих публицистических работах он выступал с позиций умеренного консерватизма, настаивая на необходимости уравнивания в правах всех православных деноминаций Российской империи [Отливанчик, 2017 (2). С. 19–20]. В частности, Третий Иванович уже в 1870-х гг. признавал необходимость отмены клятв, возведённых на староверов Большим Московским собором 1666–1667 гг. Данные мысли Филиппов озвучивал в ходе организованных им в 1872–1874 гг. чтений о нуждах единоверия в Санкт-Петербургском отделении Общества любителей духовного просвещения [Филиппов, 2008. С. 257; Филиппов, 1899. С. 7].

Будучи согласным с Ф.М. Достоевским относительно необходимости солидаризации русского общества, Филиппов «лоббировал» политику укрепления единоверия, считая его наилучшим способом преодоления церковного раскола [Отливанчик, 2017(1). С. 32, 34]. В 1872 г. публицист уделяет пристальное внимание попыткам майноских староверов-некрасовцев сблизиться с греко-российской церковью, получив от неё священство на правах единоверия¹. Особое внимание Филиппова к данному событию было, по всей видимости, обусловлено его беспрецедентностью. Так, с конца XVII столетия, вытесненные на периферию русского мира, а порой и вовсе вынужденные переходить «под руку» мусульманских правителей, казаки-староверы отличались особой враждебностью по отношению к российским властям [Ряжев, 2019. С. 10]. Следует полагать, что примирение с господствующей церковью даже столь радикальных представителей старообрядческой среды для современников стало ярким маркером значительных перемен в конфессиональной жизни русского общества.

В этот период Филиппов приходит к выводу о необходимости деклериализации общественной жизни, а также понятийного размежевания номинаций «раскол» и «старообрядчество» [Товбин, 2015. С. 87]. В данном контексте примечательна работа «Три замечательных старообрядца», в которой публицист высоко оценивает добродетели инока Пафнутия, Павла Прусского и Илариона Ксеноса [Филиппов, 1899. С. 14]. Предсказуемо, что все названные духовные лица явственно обнаруживали своей деятельностью тяготение к господствующей иерархии. Так, Пафнутий (Овчинников), будучи епископом белокрыницкой иерархии, оставил высокий сан и воссоединился с официальной церковью, в последующем

¹ О данном событии также было сообщено в нескольких публикациях духовной направленности, где церковные авторы весьма скептически, но всё же с некоторой надеждой оценивали происходивший процесс межконфессиональной интеграции [Т-ский, 1872. С. 475].

возглавив Никольский единоверческий монастырь в Москве. Архимандрит Павел (Леднев), поставленный настоятелем Никольского монастыря вслед за отцом Пафнутием, также был выходцем из староверия, а именно — поморского согласия. В свою очередь, Иларион Ксенос (И.Г. Кабанов) в противовес названным духовным лицам до конца своих дней оставался в рамках древлеправославия. Однако именно он стал автором «Окружного послания», вызвавшего бурные дискуссии в старообрядческом сообществе ввиду призыва принять представителей господствующей церкви в качестве братьев по вере. Так, по мнению А.Б. Григорьева, «Окружное послание» 1862 г. стало самым значимым шагом к уврачеванию церковного раскола со времен официального установления в России единоверия (1800 г.) [Григорьев, 2014. С. 95].

Видный журналист и издатель крупной консервативной газеты «Северная пчела» П.С. Усов также был увлеченным исследователем «раскола». Находясь под сильным впечатлением от творчества Мельникова-Печерского, Усов разделял его поздние идеи о необходимости смягчения государственной политики по отношению к староверию, поддержки единоверия и изучения самобытной культуры «ревнителей древлего благочестия». Также Усов остро осуждал правительственные гонения в отношении «старолюбцев», продолжавшиеся в 1880 гг.

Будучи душеприказчиком и первым биографом П.И. Мельникова, публицист совершил поездку в Поволжье по следам автора «В лесах» и познакомился с древлеправославным населением этого края. Свои впечатления от путешествия к староверам Усов подробно фиксировал в очерке «Среди скитниц», где наряду с описанием чарующих красот таинственной природы нижегородского Заволжья и мастерства местных ремесленников приводил важные аспекты религиозной жизни русских «раскольников». В ходе поездки публицист вступил в полемику со старообрядкой матушкой Евдоксией, стремясь оправдать репрессивную деятельность Мельникова его подневольным чиновничьим положением и позднейшим заступничеством за инаковерцев. Скитница, в свою очередь, остро обличала действия Мельникова, обернувшиеся тяжелым испытанием для староверческого населения края, вынудив Усова сменить тему диалога [Усов, 1887. С. 312–313, 329].

Заметим, что староверие интересовало Усова не только в контексте творчества П.И. Мельникова-Печерского. В 1886 г. журналист публикует очерк «Помор-философ», посвященный киновиарху Выговской пустыни Андрею Денисову, где высоко оценивает литературное наследие выдающегося старообрядческого книжника [Усов, 1886. С. 145–160].

Наряду с П.С. Усовым и «Северной пчелой» весьма сочувственную позицию по отношению к староверию занимал консервативный публицист В.П. Мещерский, издававший газету «Гражданин». Наперекор дискриминационной политике правительства редакция «Гражданина» ратовала за дарование старообрядцам свободы вероисповедания, осуждала конфессиональные преследования и контроль государства над религиозной жизнью простонародья [Амбарцумов, 2010. С. 132]. Осмысляя устойчивый интерес российского общества к нигилизму и атеизму как главную беду своей эпохи, правая публицистика разрабатывала способы борьбы с западными космополитическими веяниями. Поиски консервативных альтернатив приводили публицистов к необходимости следования идеалам русской архаики [Биюшкина, 2011. С. 155]. Наиболее отчетливо любовь к старине аккумулировалась

именно в ментальности староверов. Сохраняя верность идеалам Достоевского, «Гражданин» ратовал за преодоление раскола XVII в. и воссоединение разрозненных ветвей русского православия в рамках единой церкви.

Отрекшийся в 1888 г. от революционно-демократических взглядов и вставший на позиции умеренного консерватизма Л.А. Тихомиров также весьма лояльно относился к староверам и их учению. В работе «Вероисповедный состав России» публицист рассматривал численность конфессиональных групп Российской империи. Суровой критике автора подверглись недостоверные отчёты чиновников о количестве старообрядцев и сектантов, занижавшие истинные масштабы распространения инаковерия в российском простонародье и завышавшие число обращаемых в «официальное» православие [Тихомиров, 1902. С. 22].

Весьма интересным представляется замечание Тихомирова об ошибочности синонимизации номинаций «раскольники» и «старообрядцы»: «Это название неудачное, ибо “старообрядцы” — не суть раскольники, как и раскольники не всегда “старообрядцы”» [Тихомиров, 1902. С. 4]. Публицист отмечал, что приверженцы господствующей иерархии во многом весьма близки старообрядцам — их объединяет желание отстаивать интересы русских как в самой России, так и за её пределами. При этом староверие представлялось мыслителю хотя и культурно автономным, но родственным по своему самосознанию всему русскому народу [Посадский, 2006. С. 220].

Не последнюю роль в складывании представлений светской общественности о староверах сыграл В.И. Даль, симпатизировавший философии славянофилов, однако в вопросах религиозности, подобно И.С. Аксакову, прочно стоявший на позициях консерватизма [Вихрова, 2018. С. 213–214]. Известно, что В.И. Даль имел возможность ознакомиться с литературными памятниками старообрядчества благодаря своей дружбе с П.И. Мельниковым-Печерским. Известно, что изъятые Мельниковым у староверов рукописи и древние акты помогли В.И. Далю в работе над фундаментальным лексическим словарём [Селезнёв, 2013. С. 14]. В начале 1840-х гг., Даль, служивший в то время в Министерстве внутренних дел, по поручению министра Л.А. Перовского приступил к изучению сект и расколов, распространённых в среде русского простонародья. Самобытная и архаичная речь «ревнителю старины» требовала глубоких познаний в практической лексикографии, что объясняет назначение на этот пост именно В.И. Даля, весьма преуспевшего к тому времени в изучении русского языка.

В 1844 г. Владимир Иванович публикует своё «Исследование о скопческой ереси», где наряду с русским сектантством освещает тему старообрядчества. Подобно многим авторам николаевской эпохи, Даль весьма не лестно отзывался о качествах староверов. Так, «раскол» он называет не иначе, как «чёрной стороной общественного быта» [Мельник, 2008. С. 15]. Старообрядчество представлялось Далю «изуверским» религиозным движением, погрязшим в ожесточённом фанатизме. Этнограф усматривал в исторических формах «раскола» вред стабильности государственных институтов. Так, именно с древлеправославием писатель связывал стрелецкие бунты XVII в., восстания Разина и Булавина, а также пугачёвщину. Вместе с тем Владимир Иванович был вынужден признать, что в нынешнем своём состо-

янии староверы (в отличие от сектантов) стали «почти безвредными», а их протестность проявляется лишь в упорствовании по вопросам «буквы веры» [Даль. С. 9, 17–18].

Немногочисленные попытки правых публицистов ратовать за идею вероисповедных свобод для «раскольников» можно наблюдать уже во второй половине 1850-х гг. Наиболее значительным событием, открывшим для консерваторов «старолюбцев» как возможных союзников в борьбе с революционными потрясениями, стали польские события 1863–1864 гг. Именно вслед за ними консерваторы приступили к организованной кампании по реабилитации «ревнителю древлего благочестия» в глазах светской общественности [Бендин, 2011. С. 81, 86]. Несмотря на то, что в начале Польского восстания русские дворяне сообщали о широкой поддержке старообрядцами антиправительственного бунта, в действительности значительная часть староверческого населения западных губерний выступила на стороне имперских властей. Участие «раскольников» в вооруженных стычках с польским шляхетством на первых этапах восстания, а также выражение староверами полной лояльности царю-освободителю заставили переосмыслить отношение к вопросу о религиозных свободах многих видных консерваторов того времени [Горизонтов, 1998. С. 152–153, 156]. Однако вероисповедная политика властей не претерпела радикальных преобразований в александровскую эпоху. Надежды старообрядцев на заступничество верховной власти на практике обернулись лишь кратковременной либерализацией государственной политики, всего через несколько лет вернувшейся в прежнее русло [Поташенко, 2005. С. 354, 360, 362].

Одним из наиболее деятельных защитников «староверства», активизировавших свою деятельность под впечатлением от шляхетского выступления 1863–1864 гг., уверенно можно назвать М.Н. Каткова. Будучи сторонником уврачевания церковного раскола посредством мягких мер, публицист настаивал на политической «безопасности» древлеправославия и возможности плодотворного государственного взаимодействия с ним [Селезнёв, 2018. С. 37]. Подобно П.И. Мельникову-Печерскому, Катков ещё в конце 1850-х гг. (ввиду общей либерализации интеллектуальной жизни страны) перешёл на позиции умеренного отношения к «раскольникам» и защиты их от «инквизиторской» политики Святейшего синода [Сенатов, 1995. С. 11; Гаврилов, 2019. С. 210].

Катков настаивал на том, что уголовное преследование староверов-странников станет лишь потворством желаниям их нездорового рассудка: «Поступите с ним не так, как он хотел бы, — поступите с ним вопреки его иступленной и одержимой злым началом воле, и вы подвергнете его действительному наказанию, и в то же время вы подорвёте тот дух фанатизма, из которого он вышел» [Катков, 2009. С. 431–432].

Единственной разумной альтернативой тюремному заключению «кощунствующих» публицист видел христианскую любовь, милосердие и сострадание. Усматривая причиной возникновения и распространения «раскола» многовековую дискриминационную политику, Катков настаивал на том, что все «старолюбцы» не должны страдать от действий отдельных религиозных фанатиков.

В своих публицистических сочинениях Катков подчёркивал контрреволюционность староверов, их отрицательное отношение к атеизму и нигилизму. По словам публициста, в то время как одни «раскольники» совершают кощунство, другие свидетельствуют в своей

готовности верно служить царю и жертвовать собой ради Отечества [Катков, 2009. С. 433]. Любопытно, что за свою проповедь идей веротерпимости и взаимного сближения двух ветвей русского православия издатель был подвергнут ожесточенной критике со стороны ряда церковных публицистов и даже наречён ими «пособником» старообрядцев [Кожурин, 2014. С. 281].

Мы вынуждены не согласиться с выводами ряда исследователей, склонных излишне преувеличивать симпатии Каткова к «ревнителям старины». Так, согласно работам И.Б. Гаврилова, с 1860 гг. Михаил Никифорович отказался от использования оскорбительной номинации «раскольники» в пользу более нейтрального понятия «старообрядцы» [Гаврилов, 2018. С. 199]. Однако в работе 1882 г. «Идеология охранительства» публицист неоднократно использует слово «раскольники» в отношении последователей протопопа Аввакума [Катков, 2009. С. 431]. Также Катков был склонен обвинять выходцев из древлеправославия в фанатизме и ненависти, а порой и вовсе называть староверие вредной смутой, основанной на невежестве и гордыне. Не разделяя догматических оснований старообрядческого вероучения, Катков утверждал необходимость реформ Никона, однако настаивал на том, что они проводились излишне спешно и рьяно. Согласно публицисту, именно горячность московских иерархов, а также проклятия Московского собора внесли определяющую лепту в смущение и разобщение русского народа [Катков, 2009. С. 429, 440–443].

М.Н. Катков отмечал, что русское простонародье плохо понимает догматические основания церковного вероучения. Вместе с тем публицист подчеркивал, что именно в «народном» православии из-под навеса тёмных суеверий и сектантства проглядывается истинная христианская душа [Свиридов, 2017. С. 99]. Среди прочего издатель восхищали сохранённые старообрядцами допетровские традиции религиозно-бытового поведения, а также финансовая успешность староверческих семей. Катков требовал для инаковерцев права выхода из-под юрисдикции господствующей иерархии, признания браков, заключаемых староверами в обход процедур «официальной» церкви и даже разрешения «старолюбцам» заводить собственные молельни, храмы и священство [Катков, 2009. С. 438]. Наконец, он выступал за государственное содействие открытию старообрядческих школ, являвшихся в некоторых местностях едва ли не единственным источником грамотности для крестьян [Лебедева, 2019. С. 142–143]. Поддерживая контакты с крупнейшими знатоками «раскола» своего времени, Катков опубликовал в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» обширный блок художественных и этнографических материалов, касавшихся проблем «народного христианства». Следует указать, что именно в его журналах были впервые печатаны «Соборяне» Н.С. Лескова и знаменитая диалогия П.И. Мельникова-Печерского [Андреев, 2013. С. 136].

Согласно Каткову, в своей религиозной политике российское правительство должно сочетать консервативные устремления и либеральные методы: «Оказывать терпимость, не препятствовать, не вмешиваться». По мысли публициста, лишь отказ от насильственного принуждения сможет послужить преодолению церковной схизмы: веротерпимость сможет «заморить раскол», «отнять у него яд». Чем снисходительнее и великодушнее будет церковь, тем менее действенным станет старообрядческий прозелитизм. При этом единоверие представлялось издателю явлением весьма спорным, поскольку за более чем пол столетия своего

существования оно так и не смогло оказать действенного влияния на преодоление обрядовых предрассудков сторонами сложившегося конфликта [Катков, 2009. С. 434–435, 437, 444–445].

Приведённые факты указывают, что абсолютное большинство русской консервативно настроенной интеллигенции второй половины XIX — начала XX века упорно стояло на принципах веротерпимости по отношению к «ревнителям древлего благочестия». Нередко старообрядцы воспринимались ими как благородные хранители отеческих заветов и естественные союзники в борьбе с нарождавшейся революционно-нигилистической угрозой. Однако несмотря на все приложенные консерваторами усилия, государственная политика в отношении староверов не претерпела существенных изменений вплоть до 1905 г. Непосредственное влияние на это, на наш взгляд, оказал обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, реакционные взгляды которого стояли особняком по отношению к остальному консервативному движению исследуемой эпохи.

Следует констатировать, что Победоносцев был едва ли не единственным крупным консерватором второй половины XIX в., откровенно враждебно относившимся к староверию [Кожурин, 2014. С. 282]. В отличие от других консерваторов, настаивавших на расширении свобод для представителей «народного православия», Победоносцев выступал ярким противником большинства либеральных инициатив в данном вопросе, за что нередко подвергался критике даже в правой печати. Однако именно его позиция в отношении старообрядчества, ввиду близости обер-прокурора к царскому престолу, оказывалась определяющей при разработке конфессиональной политики высшими эшелонами власти.

А.Ю. Полунов пришел к выводу о том, что главной причиной неприятия Победоносцевым старообрядчества являлась культурная автономность староверов, их склонность к самоорганизации и самоуправлению, подрывавшие идеологическую монополию синодальной церкви [Полунов, 2012]. В противовес другим консерваторам Победоносцев рассматривал старообрядцев как «непригодный материал» для нациестроительства ввиду отсутствия у последних необходимой иерархической дисциплины.

В ходе разработки государственной политики в отношении староверия Победоносцев полагался на мнение видных знатоков и противников этого конфессионального течения — Н.И. Субботина и Н.И. Ивановского. Эффективными методами борьбы со старообрядчеством Победоносцев считал расширение сети приходских школ (будучи убеждённым, что «раскол» и сектантство происходят от невежества простонародья), деятельное пастырское окормление царских подданных (для чего требовалось возрождение ранее закрытых приходов и обеспечение их необходимым количеством духовенства), а также всяческое содействие распространению и укреплению единоверия во всех уголках империи [Победоносцев, 1993. С. 369, 410, 417, 622].

Исследователям удалось установить, что деятельность Победоносцева не сводилась лишь к определению общих методов борьбы со старообрядчеством. Идеолог контрреформ лично организовывал съезды архиереев, занимавшихся искоренением «раскола» [Куратов, 2015. С. 20], устраивал противораскольнические миссии [Нуреева, 2012. С. 17], а также выступал инициатором ограничительных мер в сфере свободы совести [Сметанина, 2013. С. 7]. Из

мест традиционного проживания старообрядцев Победоносцев привлекал миссионеров, на собственном опыте знавших специфику полемики с беспоповскими начётчиками². Призванные миссионеры в дальнейшем должны были консультировать синодальных иерархов, а также участвовать в многочисленных прениях со сторонниками древлеправославия. В рамках вероисповедных диспутов Победоносцев часто прибегал к услугам единоверческих миссионеров, некогда принадлежавших к поборникам «дрелего благочестия». Согласно мнению обер-прокурора, именно они производили особое впечатление на «раскольников». Так, своим самым сильным миссионером Победоносцев считал инок Павла Прусского, некогда принадлежавшего к беспоповской традиции старообрядчества [Победоносцев, 1993. С. 448, 512].

Следует оговориться, что взгляд К.П. Победоносцева на старообрядчество не сводился к одной лишь риторике ненависти и претерпел некоторое влияние гуманистических тенденций своей эпохи. В частности, некоторые труды Победоносцева содержат разъяснения о необходимости отмены клятв Большого Московского собора 1666–1667 гг. Согласно мнению Константина Петровича, вслед за признанием синодальной церковью единоверия анафемы на старый обряд утратили всякое каноническое значение для русского православия [Победоносцев, 1993. С. 447–448]. В свою очередь, корреспонденция Победоносцева располагает доказательствами его планов (совместно с министром внутренних дел Д.А. Толстым) даровать минимальные вероисповедные свободы «наименее вредным сектам» Российской империи. В деловой переписке Победоносцева также обнаруживаются многочисленные сообщения, подтверждающие значительное участие обер-прокурора в судьбе арестованных старообрядческих епископов Аркадия, Конона и Геннадия. В частности, Победоносцев поддерживал идею освобождения узников суздальского Спасо-Евфимиева монастыря и даже ратовал за них перед царём: «готовы служить ему (государю — С.Б.) верой и правдой, молиться за него будут ежечасно, но свободы желают и слёзно просят»³. В остальном К.П. Победоносцев не отступал от жёсткой политической линии и нередко обсуждал в переписке с подчинёнными необходимость продолжения борьбы с «вольнодумным невежеством», породившим старообрядческие толки [Труды, 1923. С. 87, 89–90, 264, 341].

Предпринятое исследование показывает, что тема старообрядчества, его исторической судьбы и роли в будущем русского народа, стала одной из важнейших тем общественно-политической полемики в отечественной прессе 1860–1880-х гг. Консервативные философы и публицисты той поры почти единодушно настаивали на необходимости сближения синодальной церкви с представителями русского «раскола», а также замирения многовековых обид между двумя ветвями русского православия. Движущая роль в этом процессе отводилась староверам, симпатизирующим «официальному» православию, а также к «никонианам», отзывавшимся о последователях Аввакума без злобы и ожесточения. Согласно правым публицистам, именно деятельная консолидация всех христианских великодержавных

2 Именно беспоповство К.П. Победоносцев считал наиболее дурной и тёмной стороной русского старообрядчества, не единожды называя его представителей «самыми хитрыми и ловкими агитаторами», «иезуитами-фанатиками» и «мастерами сбивать с пути» [Победоносцев, 1993. С. 448–449, 509].

3 Любопытно, что освобождение старцев так и не случилось в либеральную эпоху Александра II, а произошло лишь с началом контрреформации Александра III.

сил, к коим нередко относили и староверов, являлась непреложным условием укрепления величия и дальнейшего процветания всей русской нации.

Следует констатировать, что 1860-е гг. стали для большинства русских консерваторов временем значительного переосмысления феномена народного инаковерия [Michelson, 2018. P. 85]. В результате либерализации общественной жизни в эпоху Александра II, Польского восстания (1863–1864 гг.), а также нарождавшегося в среде русской интеллигенции революционно-демократического движения, мыслители традиционалистского толка были вынуждены искать опору в народной среде. Наилучшую альтернативу западным социалистическим веяниям они видели в «ревнителях древлего благочестия», чуждых идеалам политических радикалов. Нередко мыслители предприняли существенные усилия для выяснения текущего состояния старообрядчества в России и за её рубежами. Как правило, консерваторы ценили староверие за сохранение древнерусской духовной культуры, «отеческого благолепия» в обыденной жизни, значительный вклад в развитие экономики России, а также высокие нравственные качества его приверженцев.

В отличие от русской революционной эмиграции, наблюдавшей в народном инаковерии непреодолимый протест против синодальной иерархии, консервативная интеллигенция не мыслила существования древлеправославия как самостоятельного конфессионального течения. Большинство публицистов традиционалистского толка настаивало на возможности объединения двух враждующих ветвей русского православия посредством отказа от карательной государственной политики. Многие консервативные публицисты со временем стали искренними почитателями и защитниками «старолюбцев» (Т.И. Филиппов, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев), другие же (В.И. Даль, И.А. Гончаров) разделяли весьма неприязненное отношение к выходцам из староверия, допуская прекращение религиозного гнёта лишь ввиду его бесполезности и политической «безопасности» старообрядцев.

Литература

Амбарцумов И.В. Полемика о свободе совести в русской светской и церковной печати в конце 1904 — первой половине 1905 года // Христианское чтение. 2010. № 2 (33). С. 120–144.

Андреев М.А. Редакторская деятельность М.Н. Каткова и проблемы религиозной жизни в российском обществе второй половины XIX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 135–137.

Бендин А.Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92.

Биюшкина Н.И. Анализ политико-правовых и духовно-религиозных последствий реформаторского курса Александра II в трудах князя В.П. Мещерского // Современное право. 2011. № 2. С. 153–155.

Бытко С.С. Размышления о революционном потенциале старообрядчества в нравственной философии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 24. СПб., 2024. С. 206–222.

Верняев И.И. Этническое и конфессиональное в старообрядческом вопросе середины — второй половины XIX в. // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 98–113.

Вихрова Н.Н. И.С. Аксаков и М.Н. Катков: к вопросу об идеологических разногласиях в стане консервативной журналистики второй половины XIX века // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева. М., 2018. С. 213–223.

Гаврилов И.Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения М.Н. Каткова // Христианские чтения. 2018. № 3. 192–214.

Горизонтов А.Е. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах. М., 1998. С. 140–167.

Григорьев А.Б. Гектографические издания в собрании РГБ, посвященные полемике вокруг «Окружного послания» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие, философия, религиоведение. 2014. № 3 (53). С. 93–130.

Даль В.И. Полное собрание сочинений в прижизненных публикациях. URL: <https://philolog.petsu.ru/vdahl/texts/texts.htm> (дата обращения: 12.03.2021).

Катков М.Н. Идеология охранительства. М., 2009.

Кожурин А.Я., Кожурин К.Я. Старообрядчество в работах русских консерваторов второй половины XIX — начала XX века // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2014. № 36. С. 277–284.

Куратов А.С. К.П. Победоносцев и его взгляды на взаимоотношения церкви, власти и государства // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 16–23.

Лебедева Г.Н. М.Н. Катков о роли русской православной церкви в нацистроительстве // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 136–145.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб., 2000–2017.

Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. М., 2008.

Нуреева С.В. К.П. Победоносцев о духовной основе государства и права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 11–19.

Отливанчик А.В. «Гражданин» издаётся лицом больнымъ и беспокойнымъ...». Из писем М.П. Погодину 1873–1874 гг. // Неизвестный Достоевский. 2017. № 3. С. 31–45.

Отливанчик А.В. Т.И. Филиппов — сотрудник журнала «Гражданин» в 1873–1874 гг. (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. 2017. № 3. С. 16–30.

Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993.

Полунов А.Ю. Национальное и религиозное в системе имперского управления: к вопросу о деятельности и политических взглядах К.П. Победоносцева // Государственное управление. 2012. № 34. С. 16.

Посадский А.В., Посадский С.В. Интерпретация русского культурного самосознания в публицистическом наследии Л.А. Тихомирова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2006. Т. 171. С. 217–234.

Поташенко Г.В. М. Муравьев, «польский вопрос» и старообрядцы Литвы: зигзаги конфессиональной политики в 1863–1865 гг. // Lietuvos katalikų mokslo akademijos Metraštis. 2005. Т. 26. С. 349–367.

Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994.

Ряжев А.С. Казачья история юга и юго-востока России XVIII — начала XIX в. в контексте этноконфессиональных отношений: историографические заметки // Монголоведение. 2019. № 16. С. 5–22.

Свиридов И.С. Распространение сектантства в великорусской деревне на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. Вып. 2 (166). С. 98–105.

Селезнёв Ф.А. Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 78–90.

Селезнёв Ф.А. П.И. Мельников и старообрядцы // Нижегородский краевед. Вып. 4. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ННГУ им. Лобачевского, 2018. С. 19–41.

Селезнёв Ф.А. П.И. Мельников-Печерский — писатель, историк, краевед // П.И. Мельников-Печерский: жизнь и творчество (библиографический указатель). Нижний Новгород, 2013. С. 6–21.

Сенатов В.Г. Философия истории старообрядчества. М., 1995.

Сметанина Т.А. Консервативный проект социализации личности: К.П. Победоносцев // Вестник Мининского университета. 2013. № 1. С. 7.

Столярова И.Ф. Историческое предназначение русского народа в социально-политической концепции К.Н. Леонтьева // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 278–280.

Тихомиров Л.А. Вероисповедный состав России. М., 1902.

Товбин К.М. Православное единоверие и его роль в русской секуляризации // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 83–96.

Товбин К.М. Староверие как реакция на секуляризацию России. Часть 1 // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2006. № 21. С. 401–420.

Труды Государственного Румянцевского музея. Вып. II. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Письма и записки / С пред. М.Н. Покровского. Петроград, 1923.

Т-ский Ф. Известие о присоединении к единоверию майноосцев некрасовцев // Православное обозрение. 1872. № 9–12. С. 472–475.

Усов П.С. Помор-философ // Исторический вестник. 1886. Т. XXIV. С. 145–160.

Усов П.С. Среди скитниц // Исторический вестник. 1887. Т. XXVII. С. 308–344.

Филиппов Т.И. О нуждах единоверия // Русское воспитание. М., 2008. С. 244–282.

Филиппов Т.И. Три замечательных старообрядца. СПб., 1899.

Michelson P.L. Freedom of Conscience in the Clerical Imagination of Russian Orthodox Thought, 1801–1865 // Religious freedom in modern Russia. Pittsburgh, 2018. P. 81–103.

References

Ambarcumov I.V. The Freedom of Conscience Controversy in Russian Secular and Church Press in Late 1904 — First Half Of 1905. Christian Reading, 2010, no. 2 (33), pp. 120–144. (in Russian)

Andreev M.A. The editorial work of M.N. Katkov and the problems of religious life in Russian society in the second half of the 19th century. Scientific Notes of the Orel State University, 2013, no. 4 (54), pp. 135–137. (in Russian)

Bendin A.Ju. Polish Revolt of 1863 in Destinies of Old Believers of the Northwest Territory of Russian Empire. RUDN Journal of Russian History, 2011, no. 1, pp. 77–92. (in Russian)

Bijushkina N.I. Analysis of the political, legal, spiritual and religious consequences of the reform course of Alexander II and in the writings of Prince V.P. Meshcherskij. Modern Law, 2011, no. 2, pp. 153–155. (in Russian)

Bytko S.S. Reflections on the revolutionary potential of the Old Believers in Dostoevsky's moral philosophy. *Dostoevsky. Materials and research*. Vol. 24. St. Petersburg, 2024, pp. 206–222. (in Russian)

Vernjaev I.I. The Ethnic and the Religious in the Old Believers Question in the Mid–Late 19th Century. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 98–113. (in Russian)

Vihrova N.N. I.S. Aksakov and M.N. Katkov: on the issue of ideological differences in the camp of conservative journalism in the second half of the nineteenth century. Literature and religious and philosophical thought of the late nineteenth and the first third of the twentieth century. On the 165th anniversary of V. Solovyov. Moscow, 2018, pp. 213–223. (in Russian)

Gavrilov I.B. To the Characterization of the Religious-Philosophical Worldview of M.N. Katkov. *Christian Reading*, 2018, no. 3, pp. 192–214. (in Russian)

Gorizontov L.E. The Schismatic wedge. The Polish question and the Old Believers in the imperial strategy. *Slavic Almanac*. Moscow, 1998, pp. 140–167. (in Russian)

Grigorev A.B. Letters Dedicated to Polemics around the "Encyclical", from the Hectograph Text Collection of the Russian State Library. *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 2014, no. 3 (53), pp. 93–130. (in Russian)

Dal V.I. Complete works in lifetime publications. URL: <https://philolog.petsu.ru/vdahl/texts/texts.htm> (access date: 12.03.2021). (in Russian)

Katkov M.N. Ideology of protection. Moscow, 2009. (in Russian)

Kozhurin A.Ja., Kozhurin K.Ja. Old Belief in the Works of Russian Conservatives of Second Half of XIX — Early XX Century. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2014, no. 36, pp. 277–284. (in Russian)

Kuratov A.S. K.P. Pobedonostsev and His Views on Relations Between Church, State and Society. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2015, no. 3 (7), pp. 16–23. (in Russian)

Lebedeva G.N. M. N. Katkov about the Role of Russian Orthodox Church in the "Nation Building". *Russian-Byzantine Herald*, 2019, no. 1 (2), pp. 136–145. (in Russian)

Leontev K.N. Complete works and letters: In 12 volumes. St. Petersburg, 2000–2017. (in Russian)

Melnik V.I. Goncharov and Orthodoxy. The spiritual world of the writer. Moscow, 2008. (in Russian)

Nureeva S.V. K.P. Pobedonostsev on a Spiritual Basis of State and Law. *Actual Problems of Russian Law*, 2012, no. 2, pp. 11–19. (in Russian)

Otlivanchik A.V. «Grazhdanin» is Published by an Ill and Restless Person...» From the letters of T. I. Filippov to M. P. Pogodin (1873–1874). *The Unknown Dostoevsky*, 2017, no. 3, pp. 31–45. (in Russian)

Otlivanchik A.V. T.I. Filippov — an employee of the magazine "Citizen" in 1873–1874 (based on archival materials). *The Unknown Dostoevsky*, 2017, no. 3, pp. 16–30. (in Russian)

Pobedonoscev K.P. The Great Lie of our time. Moscow, 1993. (in Russian)

Polunov A.Ju. National and religious in the system of Imperial government: on the question of K.P. Pobedonoscev activities and political views. *Public Administration*, 2012, no. 34, pp. 16.

Posadskij A.V., Posadskij S.V. Interpretation of Russian cultural identity in L.A. Tikhomirov's journalistic legacy. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2006, Vol. 171, pp. 217–234. (in Russian)

Potashenko G.V. M. Muravev, "The Big Question" and foreign writers: the zigzags of international politics in 1863–1865. *Lietuvių katalikų mokslo akademijos Metraštis*, 2005, vol. 26, pp. 349–367. (in Russian)

Rjabushinskij V.P. Old Believers and Russian religious feeling. Moscow; Jerusalem, 1994. (in Russian)

Rjazhev A.S. 18th — Early 19th Century Cossack History of South and Southeast Russia in the Context of Ethno-Confessional Relations: Historiographic Notes. *Mongolian Studies*, 2019, no. 16, pp. 5–22. (in Russian)

Sviridov I.S. Propagation of Sectarianism in the Great Russian Village on the Cusp Of XIX–XX Centuries. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 2 (166), pp. 98–105. (in Russian)

Seleznjov F.A. D.V. Sirotkin and the All-Russia Conventions of Old Believers in the Early XXth Century. *Russian History*, 2005, no. 5, pp. 78–90. (in Russian)

Seleznjov F.A. P.I. Melnikov and the Old Believers. *Nizhny Novgorod local historian. Is. 4. Nizhny Novgorod*, 2018, pp. 19–41. (in Russian)

Seleznjov F.A. P.I. Melnikov-Pechersky — writer, historian, local historian. P.I. Melnikov-Pechersky: life and work (bibliographic index). *Nizhny Novgorod*, 2013, pp. 6–21. (in Russian)

Senatov V.G. *Philosophy of the history of the Old Believers*. Moscow, 1995. (in Russian)

Smetanina T.A. Conservative Project of the Socialization of Personality: K.P. Pobedonostsev. *Vestnik of Minin University*, 2013, no. 1, p. 7. (in Russian)

Stoljarova I.F. The Historic Mission of the Russian Common People in the Socio-Political Concept of K.N. Leontiev. *Socio-humanitarian knowledge*, 2018, no. 1, pp. 278–280. (in Russian)

Tihomirov L.A. *The religious structure of Russia*. Moscow, 1902. (in Russian)

Tovbin K.M. The Orthodox Edinoverie and its Role in Russian Secularization. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 8, pp. 83–96. (in Russian)

Tovbin K.M. Old Faith as a reaction to the secularization of Russia. Part 1. *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, 2006, no. 21, pp. 401–420. (in Russian)

Proceedings of the State Rumyantsev Museum. K.P. Pobedonoscev and his colleagues. Letters and notes. With the introduction of M.N. Pokrovsky. Petrograd, 1923, vol. 1, Is. II. (in Russian)

T-skij F. The news of the accession of the Mainos Nekrasovites to the same faith. *Orthodox Review*, 1872, no. 9–12, pp. 472–475. (in Russian)

Usov P.S. Pomorsky. *Historical Bulletin*, 1886, vol. XXIV, pp. 145–160. (in Russian)

Usov P.S. In broad daylight. *Historical Bulletin*, 1887, vol. XXVII, pp. 308–344. (in Russian)

Filippov T.I. On the needs of the One Faith. *Russian education*. Moscow, 2008, pp. 244–282. (in Russian)

Filippov T.I. Three remarkable Old Believers. *St. Petersburg*, 1899. (in Russian)

Michelson P.L. *Freedom of Conscience in the Clerical Imagination of Russian Orthodox Thought, 1801–1865. Religious freedom in modern Russia*. Pittsburgh, 2018, pp. 81–103.

главный специалист отдела публикации исторических документов, Российский государственный архив литературы и искусства

Россия, Москва, ул. Выборгская, д. 3, корп. 2

E-mail: joli-maslova@yandex.ru

Письма С.Т. Большакова к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ)

В статье публикуются избранные письма С.Т. Большакова к В.Г. Дружинину, приводится характеристика личности и деятельности книготорговца. Впервые ставится вопрос о степени участия С.Т. Большакова в религиозной полемике. Исследование исторического контекста писем показало значение Нижегородской ярмарки, ставшей культурным и деловым центром для старообрядцев со всей России. Подаренный историку портрет епископа Конона позволил доказать причастность С.Т. Большакова к созданию работы А.С. Пругавина «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости». На основе переписки рассматривается принцип формирования и состав коллекции В.Г. Дружинина. Раскрыта судьба уникального артефакта — иконы поморских отцов Андрея и Симеона (Денисовых), Петра (Прокопиева) и Даниила (Викулова), попавшей в коллекцию Е.В. Барсова. Расшифровано сокращенное название брошюры епископа Пафнутия Овчинникова «Белая Криница и российские старообрядцы», подаренной В.Г. Дружинину. Автор статьи дал развернутый комментарий к приписке, сделанной рукой С.Т. Большакова, о состоявшемся в декабре 1904 г. экстренном совещании членов Совета Всероссийского старообрядческого попечительства в Нижнем Новгороде.

Ключевые слова: переписка, книготорговля, антиквариат, библиофил, коллекция, старообрядчество, полемика, миссионер, В.Г. Дружинин, С.Т. Большаков, Нижегородская ярмарка, Всероссийские старообрядческие съезды.

...

Для цитирования: Маслова Ю.В. Письма С.Т. Большакова к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ) // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 2. С. 90–107. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0100

Main Expert of the Department for Publication of Historical Documents, Russian State Archive of Literature and Art

Russia, 125212, Moscow, Vyborgskaya str., 3, building 2
E-mail: joli-maslova@yandex.ru

The letters from S.T. Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art)

The article publishes selected letters from S.T. Bolshakov to V.G. Druzhinin, and provides a description of the bookseller's personality and activities. For the first time, the question is raised about the degree of S.T. Bolshakov's participation in religious polemics. The study of the historical context of the letters showed the importance of the Nizhny Novgorod Fair, which became a cultural and business center for Old Believers from all over Russia. The portrait of Bishop Konon, presented to the historian, made it possible to prove S.T. Bolshakov's involvement in the creation of A.S. Prugavin's work "Old Believer Bishops in the Suzdal Fortress." Based on the correspondence, the principle of formation and composition of the V.G. Druzhinin collection is considered. The fate of a unique artifact has been revealed — the icons of the Pomeranian fathers Andrei and Simeon (Denisov), Peter (Prokopiev) and Daniel (Vikulov), which entered the collection of E.V. Barsov. The abbreviated title of Bishop Paphnutiy Ovchinnikov's pamphlet "White Krinitza and the Russian Old Believers", presented to V.G. Druzhinin, has been deciphered. The author of the article gave a detailed commentary to the postscript, written by S.T. Bolshakov, about the December 1904 event. an emergency meeting of the members of the Council of the All-Russian Old Believers' Trusteeship in Nizhny Novgorod.

Keywords: correspondence, bookselling, antiques, bibliophile, collection, Old Believers, polemic, missionary, V.G. Druzhinin, S.T. Bolshakov, Nizhny Novgorod Fair, All-Russian Old Believer congresses.

...

For citation: Maslova J.V. The letters from S.T. Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art). *Old Believer*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 90–107. DOI: 10.24412/2949-4001-2024-0100

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся письма антиквара и букиниста Сергея Тихоновича Большакова, адресованные историку, археографу и коллекционеру Василию Григорьевичу Дружинину. Всего насчитывается 43 письма (6 марта 1897 — 2 декабря 1905), написанных разными почерками и завизированных С.Т. Большаковым. В них содержатся данные о предмете купли-продажи: названия книг, датировка, стоимость и способ ознакомления с товаром перед покупкой и т.п. Наряду с деловой информацией, в письмах встречаются краткие сообщения личного характера, а также упоминание о значимых лицах и событиях. Однако далеко не все письма информативны — некоторые являются простым напоминанием о взятой рукописи и/или содержат просьбу о возврате находящихся на рассмотрении предметов, уточняют цену, поэтому в публикации они не рассматриваются. Мы выбрали 14 писем с наиболее интересным, на наш взгляд, историческим контекстом.

Личность автора и обстоятельства его жизни в немалой степени влияют на восприятие текста корреспонденции. В.Г. Дружинин так описывает петербургское отделение книготорговой фирмы:

«На Апраксином была также лавка С.Т. Большакова, московского известного антиквара, торговца рукописями. Это был филиал его Московской торговли. В этой лавке были исключительно старопечатные книги и рукописи. В ней приказчиком был Солнцев; сам же Большаков наезжал от время до времени, привозил товар и учитывал своего приказчика. <...> Когда умер Солнцев, Большаков закрыл лавку, и только когда вырос его сын Дмитрий, он поручил ему опять вести торговлю на Апраксином рынке» [Дружинин, 2019. С. 466–467].

Известный коллекционер Петр Иванович Щукин, покупавший русскую старину у крупных антикваров в Москве, вспоминает о Большакове, как о типичном антикваре. Сергея Тихоновича, пишет Щукин, часто можно было встретить на улице с тяжелым мешком, в котором он носил какие-нибудь вещи. При продаже их С.Т. Большаков

«имел обыкновение говорить что-нибудь лестное своему покупателю; например, если И.Е. Забелин торговал у Сергея Тихоновича какую-либо вещь, то последний говорил: "Вчера упоминалось ваше святое имечко", на что Иван Егорович шутя отвечал: "За лесть прибавлю рубль"» [Щукин, 1997. С. 216].

Петр Иванович подметил, что ходил Большаков в черном поношенном сюртуке, который носил, по признанию книготорговца, уже четверть века, что вполне укладывается в понятия о трудовой этике и аскетизме старообрядцев, желавших тратить заработанные средства скорее на благотворительность, чем на блестящую внешность.

Занимавшийся комплектованием библиотеки Российского Исторического музея А.И. Станкевич не раз встречался с Сергеем Тихоновичем. Думается, что трения, возникавшие у него с Большаковым в ходе торговли, стали причиной резкой оценки его внешности и поведения:

«Большаков был типичным представителем букинистов старого времени и владел лавкой на Старой площади, где торговал старопечатными книгами, старинными иконами и разной церковной утварью. Он был старовер — по Рогожскому кладбищу — и пользовался большим авторитетом и популярностью среди своих единомышленников. Он был большой знаток всего относящегося до раскола, но был очень недалек, хотя и неглуп, а также и большой болтун и сплетник,

любил сообщать разные анекдоты про богатых московских купцов-раскольников, не прочь был польстить, а когда начинался торг, то запрашивал чуть не втрое или вчетверо и, устав сам и утомив до крайности покупателя, уступал нередко книгу за очень недорогую цену. Несмотря на хорошее состояние, он постоянно ходил в поношенном, истертом по швам сюртуке, руки у него были постоянно сомнительной чистоты, ногти особенно бросались в глаза, до того они были грязны. Здороваясь и прощаясь, и во время разговора, когда он просил прибавить к цене, назначенной мною или Забелиным, он кланялся как-то особенно низко, буквально перегибаясь пополам, и глубоко вздыхал. Товар свой — книги, рукописи иногда и вещи — он носил в простом холщовом мешке, закидывая его за спину. Беседовать с ним по разным вопросам по расколу было интересно, но торговаться приходилось с ним иной раз, как говорится, до седьмого пота» [Станкевич, 1997. С. 50].

В XIX — начале XX вв. существовала распространенная практика религиозных диспутов между миссионерами господствующей церкви и старообрядческими начетчиками. Насколько Сергей Тихонович был вовлечен в процесс религиозной полемики — предстоит еще выяснить. К детальному изучению этой проблемы подвигает несколько фактов. Во-первых, в словаре А.А. Половцова об отце, Тихоне Федоровиче, говорится, что в 1846–1847 гг., при введении в России Белокриницкой иерархии, «Большаков — природный старообрядец — оказал своим единоверцам важные услуги, благодаря своему знанию канонических правил» [Русский биографический словарь, Т. 3, 1908. С. 208]. Во-вторых, известный старообрядческий начетчик, публицист и богослов И.Г. Кабанов (Ксенос) в 1874 г. написал ответ С.Т. Большакову на его вопрос о статьях Тертия Ивановича Филиппова в отношении клятв, положенных Московским собором 1666 г. на приверженцев старой веры [Григорьев, 2014. С. 102–105]. В-третьих, С.Т. Большаков присутствовал на дискуссии между «православными и старообрядцами», проходившей в Москве 20 апреля 1872 г. в доме А.И. Хлудова.

«Когда мы пришли, зала уже полна была посетителей, лиц разного звания и даже пола. Председательствовал на стороне православных игумен Никольского единоверческого монастыря о. Павел; в числе других посетителей из православных мы заметили И.В. Хавского, Ник. Ив. Субботина, Павла Ив. Мельникова, Ив. А. Михайлова, Андр. Ник. Попова, Пятницкого свящ. И. Виноградова (прибывшего позднее других) и других духовных и светских особ. <...> На стороне старообрядцев мы видели ревностного раскольника Петра Васильевича, книжного торговца, который так известен своими резкими выходками на кремлевских сходках, Андрея Александровича — Нижегородского, Ивана Дмитриевича — юхотника, Антона Егоровича, Сергея Тихоновича Большакова, Малахию Давыдовича (сын известного в расколе Давида Антипова), Ананию Григорьевича Боева и др.» [Моск. епарх. вед. 1872, № 18. С. 121].

Главным предметом «собеседования» был анализ причин церковного разделения. В-четвертых, в 1892 г. С.Т. Большакову подробно излагает историю своих исследований о крещении митрополита Амвросия Белокриницкого священник Евфимий Мельников, принявший путешествие в Грецию [Старообрядец, 1907, № 7–8. С. 860–869]. Все приведенные факты говорят об авторитете С.Т. Большакова в среде защитников старой веры.

По свидетельству П.И. Щукина,

«в лавке С.Т. Большакова часто собирались приезжавшие на [нижегородскую] ярмарку старообрядцы. Посещал на ярмарке Сергея Тихоновича также нижегородский священник Александр Васильевич Кармазинский, из церкви Воскресения Христова, что на Яриле. Во время ярмарки

Кармазинский вел прения со старообрядцами в старом ярмарочном соборе» [Щукин, 1997. С. 219–220].

Ярмарку как центр торговли древними старопечатными и рукописными книгами Тихон Федорович Большаков впервые посетил в 1861 г. Сергей Тихонович продолжил начинание отца, открыв на Нижегородской ярмарке собственную лавку в Ярославском ряду, находившемся рядом с трактиром Бубнова. В июне 1899 г. С.Т. Большаков сообщает В.Г. Дружину, что будет на ярмарке и приглашает его побывать там:

**«Москва 22/VI 99 г.
Милостивый Государь
Василий Григорьевич!**

Письмо Ваше и 35 руб. получил, за что очень, очень Вам благодарен. Извините, пожалуйста, что я Вас беспокоил письмом. Написано и опущено в ящик без моего ведома, хотя и с моей подписью, но я Вам все расскажу лично.

Будете в августе в Нижегородской ярмарке — милости просим зайти к нам — мне будет весьма приятно с Вами повидаться. Также к тому времени я приобрету что-нибудь для Вас интересное, может быть.

С совершенным почтением, имею честь быть готовым к Вашим услугам Сергей Большаков. А когда у нас будут рукописи со стихами, то мы Вам с удовольствием тогда их доставим.

Вообще, что будет мало-мальски интересно, с удовольствием Вам буду присылать» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 4–4об.].

В письме от 5 сентября 1901 г. Большаков сообщает о приобретении на Нижегородской ярмарке «несколько интересных рукописей»:

**«Милостивый Государь!
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Поздравляю Вас с благополучным возвращением. Я на Нижегородской ярмарке приобрел несколько интересных рукописей, которые Вам решил послать. В свободное для Вас время, будьте любезны рассмотреть. Касательно цены, я в полной уверенности, что мы с Вами сойдемся. Приблизительную цену я решил поставить. Ответ благоволиите передать господ[ину] Макарову или написать в Москву. А „Виноград“ я посылаю Вам только для слички: хорошо помню, что приобрели уже у нас. Конечно, если Вы желаете, я с удовольствием его Вам уступлю в 75 или сменяю.

С совершенным почтением, честь имею быть Ваш покорнейший слуга Сергей Большаков. 5 сент[ября] 1901. Москва» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 14].

Об уровне книжных памятников, продаваемых С.Т. Большаковым на ярмарке, можно судить по отзыву корреспондента «Современных известий», помещенного в «Московских церковных ведомостях».

«Кроме множества различных товаров, привозимых на ярмарку, привозятся еще и такие, круг потребителей которых весьма ограничен. Мы хотим сказать о торговле старыми русскими рукописями, сбываемыми на Нижегородской ярмарке. Торговля эта, кроме известных лавок Большакова и Силина, производится еще в темных углах (известных только опытным и старым собирателям) и частью в разноску. Какие драгоценности, какой иногда серьезный вклад в науку заключают в себе эти подчас замасленные и оборванные листки. <...> Но самая замечательная рукопись находится в настоящее время в лавке С.Т. Большакова, которую он желает продать не

менее как за 1500 руб. Это рукопись в лист на 232 л. крупным полууставом XVI века с 40 раскрашенными с золотом картинками в тексте» [Моск. церков. вед., 1881. № 36. С. 492].

Автор заметки называет рукопись — это Житие преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. По легенде, она была написана по приказанию митрополита Филиппа и принадлежала Соловецкому монастырю.

Из письма С.Т. Большакова от 20 января 1900 г. мы узнаем, что Дружинин хотел получить фотографию старообрядческого епископа Конона, много лет содержавшегося в тяжких условиях в Суздальской монастырской тюрьме:

**«Милостивый Государь
Василий Григорьевич!**

Желаю Вам всего лучшего. Очень Вам благодарен за Ваш любезный прием. И покупкой очень доволен.

По желанию Вашему препровождаю Вам карточку епископа Конона в подарок. Будьте любезны, сообщите, где и кто напечатал об нем статью. Благодарю.

Да еще я приобрел 2 рукописи. Не найдете ли Вы нужным их себе взять. Это [в] 8-ю долю, характер[ный] поморский, цена 25 руб. А другая в 4-ю [долю] поповце[в], 10 руб. А пожелаете взять обе, то 30 руб. Деньги вручите подателю или останутся за Вами. При случае отдадите.

[С] совершенным почтением, имею честь быть искренно уважающий Вас, поставщик рукописей Сергей Большаков.

20 января 1900 Москва» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 8].

Епископ Конон (Козьма Трофимович Смирнов; 12 октября 1797/1798 — 21 января 1884) родился в станице Есауловой в земле Войска Донского. Желание Василия Григорьевича иметь «карточку» епископа можно объяснить происхождением Конона из донских казаков, о которых историк написал магистерскую диссертацию «Раскол на Дону в XVII веке». Продолжением этой темы стала публикация «Донских дел» в пяти книгах, вышедших в Русской исторической библиотеке, издаваемой Археографической комиссией. Первую книгу, увидевшую свет в 1898 г., Дружинин подарил Большакову:

**«Москва 28/ III 99 г.
Милостивый Государь!
Многоуважаемый
Василий Григорьевич**

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за присланную книгу — прекрасный и почтеннейший труд. Очень-очень доволен. Прекрасная Ваша книга новая «Донские дела». Очень жаль, что Вам не подошли мои рукописи [нрзб.]. Когда еще что будет, сообщу или пришлю. Искренно благодарный Вам, уважающ[ий] Вас С. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 2].

Сергей Тихонович просит указать ему некую статью о епископе Кононе. Сделаем предположение, что это могла быть «Летопись раскола», публикация настоятеля Московского Никольского единоверческого монастыря архимандрита Павла Прусского. Статья разделена на три части: одна посвящена архиепископу московскому Антонию Шутову, вторая — освобождению из заключения в Суздальском Спасо-Ефимиевском монастыре старообрядческих архиереев Аркадия Славского, Конона Новозыбковского и Геннадия Пермского, а третья — смерти автора «Окружного послания» И.Г. Кабанова. Архимандрит Павел (Леднев

Петр Иванович; 1821–1895) был известный миссионер и публицист, посвятившись многие годы полемике со старообрядчеством. О посещении кельи Конона в суздальском монастыре он пишет:

«Нас встретил старичок преклонных лет, довольно высокого роста, весьма худощавый, и кроткий, располагающей к нему наружности: черты лица довольно крупные, порядочной величины борода, совершенно седая, и такие же волосы, в беспорядке выбившиеся из-под камилапочки с венчиком, — потухшие, опущенные в землю глаза, тихий, незвучный голос... Одет он довольно опрятно, в подряснике и полумантии. Встретил нас приветливо; мне сказал, что знает меня по сочинениям» [Братское слово, 1883. № 3. С. 195].

Статьей о епископе Кононе могла быть и публикация в периодике (пока не выявленная нами) исследователя старообрядчества Александра Степановича Пругавина. Основание предполагать существование такой статьи, дает запись на обороте визитной карточки С.Т. Большакова:

«Ваше благословение священноиерей Петр. Сего подателя г. Пругавина Алексея, кажется Степанович, примите и ежели угодно, то за его Иван Иванович Шibaев поручится. Ему нужно сведение об епископах, что содержащихся в Суздали на пользу их» [РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 233. Л. 3].

Запись на визитке датируется 12-м мая 1881 г. С.Т. Большаков, очевидно, не был близко знаком с Пругавиным, т.к. путает его имя, называя Алексеем, и сомневается в отчестве. В 1908 г. А.С. Пругавин издал книгу «Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости» о содержащихся свыше 20 лет в тюрьме монастыря старообрядческих епископах. Их освободили 8 сентября 1881 г., т.е. спустя всего четыре месяца после рекомендации, данной Пругавину. На визитке Большакова упоминается Иван Иванович Шibaев — старообрядец, московский купец, сорок лет являвшийся одним из попечителей Рогожского кладбища. Его авторитет должен был открыть перед А.С. Пругавиным двери в закрытый старообрядческий мир. К визитке приложен конверт: «Господину Петру Федоровичу Дергунову в Рогожской улице близ частного дома в Тупом переулке. Соб[ственный] дом направо» [РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 233, Л. 2]. Петр Федорович Драгунов (Дергунов) (ок. 1820 — 17.08.1901) был одним из первых штатных московских священников в храмах Рогожского кладбища, духовником многих значимых прихожан, таких, например, как дальний родственник С.Т. Большакова К.Т. Солдатенков. Написав о тюремном заключении епископов «на пользу их», Сергей Тихонович, безусловно, руководствовался цензурными соображениями.

В следующем письме от 4 октября 1901 г. В.Г. Дружинину предлагаются брошюры отца Иоанна Кронштадтского «О Кресте Христовом (против раскольников)», сочинение епископа Арсения Швецова и труд начетчика и апологета старообрядчества Антона Егоровича Егорова — «Возражение» епископу Павлу Прусскому и единоверческому священнику Прокпию:

**«Москва 4/Х 1901
Милостивый Государь,
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Желаю Вам всего лучшего.

Очень Вам благодарен за любезный прием. Посылаю Вам 4 брошюры, о которых Вы говорили, и рукопись очень интересную для Вас с Выгорецким собором. За все позвольте попросить 50 руб. (кроме оставленного у Вас), а именно:

О кресте в 4-ку против старообрядцев 25 р.

Сочинение Швецова 3.

Возражение против Павла Прусского

и Прокопия рукоп. в 4-ку нов. 15 р.

С совершенным почтением, готовый к услугам

Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 15–15об.].

Епископ Уральский и Оренбургский Арсений (Швецов Анисим Васильевич; 1840–1908) был одним из самых плодотворных старообрядческих писателей белокриницкого согласия. В начале 1870-х гг. он активно участвовал в прениях с миссионерами господствующей церкви и представителями различных старообрядческих согласий. Любопытно, что в статье автора Е. А-в «Из Преображенского (Два письма в редакцию)», к рассказу о религиозных прениях со старообрядцами, сделано примечание, что епископ Арсений Швецов, живший в Мануиловском монастыре в Румынии, вернувшись в Россию, немедленно отправился на Нижегородскую ярмарку «пропагандировать раскол из лавочки Большакова» [Братское слово, 1883, № 3. С. 143–144]. Епископ Арсений стал организатором сети типографий Белокриницкой иерархии, в том числе за рубежом, выбирал книги для издания, контролировал работу типографий, занимался рассылкой литературы на места. Его сочинения «Истинность старообрядческой иерархии...», «Оправдание Старообрядческой Церкви», «Жизнь и подвиги старообрядческого архиепископа Антония», «Книга об антихристе...» и другие стали классикой старообрядческой апологетики.

Как видим, С.Т. Большаков торговал не только антиквариатом и букинистикой, но и современной богослужебной, богословской и апологетической литературой. Подобного рода торговля имела определенные риски. Так, в 1874 г., на Симбирской ярмарке, с Сергеем Тихоновичем произошел характерный случай. Полиция произвела обыски в книжных лавках книгопродавцев С.Т. Большакова, М. Хваткова и Е.Г. Перевощикова. Между старопечатными книгами она нашла несколько богослужебных книг старообрядческой печати, изданных в Почаевской лавре. Симбирская духовная консистория, куда были отправлены на рассмотрение арестованные книги, признала их «раскольническими». Полиция арестовала книги на сумму более 10 тысяч рублей. Хватков объяснил полиции, что он торговал книгами по поручению Большакова. Последний сказал, что

«в этом деле он никакого преступления не видит, он торговал, как и теперь торгует „книгами бесцензурного издания, но все-таки дозволенными, употребляющимися не только в старообрядческих молельнях, но и в единоверческих церквях... В конфискованных книгах, по его словам, ничего вредного, противозаконного нет, кроме молитв и церковного чиноположения (?), они изданы

без дозволения цензуры, но потому, что печатались еще до существования цензуры, возникшей лишь в прошлом столетии". Защитительная речь Большакова под конец превратилась в обвинение консистории, которая, обозвав книги огулом раскольническими, впала, по его словам, в недоумение...» [Прибавления к Тульск. епарх. вед., 1879, № 20. С. 208–209].

Случай на Симбирской ярмарке был далеко не единичным. В РГАЛИ хранится «Дело об изъятии у книготорговцев С.Т. Большакова и Иванова раскольнических книг старой печати, предназначенных для продажи П.П. Вяземскому» [РГАЛИ. Ф.195. Оп. 1. Ед. хр. 3627. Л. 1–56]. В мае 1874 г. конфисковано 230 книг у С.Т. Большакова и 285 у Иванова. Книги были изъяты из лавки судебным следователем 3-го участка Санкт-Петербурга и переданы в Духовную Консисторию для вынесения заключения по ним. Вернули товар только через год.

Вероятно, обострение отношений старообрядчества с официальным православием спровоцировал закон «О раскольнических браках» от 19 апреля 1874 г. Согласно ему, браки старообрядцев признавались правомочными, наравне с браками, заключенными в господствующей церкви. Также закон отменял обязанность старообрядцев крестить своих детей в господствующей церкви, тем самым признавая крещение старообрядцев законным. Это сильно подрывало аргументацию штатных миссионеров, ведущих идеологическую войну с приверженцами старой веры. Ответом Православного Миссионерского Общества на государственный закон стало учреждение в 1874 г. еженедельного журнала «Миссионер». Еще одно издание «Московские епархиальные ведомости» регулярно помещало миссионерскую хронику, зорко следившую за тем, что происходило в среде старообрядчества. Например, упоминавшееся выше письмо отца Евфимия Мельникова к С.Т. Большакову стало ответом на недостоверное изложение изданиями «Черниговские епархиальные ведомости» и «Братское слово» причин и обстоятельств его путешествия на родину митрополита Амвросия. Отец Евфимий, испытывая горечь от искажения фактов в миссионерской периодике, пишет, что эта «примесь есть собственная их и противоречит не только истории почтенного г. Н.И. Субботина и прочим, но даже и самому патриаршему протоколу» [Старообрядец, 1907, № 7–8. С. 869].

Тенденциозности миссионерских изданий могла противостоять только светская наука, ярким представителем которой был В.Г. Дружинин. В письме от 7 мая 1902 г. Сергей Тихонович хвалит археографа за работу «по изучению нашей истории по расколу»:

**«Москва 1902 года Мая 7-го дня
Милостивый Государь
Уважаемый Василий Григорьевич!**

Желаю Вам всего лучшего.

Письмо Ваше получил, на что и отвечаю. Пять рукописей, про какие Вы пишете, действительно есть за Вами, и они у меня числятся в книге. Что же касается цены их, то мы с Вами сделаемся об них лично. А за две рукописи, оставленные мною Вам лично [сыном], я меньше 100 руб. взять не могу. Если подойдут, то оставьте их у себя, а не подойдут, при случае воротите обратно почтой, так как я боюсь, чтоб они не могли забельшиться¹ в лавке моей в Петербурге с другими.

Также ежели можно и не стеснит Вас, пошлите деньги через почту в Москву. Так как я ездил в провинцию, купил рукописей и старопечатных книг, деньжонками поистратился, и они мне

¹ Затеряться.

очень нужны. Где есть стихи покаянные поморского сочинения, письма и напева. Это в одной из книг, приобретенных мной.

Касательно портретов 12-и, признаюсь, затрудняюсь сказать что-нибудь, какие они. Также испрашивал у лица, у которого приобрел, он тоже сказал не знаю. Если назначенная нами цена дорога, предложите свою. Очень сожалею, что у Вас всегда столько работы и Вы всегда так много трудитесь, и в то же время работаете по изучению нашей истории по расколу — за это Вам честь и слава. Если нужно, что по поводу этой литературы, всегда к Вашим услугам.

Мои сыновья искренно благодарят за любезную память и свидетельствуют Вам свой привет.

С совершенным почтением,
всегда готовый к услугам Вашим

Сергей Большаков.

P.S. Петр Иванович Щукин сегодня отправляется в Константинополь, где пробудет два месяца.

Очень рад, что Ваше пророчество про господина Кобеко сбылось».

[РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 21–210б.].

Приписка о сбывшемся «пророчестве про господина Кобеко» объясняется достаточно просто. В 1899 г., после смерти директора Императорской Публичной библиотеки А.Ф. Бычкова, на эту должность была предложена кандидатура Дмитрия Фомича Кобеко (1837–1918). Однако государь предпочел назначить Н.К. Шильдера, который в апреле 1902 г. скончался. Тогда директором библиотеки и был назначен Д.Ф. Кобеко, занимавший эту должность до января 1918 г. Для С.Т. Большакова судьба библиотеки была тесно связана с памятью об отце. Когда в 1852 г. Императорская Публичная Библиотека приобрела «древлехранилище» М.П. Погодина, то именно Тихону Федоровичу Большакову было поручено сопровождать короба с рукописями в Санкт-Петербург.

С.Т. Большаков прекрасно знал и понимал научные интересы В.Г. Дружинина, исходя из которых предлагал ему не только старопечатные и рукописные книги, но и современные. Так в письме от 6 июня 1902 г. упоминается сочинение о «пермском расколе»:

«Москва 1902 года июня 6 дня.

Милостивый Государь

Достоуважаемый!

Василий Григорьевич!

Желаю Вам всего лучшего.

Прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за уплату денег 10 руб., каковые я получил. Очень рад, что Вы решились приобрести эти 2-е редчайшие рукописи. Касательно же других, находящихся у Вас моих рукописей, то этому время терпит еще, как Вам свободно, тогда взгляните не спеша.

А теперь не благоугодно ли Вам будет сделать любезность на это письмо касательно яицких [нрзб].

Наверно, этот господин сам обратится к Вам с своей покорнейшей просьбой, но не пора ли и Вам осчастливить его тоже открытым письмом.

А также не подойдет ли Вам рукопись „Прение комиссара Слободскова (?) с раскольниками [в] 1724 году”, рукопись современная. С другими стихами интересно. Еще я приобрел 10 экземпляров „Обозрение пермского раскола т[ак] н[азываемого] старообрядства”, составлено А. П. С-Петербург, 1863 года. Если желаете, могу уступить Вам 50 коп.

Покорнейший слуга Сергей Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 24].

В книге «Обозрение пермского раскола так называемого «старообрядства» епископа Палладия (Павел Егорович Пьянков; 1813–1882) описано распространение старообрядчества на уральских заводах в Невьянске, Нижнем Тагиле и др. Автор отмечает: «Монастыри, поддерживаемые заводскими властями, служили сильной опорой и рассадником раскола. Таким образом, раскол скоро распространился и усилился в заводах Кыштымском и Каслинском» [Палладий, 1863. С. 14]. В.Г. Дружинин был членом Уральского общества любителей естествознания, Каслинского общественного собрания и одним из совладельцев Кыштымского завода и производил раскопки археологических памятников на заводской территории, совмещая их с инспекторскими поездками. В 1891–1895 гг. Василий Григорьевич, как член Императорской Археологической Комиссии, произвел раскопки городища Большая Нанюга близ Кыштымского завода в Екатеринбургском уезде Пермской губернии. В той же губернии изучал курганы в г. Верхотурье и близ д. Муслюмово [Имп. археол. комиссия, 2019. С. 915]. Как видим, книга «Обозрение пермского раскола...» была закономерным предложением.

В письме от 14 января 1903 г. Большаков «припас для рассмотрения» Дружинина некую картину «Поморских ответов». Речь идет о старообрядческом лубке, изображающем атрибуты обрядности и символики, принятые в староверии и в господствующей церкви. Подобного рода лубки (в разном художественном исполнении) имели хождение в среде старообрядцев и были наглядной полемикой и назиданием в вере [Маслова, 2015]:

«Москва 14 января 1903 г.

Милостивый Государь и

Достоуважаемый

Василий Григорьевич!

Желаю Вам всего лучшего.

При сем припас Вам для рассмотрения в свободное время:

Книга 240-к вопросов, в 4-ку, рукопись 20 р.

Картина „Поморских о[тветов]” 30 р.

Ежели бы Вы были любезны, обе взяли за 50. Которые благоволите рассмотреть и дать ответ, и на те, которые мной были Вам посланы через почту, и Вы их, вероятно, получили и изволили рассмотреть, за что остаюсь Вами я очень благодарен.

С совершенным почтением, имею честь быть готовый к услугам Ваш

Сергей Большаков.

Мой сын Дмитрий свидетельствует Вам нижайшее почтение. Маленький Коля Вам шлет свой привет. Оба желают Вам всего лучшего» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 26].

Письмо от 9 апреля 1903 г. содержит список предлагаемых на закупку книг и упоминает о двух подарках Дружинину. Первый — труд Словцова, второй — брошюра епископа Пафнутия Овчинникова:

**«Москва 9/IV 1903 г.
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Поздравляю Вас с праздником св. Пасхи, желаю Вам здоровья на многие лета и всего лучшего.

По непредвиденным обстоятельствам, поездка моя в Петербург откладывается, вероятнее всего до мая. Посылаю Вам приготовленные для Вас рукописи, а именно:

„Поморские ответы” в лист 75 р.

Два сборника:

а) Сборник в 8° поморский, со сказанием Соловецкого монас[тыря] 1670 г. и на обличения церкви.

б) Сборник с собором „о браках”, бывший около Углича. За оба сб. 75 р.

3. Полемический цветник со сказанием «О Макарии Новгородском [1655 г.]». Скоропись XVIII в. 20 р.

4. Два поморских портрета и картина — 50 р.

5. „Книжное исправление”, свящ[енника] Словцова. Это Вам в подарок.

При желании Вашем взять все, могу взять 200 руб.

У Вас же находящийся список „Поморских ответов” я могу у Вас взять, будьте любезны назначить ему цену по Вашему усмотрению.

Позвольте презентовать Вам брошюру нашего знаменитого бывшего епископа Пафнутия Овчинникова, который находится теперь в Белой Кринице, на покое, которую прилагаю при сем, „Старообр. Белокрнц.” 1903.

Сейчас только что приобрел картину с годом 1765 г.; прилагаю к другим вещам. Если угодно оставить, благоволите за нее 5 р.

С совершенным почтением, имею честь быть всепокорный слуга С. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 27–27об.].

Труд священника Николаевской Косинской церкви Старорусского уезда Новгородской епархии Николая Васильевича Словцова «Книжные исправления святейших патриархов и разрешение вопроса о соборных клятвах» был издан в 1902 г. в Новгороде на собственные средства автора. Миссионерская периодика, рекламируя книгу спустя 12 лет после ее выхода, утверждала, что Словцов «ясно и убедительно» доказывает, что «патриарх Никон действительно исправлял книги, а не портил их, как утверждают глаголемые старообрядцы» [Олонец. епарх. вед. 1915. № 1. С. 5–6].

Второй подарок Большакова связан с неоднозначной личностью в истории староверия. Епископ Пафнутий (Овчинников Поликарп Петрович; 1827–1907), переходивший из старообрядчества в единоверие и обратно, на склоне лет вернулся к старой вере, поселившись в селе Белая Криница Австрийской империи. Нам удалось обнаружить подробный рассказ Н.И. Субботина о брошюре Пафнутия:

«В Черновцах недавно напечатана маленькая, всего в 11 страниц печатного текста, брошюрка под следующим заглавием: *Белая Криница и российские старообрядцы*. Статья 1. Издание П.О. Эта „первая статья” предположенной к изданию, как увидим, целой серии подобных брошюр, далее озаглавлена так: *Митрополита Афанасия архиепископу Иоанну ответное послание*. В этом „послании” идет речь именно о приехавшей в Белую Криницу раскольнической экспедиции, или депутации,

и вот здесь-то указана уже ясно главная цель ее прибытия сюда» [Прибавление к Церк. вед. 1903, № 17. С. 652–653].

Далее Н.И. Субботин пишет, что «издание П. О.» — это Пафнутий Овчинников, который является не только издателем, но и автором ответного послания, с которым можно ознакомиться в приложении после статьи Субботина [Прибавление к Церк. вед. 1903, №17. С. 663–666].

Письмо С.Т. Большакова от 11 октября 1902 г. отличается особенно теплым тоном. В нем говорится о старшем сыне Дмитриии, наследнике торговой фирмы, в котором Сергей Тихонович видит в будущем «хорошего посредника между коммерческим и ученым миром»:

**«Москва, октябрь 11 дня 1903 г.
Милостивый Государь достоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Желаю Вам всего лучшего во всех Ваших предприятиях. Письмо Ваше от 9/8 получил, за что Вам очень, очень благодарен. Согласно Вашего желания мог увидеть (?) сто руб[лей] за икону, что у Вас находит[ся]. Как Вы изволите писать это, олифу лучше бы снять дать мастеру хорошему. Это не повредит олифу смыть [нрзб], только прикажите уменьшко и осторожнее обращаться.

Мое письмо Вам от 8 октября сын мой вам, верно, доставил, где уже я Вам писал, что ежели неудобно более Вам дать 100, я из уважения соглашаюсь. Касательно приобретений нового — особенно ничего нет, и все, что [нрзб] приобрету в Вашем вкусе, немедленно будет доставлено Вам у моего сына за его любезное Вами принятие (коего не пишете мне). Еще раз приношу мою искреннюю благодарность, душевно признателен за участие в его судьбе. Этим Вы сделаете большую пользу ученому миру, ежели под Вашей редакцией выйдет хороший посредник между коммерческим и ученым миром по доставлении книг на пользу нашей отечествен[ной] истории. Примите уверение в искреннем моем к Вам всегдашнем почтении [нрзб]. Честь имею быть покорный слуга С. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 31].

В письме от 31 декабря 1904 г. Большаков поздравляет Дружинина с днем Ангела и в конце рассказывает о «последнем» Всероссийском съезде старообрядцев:

**«Святителю Хр[и]ст[о]в Василие моли Б[о]га о нас
Москва, Декабря 31 дня 1904 г.
Милостивый Государь
уважаемый
Василий Григорьевич!**

Честь имею поздравить Вас с праздником Новым годом и со днем Вашего Ангела. Искренно и от всей души желаю Вам всего лучшего. Молитвы св. Василия Великого да соблюдут и хранят Вас на многие лета на пользу нашей науки.

Моя семья Вам кланяется и поздравляет с пожеланием Всего лучшего. Примите уверение в искреннем всегда к Вам почтении, с которым честь имею быть покорный слуга С. Большаков.

Вчера 30 состоялся второй и последний Съезд Всероссийских старообряд[цев], приемлющих священство, под председательством Сироткина (Д. В. из Нижнего). Где было на первом — будет около 60, длилось с 2 до 8 час[ов] вечер[а], на втором — около 25 человек. Вместе с Бугровым выработали 9 пунктов и в виде докладн[ых] записок повезли 12 депутатов к министру. Это все вам в нескольких (?) формах передает М.И. Бриллиантов лично» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 36].

Небольшая приписка о съезде, сделанная С.Т. Большаковым, содержит сложный исторический подтекст. До принятия Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) старообрядцы пережили ряд серьезных притеснений со стороны государственной власти. Так, давление, оказанное властью на московского архиепископа Саватия (Степан Васильевич Левшин; 1824–1898) привело к его отречению от первосвященства. Вновь избранный московский архиепископ Иоанн (Иустин Авксентьевич Картушин; 1837–1915) был отправлен в ссылку в Тулу. Остался единственный действующий старообрядческий епископ Арсений Уральский. В деле защиты прав старообрядцев он заручился поддержкой предпринимателя из Нижнего Новгорода Дмитрия Васильевича Сироткина (1864–1946) и московского начетчика Михаила Ивановича Бриллиантова (1858–1941). Было решено лично обратиться к императору с прошением. 14 сентября 1900 г. прошло первое заседание мирян-старообрядцев под председательством епископа Арсения. Так появилась организация Всероссийский съезд старообрядцев. Задача съезда — выяснение нужд старообрядчества, вопросы просвещения юношества в религиозно-нравственном направлении, создание собственных школ, ходатайство перед властями о правах старообрядцев.

Пятый Всероссийский съезд проходил с 2 по 5 августа 1904 г. в Нижнем Новгороде во время ярмарки. На нем присутствовало, по разным подсчетам, от 140 до 180 человек, съехавшихся со всех концов России. Заседания проходили в частном доме Д.В. Сироткина. Ключевым был вопрос о старообрядческой общине, получение ею статуса юридического лица.

12 декабря 1904 г. был издан Именной Высочайший Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Пункт 6 Указа гласил:

«Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [Старообрядческий вестник, 1905, №1. С. 57].

29–30 декабря 1904 г. члены Совета Всероссийского старообрядческого попечительства собрались в Нижнем Новгороде на экстренное совещание. В нем принял участие представитель беглопоповцев, предприниматель, общественный деятель и благотворитель Николай Александрович Бугров (1837–1911). В ходе совещания была выработана докладная записка, о которой упоминает Большаков, с приложением статей законов, ограничивающих деятельность старообрядцев. 31 декабря записка была представлена председателю Комитета министров С.Ю. Витте.

В письме от 4 февраля 1905 г. Большаков сообщает Дружинину, что работа петербургского отделения торговой фирмы временно приостановлена «вследствие последних событий». 4 февраля Великий князь Сергей Александрович погиб от бомбы, брошенной в его карету Иваном Каляевым. Вместо сына Дмитрия, деньги за поморскую певческую рукопись предложено передать доверенному лицу Артилову:

**«Москва 1905 фев. 4.
Милостивый Государь
Достоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Желаю Вам всего лучшего.

При сем имею честь препроводить Вам новоприобретенную книгу вроде поморского письма. Очень интересную по содержанию. Сначала идет вроде „Пчелы” а потом главная книга „Мерило жития человеческого” 1773 года. Как говорится, в конце „Пчелы” я подобной рукописи не встречал. Только слышал о ней. Ценой 25 руб. — уверен, что вполне этого стоит.

Вследствие последних событий институт, где учится Дмитрий, закрыт, я не могу сказать, когда он поедет в Петербург и будет иметь возможность стовориться об условиях с Вами лично. Поэтому покорнейше Вас прошу сообщить мне Ваше решение относительно приобретения крюкового поморского сборника, находящегося у Вас. Если желаете оставить, благоволите вручить деньги моему доверенному в Петербурге Артилову, он же предложит Вам картину „Чистая душа”, каковая у Вас уже есть, но может быть найдется какая-нибудь разница. Ежели угодно будет ее Вам оставить, то благоволите за нее 10 р., а не угодно, воротите не спеша.

Ваш покорный слуга, уважающ[ий] Вас С. Большаков [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 38–38об.].

Письмо от 13 февраля 1905 г. содержит информацию о редчайшем артефакте — иконе, изображающей четырех отцов Выговской пустыни:

**«13 февр. 1905
Милостивый Государь
достоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Сейчас я торговал редчайшую икону 7 вершков в старом окладе, изображающ[ую] 4 отца поморских — Андрея (Денисова) и Симеона, Петра (Прокопиев) и Даниила (Викулов) стоящих в рост, виду свои устремили кверху написанном[у] образу Спасителя. Небольш[ой] размер, хорошо написано, в общем, можно предположить, около 1780 год[а]. Написана художественно, хорошо сохранившись. Ценят за 175 р., будто бы хозяин дал сам за [н]ее сто сорок. То ежели подходяще будет Вашему собранию, благоволите телеграфировать, ибо этот хозяин во вторник 15 числа уедет.

Да, еще устав поморский богослужебный, довольно толстый, поморского письма, золот[ая] заставка, много интересных стих[ов]. За [н]его 90 руб. желает, не угодно ли что-нибудь сказать об этих двух предметах. Ваш всегда покорный слуга и поставщ[ик] С. Большаков» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 39].

Примечательно, что Большаков называет не только цену, но дает искусствоведческую оценку иконе — «написана художественно, хорошо сохранившись», а также называет предположительное время создания памятника. Сергей Тихонович был не только антикваром и букинистом, но и коллекционером. По предложению археографа А.Е. Викторова, 10 января 1865 года С.Т. Большаков был избран членом Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее [Устав и протоколы, 1874. С. 28]. В 1890 г. на VIII Археологическом съезде в Москве им было представлено собрание отца Т.Ф. Большакова. В 1903 г. в типографии А.И. Снегиревой С.Т. Большаков издал «Подлинник иконописный» из собственного собрания. В том же году на бланке для писем появляется запись: «Фирма удостоена больш[ой] золотой медали за истор[ическую] выставку в С.-Петербурге 1903 года».

Дальнейшую судьбу иконы, изображающей четырех отцов Выговской пустыни, мы узнаем из письма от 18 февраля 1905 г.:

**«Москва 18 февр. 1905
Милостивый Государь
Многоуважаемый
Василий Григорьевич!**

Желаю Вам здоровья и всего лучшего.

Любезное письмо Ваше от 16 с[его] м[есяца] получил. Благодарю Вас за уведомление. В ответ имею честь сообщить, что владелец иконы, подождав ответа до 15-го с[его] м[есяца] предложил ее Е. В. Барсову, который и взял ее очень охотно за 185 р., кажется, с отсрочкой платежа до 1-го июня с[его] г[ода].

Устав, принадлежавший мне, о котором я Вам писал, был действительно богослужебный, а не обиходный, и я его продал купцу Горбунову за 90 р.

Касательно находящихся у Вас моих 2 рукописей, прошу не стесняться сроком, пусть они у Вас побудут сколько Вам угодно, чтобы Вы имели возможность неспешно рассмотреть их.

Когда что будет интересного, с удовольствием сообщу Вам.

Мой сын Дмитрий сердечно благодарит Вас за память и шлет Вам свой низкий поклон. Искренно уважающий Вас,

Сергей Большаков.

P.S. Наверное Вы уже получили № 1-й „Старообрядческого вестника“. Его можно получать у И.И. Захарова» [РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 40].

Как видно из письма, икону поморских отцов купил Елпидифор Васильевич Барсов (1836–1917) — историк литературы, фольклорист, археограф, коллекционер, исследователь произведений народного творчества и древнерусской письменности. К началу XX столетия в коллекции Е.В. Барсова насчитывалось свыше 1500 рукописей по истории раскола и старообрядчества, собрания рукописей, рукописных и старопечатных книг.

В постскриптуме С.Т. Большаков упоминает «Старообрядческий вестник» — ежемесячный журнал белокриницкого согласия. Редактором первого номера, изданного в с. Климовцы (Австрия), был И.И. Захаров. Вестник ставил своей целью

«давать сведения о правовом и общественном положении старообрядцев, летопись событий в их церкви, а также — статьи и документы религиозно-нравственного и исторического содержания и вообще — имеющие нравственно-воспитательное значение, или относящиеся к жизни старообрядческой церкви и ее иерархии» [Старообрядческий вестник, 1905. № 1. С. 4].

В журнале, в частности, было помещено «Краткое начертание жития преосвященного Амвросия митрополита», история старообрядческой иерархии, сведения о соборе епископов 1904 года, статья «Старообрядческий праздник» по поводу выхода Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 года и другие публикации.

Приведенные нами письма С.Т. Большакова к В.Г. Дружинину дополняют переписку Дмитрия и Николая Большаковых [Маслова, 2024], образуя взаимосвязанный комплекс документов. Корреспонденция позволяет судить о формировании и составе коллекции Дружинина, его предпочтениях, об участии в судьбе наследника торговой фирмы Дмитрия Сергеевича Большакова. Приписки, сделанные рукой Сергея Тихоновича, служат доказательством продолжения устных бесед с Василием Григорьевичем по светским и религиозным вопро-

сам. Содержание писем прямо указывает на то, что отношения антиквара и коллекционера выходили за рамки исключительно коммерческих интересов. Таким образом, корреспонденцию Большаковых, сохранившуюся в архиве Дружининых, можно рассматривать как источник по истории антикварной и книжной торговли, старообрядчества и российской истории в целом.

Литература

Братское слово. 1883. № 3.

Григорьев А.Б. Гектографические издания в собрании РГБ, посвященные полемике вокруг «Окружного послания» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. № 3 (53). С. 93–130.

Дружинин В.Г. Букинисты с 1874 по 1915 г. / подг. текста, предисл., коммент. Л.Г. Ларионовой // Библиофила России. Том XV. 2019. М.: Собрание, Любимая Россия, 2019. С. 457–491.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019.

Маслова Ю.В. Письма Дмитрия и Николая Большаковых к В.Г. Дружинину (по материалам РГАЛИ) // Старообрядчество. 2024. Т. 2. № 1. С. 51–70.

Маслова Ю.В. Старообрядческий лубок как наглядная полемика и назидание в вере // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 39–45.

Московские епархиальные ведомости. 1872. № 18.

Московские церковные ведомости, 1881. № 36.

Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 1.

Палладий (Пьянков, Павел) Обзорение Пермского раскола так называемого «старообрядства», сост. А. П. [С прил.] / [Архим. Палладий, ректор Каменец-Подол. духов. семинарии]. СПб.: тип. Духовного журн. «Странник», 1863.

Прибавления к Тульским епархиальным ведомостям. 1879. №20.

Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. № 17.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 167. Оп. 1. Д. 99. Письма Большакова Сергеевича Тихоновича Дружинину Василию Григорьевичу. 6 марта 1897 — 20 декабря 1905.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.195. Оп. 1. Д. 3627. Дело об изъятии у книготорговцев С.Т. Большакова и Иванова раскольнических книг старой печати, предназначенных для продажи П.П. Вяземскому. 1875–1877.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 233. Письма Большакова Сергея Пругавину Александру Степановичу. 15 ноября 1883.

Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А.Половцова. СПб.: Импер. Рус. ист. о-во, 1896–1913 / Т. 3. Бетанкур-Бякстер. 1908.

Станкевич А.И. Воспоминания (подгот. Н.Л. Зубова) // Археографический ежегодник за 1997 год / Отв. ред.: С.О. Шмидт. М.: Наука, 1997. С. 44–67.

Старообрядец. 1907. № 7–8.

Старообрядческий вестник. 1905. № 1.

Устав и протоколы заседаний Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1874. 163 с.

Щукин П.И. Воспоминания. Из истории меценатства России. М.: ГИМ, 1997. 322 с.

References

A brotherly word. 1883, № 3. (In Russian)

Grigoriev A.B. Letters Dedicated to Polemics around the "Encyclical", from the Hectograph text Collection of the Russian State Library. St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies, 2014, no. 3 (53), pp. 93–130. (In Russian)

Druzhinin V.G. Second-hand booksellers from 1874 to 1915. text, preface, commentary by L.G. Larionova. Bibliophiles of Russia. Volume XV. 2019. Moscow, 2019, pp. 457–491. (In Russian)

Imperial archaeological Commission (1859–1917): history of the Russian state institutions from the foundations to the Reformation: collective monograph: in 2 vols. T. 2. St. Petersburg, 2019. (In Russian)

Maslova Ju.V. Letters from Dmitry and Nikolai Bolshakov to V.G. Druzhinin (based on the Russian State Archive of Literature and Art). Old Believer, 2024, vol. 2, no. 1, pp. 51–70. (In Russian)

Maslova Yu.V. Old Believers lubok as a visual polemics and edification in the faith. Cultural Heritage of Russia, 2015, no. 2, pp. 39–45.

Moscow Diocesan Gazette, 1872, no. 18. (In Russian)

Moscow Church Gazette, 1881, no. 36. (In Russian)

Olonets Diocesan Gazette, 1915, no. 1. (In Russian)

Palladium (Pyankov, Pavel) Review of the Permian schism of the so-called "Old Believers", comp. A. P. [With adj.]. St. Petersburg: type. Spiritual journal. The Wanderer, 1863. (In Russian)

Additions to the Tula Diocesan Gazette, 1879, no. 20. (In Russian)

Additions to the Church Records, 1903, no. 17. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 167. Inventory 1. File 99. (In Russian). The letters from Bolshakov Sergeevich Tikhonovich to Druzhinin Vasily Grigorievich. March 6, 1897 — December 20, 1905. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 195. Inventory 1. File 3627. (In Russian). The case of the seizure from booksellers S.T. Bolshakov and Ivanov of old-print schismatic books intended for sale to P.P. Vyazemsky. 1875–1877. (In Russian)

Russian State Archive of Literature and Art. Fund 2167. Inventory 1. File 233. (In Russian). The letters from Sergei Bolshakov to Alexander Stepanovich Prugavin. November 15, 1883. (In Russian)

Russian Biographical Dictionary. St. Petersburg: Imp. Rus. ist. about, 1896–1913. Vol. 3. Betancourt-Byakster, 1908. (In Russian)

Stankevich A.I. Memoirs (prepared by N.L. Zubov). Archeographic yearbook for 1997. Moscow: Nauka, 1997, pp. 44–67. (In Russian)

The Old Believer, 1907, no. 7–8. (In Russian)

The Old Believers' Bulletin, 1905, no. 1. (In Russian)

The Charter and minutes of meetings of the Society of Ancient Russian Art at the Moscow Public Museum. Moscow, 1874, 163 p. (In Russian)

Shchukin P.I. Memoirs. From the history of Russian patronage. Moscow: GIM, 1997, 322 p. (In Russian)

Верстка: Лазарева Анна
Дизайн обложки: Лазарева Анна
Корректор: Лисина Галина
Формат: 200×280
Бумага: офсетная, 80 гр/м²
Печать: цифровая
Тираж: 100 экз.
Сдано в печать: 30.06.2024

ISSN 2949-4001

9 772949 400005

2 4 0 0 2

>